

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Пиперски Александр Чедович

**ДИНАМИКА СИСТЕМЫ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.04 — германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
д.ф.н. проф.
Сквайрс Екатерина Ричардовна

Москва, 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	9
1.1. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СИНХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	9
1.2. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	15
1.3. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ПЕРЕХОДА СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЛАБЫЕ	20
1.4. ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЛАБЫЕ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА .	24
1.5. МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕХОДА СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЛАБЫЕ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	34
1.6. ВЫВОДЫ	41
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	43
2.1. ПРИНЦИПЫ СБОРА, АНАЛИЗА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА	43
2.2. ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЕ СИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ СУДЬБА В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	50
2.3. ВЫВОДЫ	121
ГЛАВА 3. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕХОДА СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЛАБОЕ СПРЯЖЕНИЕ	123
3.1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ ОБ ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ	123
3.2. ГРУППЫ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	123
Класс I.....	127
Класс II.....	127
Класс III	129
Класс IV	130
Класс V.....	131
Класс VI.....	131
Класс VII.....	132
3.3. СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ДАННЫХ ОБ ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ	136
3.4. РАЗМЕРЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРУПП В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	147
3.5. РАЗМЕР ГРУППЫ И СОХРАННОСТЬ СИЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ.....	149
3.6. ЧЕРЕДОВАНИЯ В ПАРАДИГМЕ И СОХРАННОСТЬ СИЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ	156
3.7. ВЫВОДЫ	159

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	175

Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию динамики системы сильных глаголов в истории немецкого языка. Анализ проводится на основе синтеза различных методологических подходов, распространенных в языкознании: в работе сочетается традиционная методология сравнительно-исторической германистики, современные достижения морфологической теории и статистические методы, активно распространившиеся в лингвистике в последние десятилетия благодаря развитию вычислительной техники.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- 1) центральным положением глагола в грамматической системе германских языков (вербоцентризм в терминологии О. А. Смирницкой), которое делает необходимым подробное изучение развития глагольной системы;
- 2) необходимостью систематизировать данные, накопленные к настоящему времени исторической германистикой, применительно к системе немецких сильных глаголов в ее развитии;
- 3) необходимостью применения современных подходов к задачам диахронической лингвистики для объяснения изменений в истории немецкого глагола.

Степень разработанности темы диссертации можно считать не вполне достаточной: хотя существует значительное число работ по истории германского и немецкого глагола (см. обзор литературы в главе 1), однако фронтальный анализ системной эволюции всей совокупности сильных глаголов в истории немецкого языка с учетом структуры их парадигмы и с использованием статистических методов ранее не проводился.

Цели и задачи диссертации состоят в том, чтобы проследить историю всех сильных глаголов, имевшихся в древневерхненемецком языке, обобщить полученные результаты и объяснить их в рамках современных теорий, выдвигаемых в области сравнительно-исторического языкознания и диахронической морфологии.

Для решения поставленных задач применялись следующие **методы** исследования материала:

— сравнительно-исторический метод в приложении к морфологическому типу германского сильного глагола и его словоизменительных средств;

— метод сплошной выборки сильных глаголов древневерхненемецкого языка различных типов с дальнейшим изучением их эволюции по лексикографическим источникам и базам данных, охватывающим материал различных периодов истории немецкого языка;

— комплекс статистических методов анализа полученного материала.

Основой для статистической обработки материала служит специально разработанная в диссертации система параметров, релевантных для исследования сильных глаголов; она была получена в результате применения исследований по общей морфологии к исторической грамматике немецкого языка.

Научная новизна работы заключается в следующем: 1) впервые проанализировано поступательное развитие немецких сильных глаголов как целостной системы, начиная от древневерхненемецкого периода и вплоть до современного состояния немецкого языка; 2) впервые применены статистические методы для обобщения выводов, сделанных при фронтальном анализе материала с позиций исторической германистики.

Теоретическая значимость диссертации заключается 1) в комбинировании различных теорий из области диахронической морфологии и сравнительно-исторического языкознания применительно к истории немецкого языка; 2) в выработке теории статистического анализа развития сильных глаголов в немецком языке, которая может быть в дальнейшем использована при разработке аналогичных тем на материале других германских языков.

Практическая значимость работы позволяет использовать ее при подготовке различных вузовских курсов для германистов, в частности по введению в германскую филологию, по сравнительной грамматике германских языков и истории немецкого языка (раздел «Историческая морфология»). Материал и

выводы диссертации могут быть полезными и при написании учебных пособий по указанным университетским курсам.

Степень достоверности и апробация работы: обсуждение основных положений диссертации осуществлялось во время стажировки в университетах городов Бремен (Германия), Порту (Португалия) и Палермо (Италия) с октября 2010 года по июль 2012 гг. Основные результаты работы обсуждались в ходе доклада на заседании научно-студенческого общества кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2012 году. Материалы исследования использовались при проведении практических занятий по древневерхненемецкому языку на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также практических занятий по готскому языку и введению в германскую филологию в институте гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Предварительные результаты исследования излагались на конференциях «Ломоносов–2011» и «Ломоносов–2012» в МГУ имени М.В. Ломоносова, на конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей–2011, 2012 и 2013 в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), а также на международной конференции «IV Немецко-российская рабочая встреча по истории книги» (МГУ имени М.В. Ломносова / Университет Марбурга, Москва, 2013). Окончательная версия работы прошла апробацию на заседании кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Методология и основные результаты исследования отражены в публикациях диссертанта, три из которых опубликованы в ведущих российских рецензируемых научных журналах, а одна — в ведущем зарубежном научном журнале.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основное направление динамики системы сильных глаголов в истории немецкого языка — постепенный переход части сильных глаголов в слабое спряжение.

2. Постепенное вытеснение сильных глаголов слабыми обусловлено формальными свойствами этих двух словоизменительных типов и находит убедительное объяснение в рамках теории естественной морфологии, выдвинутой В. Дресслером и другими учеными в 1970-е – 1980-е годы.
3. Применение статистических методов позволяет глубже понять процессы, происходящие в системе сильных глаголов, поскольку такие методы дают возможность делать обобщённые, а не частные выводы о судьбе сильных глаголов.
4. Вероятность перехода сильного глагола в слабое спряжение на пути от древневерхнемецкого к средневерхнемецкому периоду зависит от размера группы, к которой принадлежит глагол, и от его парадигматики (наличия / отсутствия чередования в презенсе, сопутствующего аблауту как основному признаку сильного глагола).
5. Вероятность перехода сильного глагола в слабое спряжение в более поздние периоды не зависит от размера группы и от парадигматики, а определяется другими факторами, в первую очередь частотностью и межлексемными ассоциативными отношениями (т. е. взаимодействием с омонимами и дериватами, в первую очередь каузативами).
6. Начиная с ранненововерхнемецкого периода утрачивается системность в разделении сильных глаголов на группы; как однородные группы продолжают существовать только старые глаголы I класса и глаголы III класса с носовым согласным после чередующегося гласного.

Структура работы определяется поставленными целями и задачами, а также выбранными методами исследования. Диссертация состоит из трех глав и Заключения. В главе 1 дается приводится определение сильного и слабого глагола, обзор литературы по теме и аргументируется положение 1, выносимое на защиту. В этой же главе с теоретических позиций обсуждаются механизмы и причины перехода сильных глаголов в слабое спряжение и обосновываются положения 2 и 3, выносимые на защиту. В главе 2 проводится анализ материала: обосновываются

методологические принципы исследования, устанавливаются критерии признания глагола сильным или слабым в спорных случаях, а затем для всех сильных глаголов древневерхненемецкого языка прослеживается их судьба в ходе истории немецкого языка; при этом. В главе 3 полученный материал анализируется при помощи статистических методов; на основании этого анализа делаются выводы о динамике сильных глаголов в истории немецкого языка и о судьбе системы аблаута в целом. В этой главе обосновываются положения 4, 5 и 6, выносимые на защиту: устанавливается наличие причинно-следственной связи между динамикой развития сильного глагола и его принадлежностью к большой или малой группе, а также его парадигматикой; делаются общие выводы о судьбе сильных глаголов как системы. В Заключение диссертации обобщены итоги выполненного исследования, а также намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Глава 1. Сильные и слабые глаголы немецкого языка в синхроническом и диахроническом аспекте

1.1. Сильные и слабые глаголы немецкого языка в синхроническом аспекте

Глаголы в немецком языке, как и во всех германских языках, делятся на два больших словоизменительных класса — сильные и слабые. За этими условными терминами, введенными Я. Гриммом в «Немецкой грамматике» [Grimm 1822: 836, 839], стоят значительные различия в способах образования форм времен и наклонений.

Для демонстрации различий между сильными и слабыми глаголами в этом разделе мы используем материал современного немецкого литературного языка. Аналогичные факты могут быть приведены для любых других периодов истории немецкого языка: современный немецкий язык выбран лишь для наглядности.

В современном немецком языке сильные глаголы отличаются от слабых в целом ряде форм: в изъявительном и сослагательном наклонении простого прошедшего времени (претерита), в причастии прошедшего времени (причастие II), во 2–3 лице единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени и в единственном числе повелительного наклонения:

1) сильные глаголы образуют изъявительное наклонение претерита при помощи чередования гласных в корне и без суффикса; слабые глаголы не имеют чередований в корне и присоединяют суффикс *-te*: ср. сильные глаголы *laufen* ‘бежать’ — *er lief* ‘он бежал’, *helfen* ‘помогать’ — *er half* ‘он помогал’ и слабые глаголы *kaufen* ‘покупать’ — *er kaufte* ‘он купил’, *schenken* ‘дарить’ — *er schenkte* ‘он подарил’;

2) сильные глаголы образуют синтетическое сослагательное наклонение претерита (в немецкой традиции обычно используется термин «Konjunktiv II» [Duden Grammatik 1998, Eisenberg 2006, Engel 1996 и т. д.]; в российской традиции термин «конъюнктив II» не прижился и подвергается критике [Зеленецкий 2012: 74]) от основы изъявительного наклонения претерита с помощью прибавления суффикса *-e* и (в некоторых случаях) чередования гласных, в то время как у слабых глаголов синтетическая форма сослагательного наклонения претерита совпадает с

изъявительным наклонением претерита: ср. сильные глаголы *laufen* ‘бежать’ — *er lief* ‘он бежал’, *er lief* ‘он бежал бы’, *helfen* ‘помогать’ — *er half* ‘он помогал’, *er hülfe* ‘он бы помогал’ и слабые глаголы *kaufen* ‘покупать’ — *er kaufte* ‘он покупал; он покупал бы’, *schenken* ‘дарить’ — *er schenkte* ‘он дарил; он дарил бы’. Гласный сослагательного наклонения претерита чаще всего бывает связан с гласным изъявительного наклонения претерита чередованием по умлауту (напр., *er grub* ‘он копал’ — *er grübe* ‘он копал бы’), однако в некоторых случаях это не так (ср. выше *er half* — *er hülfe*). Это обусловлено тем, что сослагательное наклонение претерита восходит к древней основе множественного числа прошедшего времени, а изъявительное наклонение может восходить как к основе единственного числа, так и к основе множественного числа в зависимости от различных факторов (подробнее см., напр., [Филичева 2003: 260–266]). Впрочем, все сказанное в этом пункте не имеет отношения к современному живому языку, поскольку форма сослагательного наклонения претерита сейчас употребляется крайне редко, заменяясь на аналитическую конструкцию (Konditionalis II, кондиционалис II; в отличие от термина «конъюнктив II», этот термин вполне употребителен в русскоязычной литературе, ср. [Смирницкая 1977; Ермолаева 1977; Зеленецкий 2012 и др.]): *er würde laufen*, *er würde helfen*, *er würde kaufen*, *er würde schenken*;

3) сильные глаголы образуют причастие прошедшего времени (причастие II, которое в самостоятельном употреблении имеет пассивное значение, а также используется для образования аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта) с помощью показателя *ge-...-en* и (в некоторых случаях) чередования корневого гласного по сравнению с инфинитивом; слабые глаголы образуют причастие II с помощью показателя *ge-...-t* и без чередования гласных: ср. сильные глаголы *laufen* ‘бежать’ — *gelaufen*, *helfen* ‘помогать’ — *geholfen* и слабые глаголы *kaufen* ‘покупать’ — *gekauft*, *schenken* ‘дарить’ — *geschenkt*. Отметим, что показатель причастия II может трактоваться по-разному: как циркумфикс (см., напр., [Elsen 2011: 179]) или как сочетание приставки и суффикса (см., напр., [Абрамов 1999: 56]), однако этот теоретический спор не имеет непосредственного значения для нашего исследования;

4) некоторые (но не все) сильные глаголы во 2–3 лице единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени имеют чередование гласного в корне по сравнению с инфинитивом и остальными формами изъявительного наклонения настоящего времени; слабые глаголы таких чередований не имеют: ср. сильный глагол *laufen* ‘бежать’ — *ich laufe* ‘я бегу’, *du läufst* ‘ты бежишь’, *er läuft* ‘он бежит’ (*au* vs. *äu*) и слабый глагол *kaufen* ‘покупать’ — *ich kaufe* ‘я покупаю’, *du kaufst* ‘ты покупаешь’, *er kauft* ‘он покупает’ (чередование гласных отсутствует);

5) некоторые (но не все) сильные глаголы в единственном числе повелительного наклонения имеют чередование гласного в корне по сравнению с инфинитивом: ср. сильный глагол *helfen* ‘помогать’ — *hilf* ‘помогай’ (*e* vs. *i*) и слабый глагол *schenken* ‘дарить’ — *schenk(e)* ‘дари’ (чередование гласных отсутствует).

Таким образом, для сильных глаголов в современном немецком языке характерна морфологизация древних чередований по аблауту и умлауту: если условиться считать огласовку инфинитива исходной, то в изъявительном наклонении претерита и в причастии II мы наблюдаем аблаут в сравнении с инфинитивом, во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. и в ед. ч. повелительного наклонения — умлаут, а в сослагательном наклонении претерита — сочетание аблаута и умлаута.

Дополнительным признаком сильного глагола может являться неавтоматическое чередование¹ согласных в изъявительном и сослагательном наклонении претерита и в причастии II, по происхождению связанное с законом Вернера [Verner 1877]: *leiden* ‘страдать’ — *er litt* ‘он страдал’ (переход /d/ в /t/ не является автоматическим (позиционным) оглушением на конце слова, поскольку /t/ выступает и перед гласным, т. е. в сильной позиции по глухости/звонкости: *wir litten* ‘мы страдали’), *er litte* ‘он бы страдал’, *gelitten* ‘выстраданный’.

Если не вдаваться в подробности образования отдельных форм, описанные выше, можно обобщить разницу между сильным и слабым спряжением как разницу

¹ Подробнее о различении автоматических и неавтоматических чередований см. [Касевич 2006: 258; Князев, Пожарицкая 2011: 220–221].

в используемых морфологических средствах. В качестве общетипологического фона для анализа немецкого материалы мы применим классификацию И. А. Мельчука, согласно которой в языках мира существует пять основных типов морфологических средств [Мельчук 1997–2006: III, 10–11]:

- 1) сегментные сущности;
- 2) супрасегментные сущности;
- 3) модификации;
- 4) конверсии;
- 5) порядок элементов.

Видно, что разница между сильными и слабыми глаголами состоит в том, что слабые глаголы могут использовать при образовании форм времен и наклонений лишь сегментные сущности, а сильные глаголы могут использовать не только сегментные сущности, но и модификации (чередования гласных в корне). Все вышесказанное обобщено в табл. 1:

	Сильные глаголы		Слабые глаголы	
	Сегментные сущности	Модификации	Сегментные сущности	Модификации
изъяв. прет.	–	+	+	–
сосл. прет.	+	+	–	–
прич. II	+	(+)	+	–
2–3 л. ед. изъяв. наст	+	(+)	+	–
ед. повел.	–	(+)	(+)	–

Табл. 1: Типы морфологических средств, используемых сильными и слабыми глаголами в современном немецком языке

Символы в табл. 1 заключены в скобки в тех случаях, когда некоторый вид маркирования характерен не для всех глаголов данного спряжения или является опциональным. Первое касается модификаций в четырех случаях из пяти для глаголов сильного спряжения, поскольку есть глаголы, которые не имеют в данных формах чередований; второе относится к единственному числу повелительного

наклонения слабого спряжения, которое в зависимости от фонетических и стилистических условий может присоединять или не присоединять сегментный показатель *-e* (*schenk* или *schenke* ‘дари’).

Табл. 1 наглядно демонстрирует, что слабые глаголы не используют модификации (т. е. чередования гласных) ни в каких формах; кроме того, из нее видно, что сильный глагол обязательно имеет модификацию по сравнению с основной инфинитива в изъявительном наклонении претерита, из которой автоматически вытекает и модификация в сослагательном наклонении претерита в сравнении с инфинитивом. Таким образом, одна из главных примет сильного глагола — это наличие чередования в претерите в сравнении с инфинитивом.

Вторая главная примета, надежно отличающая сильные глаголы от слабых, также упоминалась выше: это тип последнего согласного в показателе причастия II. У сильных глаголов этот согласный является носовым (*n*), а у слабых глаголов — шумным (*t*).

Из этого следует рабочее определение сильного глагола, которым мы будем пользоваться в дальнейшем:

Сильный глагол — это такой глагол, который образует претерит при помощи чередования гласных в корне в сравнении с инфинитивом и имеет носовой согласный (*n*) в показателе причастия II.

Соответственно, определение слабого глагола включает в себя противоположные свойства:

Слабый глагол — это такой глагол, который образует претерит при помощи суффикса и имеет шумный согласный (*t*) в показателе причастия II.

Разумеется, эти определения можно было бы уточнить, включив в них дополнительные признаки (например, отсутствие чередований гласных у слабых глаголов), однако мы не делаем этого потому, что определения, предложенные выше для одной синхронной стадии — современного немецкого языка, применимы к глаголам немецкого языка на всех этапах его развития, охватывая примерно одинаковый набор глаголов для каждого периода. Так, если бы в определение

слабого глагола было включено отсутствие чередований гласных, невозможно было бы расклассифицировать средневерхненемецкие глаголы с так называемым обратным умлаутом (т. е. с умлаутированным гласным в инфинитиве и в настоящем времени и с гласным без умлаута в претерите), восходящие к слабым глаголам 1-го класса: ср. ср.-в.-нем. *küssen* ‘целовать’ — *er kuste* ‘он целовал’, *hœren* ‘слышать’ — *er hôrte* ‘он слышал’.

Итак, имеется два основных типа глагольного спряжения, по которым распределены глаголы немецкого языка. Однако все же нельзя утверждать, что все глагольные лексемы немецкого языка абсолютно строго делятся на два типа: существует некоторое (небольшое) количество глаголов, которые не вписываются в бинарное противопоставление сильных и слабых. Так, например, глагол *bringen* ‘приносить’ имеет форму претерита с чередованием гласных, чередованием согласных и с суффиксом *-te* (*er brachte* ‘он принес’), что не позволяет однозначно охарактеризовать его как сильный или как слабый. Современный немецкий глагол *salzen* ‘солить’ имеет претерит *salzte* ‘он солил’, который указывает на слабое спряжение, и причастие II *gesalzt* или *gesalzen*: первый вариант соответствует слабому спряжению, а второй — сильному. Глагол *backen* ‘печь’ имеет вариативность в формах претерита (*er buk* или *er backte* ‘он пек’) и сильное причастие II (*gebacken*).

Фразы (1)–(6), взятые из реальных текстов, входящих в состав корпуса DeReKo (<http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>), иллюстрируют употребление различных форм претерита и причастия II у глаголов *salzen* и *backen*:

(1) *Ich ergriff den Streuer und salzte großzügig* ‘Я взял солонку и щедро насыпал соли’ (Rhein-Zeitung, 2011)

(2) *Wenn die Straße gut gesalzt worden ist und es mal vorangeht, denken die Autofahrer nicht daran, dass sie auch wieder bremsen müssen* ‘Когда дорога хорошо посыпана солью и машина летит вперед, водители не задумываются о том, что им потом придется тормозить’ (Rhein-Zeitung, 2010)

(3) *Spezielle Vorsicht ist geboten, wenn die Strassen frisch **gesalzen** sind* ‘Следует быть особенно осторожным, если дорога недавно была посыпана солью’ (St. Galler Tagblatt, 1998)

(4) *Am Anfang **backte** Paula nebenbei in ihrer Wohnung Lebkuchen und verkaufte die Leckerei an Freunde und Bekannte* ‘Вначале Паула в свободное время пекла у себя дома пряники и продавала их друзьям и знакомым’ (Nürnberger Nachrichten, 2001)

(5) *So **buk** beispielsweise die Klasse 3 c gestern mit Lehrerin Beatrix Lohmer Kartoffelgratin* ‘К примеру, 3с класс вчера вместе с учительницей Беатрикс Ломер пек картофельную запеканку’ (Rhein-Zeitung, 2001)

(6) *13 Kuchen hatten die Mütter **gebacken**. Der Gast wählte den Apfelkuchen* ‘Матери испекли 13 пирогов. Гость выбрал яблочный’ (Braunschweiger Zeitung, 2013)

Такие случаи, не вписывающиеся в бинарное членение глаголов на сильные и слабые, с точки зрения синхронии являются исключениями, количество которых пренебрежимо мало на общем фоне, однако они представляют большой интерес с точки зрения диахронической лингвистики, поскольку вариативность и нерегулярность на синхронном срезе являются результатом и явным свидетельством интересных диахронических процессов [McMahon 1994: 225]. В данном случае мы имеем дело со сложным взаимодействием двух словоизменительных типов — сильного и слабого, которое разворачивается на всем протяжении истории немецкого языка.

1.2. Сильные и слабые глаголы немецкого языка в диахроническом аспекте

Разграничение сильных и слабых глаголов, проиллюстрированное выше на материале современного немецкого языка, применимо ко всем периодам развития немецкого языка, а также к прагерманскому языковому состоянию. Несмотря на это, на разных этапах истории германских языков противопоставление грамматических категорий реализовывалось по-разному.

Так, в прагерманский период средством, маркирующим формы сильных глаголов, был аблаут — неавтоматическое чередование гласных, восходящее к

праиндоевропейскому языку; подробнее см. [СГГЯ 1962–1966: IV; Krahe, Meid 1969; Meid 1971; Bammesberger 1986; Ringe 2006; Mailhammer 2007a¹ и др.]. Однако необходимо отметить, что роль аблаута в глагольной системе праиндоевропейского языка была менее существенной, чем в германских языках, поскольку наряду с аблаутом противопоставление видо-временных форм реализовывалось также с помощью других морфологических средств — приставки *e-* (т. наз. аугмент) и редупликации [Савченко 1974: 139–167]. В германской группе языков индоевропейская глагольная система, которая традиционно реконструируется по греко-арийской модели, подверглась значительным изменениям: трехчленная оппозиция презенс ~ аорист ~ перфект заменилась двучленной оппозицией презенс ~ претерит, а также постепенно утратились такие характерные индоевропейские морфологические средства, как аугмент и редупликация; А. Баммесбергер связывает коренную перестройку германской глагольной системы и превращение аблаута в основной маркер категориальных противопоставлений с фиксацией ударения на корневом слоге [Bammesberger 1986: 123–124].

В древневерхненемецком языке к аблауту прибавляется умлаут, который остается автоматическим чередованием вплоть до редукции заударного *i* и *u*, а также повышение / понижение гласных, уже являющееся неавтоматическим чередованием в форме единственного числа повелительного наклонения, в которой показатель *-i* редуцировался еще до появления первых письменных памятников немецкого языка (ср. *neman* ‘брат’ — *nim* ‘бери’ < **nimi* < **nemi*); в ср.-в.-нем. языке в результате редукции безударных гласных морфологизуется умлаут (подробнее о протекании этого процесса см. [Schirmunski 2010; Жирмунский 1956]), вследствие чего количество неавтоматических чередований в парадигме сильных глаголов возрастает. Однако два основных признака, различающие сильные и слабые глаголы, выделение которых было проиллюстрировано в разделе

¹ Хотя эта работа и является новейшим обобщающим трудом по истории германских сильных глаголов, к ней следует относиться с осторожностью, поскольку Р. Майльхаммер придерживается не вполне общепринятых взглядов на индоевропейскую и германскую историческую морфологию.

1.1 на материале современного немецкого языка, применимы ко всей истории германского глагола начиная с прагерманской эпохи: способ образования претерита и причастия II — это то, что надежно отличает сильные глаголы от слабых (ср., напр., [СГГЯ 1962–1966: IV, 370] где выделяются те же два признака слабых глаголов — дентальный претерит и прич. на *-to-*).

Однако еще Я. Гримм, давший названия сильным и слабым глаголам, обратил внимание на то, что в ходе истории немецкого языка сильные глаголы постепенно уступают место слабым:

Sichtbar ist die starke conj. die ursprüngliche, ihre bewegungen geschehen freier, vollständiger, als die der schwachen. Auch das bewährt diese ansicht, daß die starke flexion stufenweise versinkt und ausstirbt, die schwache aber um sich greift¹ [Grimm 1822: 839]

Если в др.-в.-нем. сильные глаголы составляли 12% всей глагольной лексики, то в современном немецком языке на них приходится лишь 4% [Augst 1975]. Так, древневерхненемецкие глаголы *salzan* и *bahhan*, к которым восходят упоминавшиеся выше современные немецкие глаголы *salzen* и *backen*, относились к сильному спряжению, которое теперь частично уступило место слабым формам. Более того, существует значительное число глаголов, которые в современном немецком языке не имеют реликтов сильных форм, несмотря на то, что в свое время они изменялись по сильному спряжению: к примеру, глаголы *walten* ‘управлять’ и *falten* ‘складывать, сгибать’ имеют в современном немецком языке только слабые формы (*er waltet* ‘он управляет’, *er waltete* ‘он управлял’, причастие II *gewaltet* и т. д.; *er faltet* ‘он складывает’, *er faltete* ‘он складывал’, причастие II *gefaltet* и т. д.); хотя в древневерхненемецкий период они относились к сильному спряжению (*er weltit* ‘он управляет’, *er wialt* ‘он управлял’, причастие II *giwaltan* и т. д.; *er feldit* ‘он складывает’, *er fialt* ‘он складывал’, причастие II *gifaltan* и т. д.).

¹ Видно, что сильное спряжение является исконным: его движения свободнее и полнее, чем у слабого спряжения. Это суждение подтверждается и тем, что сильное спряжение постепенно угасает и вымирает, а слабое распространяется.

Таким образом, в ходе истории немецкого языка многие глаголы сильного спряжения перешли в слабое. Обратный процесс перехода из слабого спряжения в сильное, хотя и засвидетельствован, но представлен крайне незначительным числом глаголов, большинству из которых так и не удалось закрепиться в современном немецком языке [Paul 1916–1922: II, 253–258].

При этом очевидно, что два типа спряжения уже начиная с древневерхненемецкой эпохи не противопоставляются по значению: и то, и другое — лишь способы маркировать один и тот же набор грамматических категорий. В немецком языке, как и в германских языках в целом, противопоставление сильных и слабых глаголов не выходит за пределы чисто формального противопоставления словоизменяемых классов и не превращается в грамматическую категорию, наделенную каким бы то ни было значением. Отметим, что в прагерманском слабые глаголы являлись суффиксальными производными с достаточно четко очерченной семантикой (так, 1-й класс слабых глаголов часто включал в себя каузативы, а 3-й класс — стативы), и они теоретически могли бы грамматикализовать свое семантическое противопоставление с сильными глаголами, однако этого не произошло: напротив, семантика классов слабых глаголов постепенно размывалась, а затем вследствие процессов редукции утратились и формальные различия между ними (в разных языках этот процесс происходил с разной интенсивностью). В результате можно говорить не о категориальном противопоставлении сильных глаголов слабым по грамматической семантике, а лишь о наличии некоторых лексико-грамматических разрядов в системе слабых глаголов, которые сохраняются как реликты. О том, что семантические приметы отдельных классов слабых глаголов не конституируют грамматические категории, свидетельствует тот факт, что в германских языках они характеризуют лексему в целом, а не некоторое подмножество ее форм: ср. противопоставление грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов, проводимое А. И. Смирницким: «Никакая категориальная форма не может охватывать слово в целом, т. е. быть представленной всеми словоформами данного слова, или, иначе говоря, участвовать во всех грамматических формах,

находимых у данного слова: если какая-либо подобная грамматическая характеристика оказывается присущей всему слову, в различных грамматических его формах, то мы уже будем иметь дело не с категориальной формой слова, но с определенным его категориальным разрядом, который будет представлять собой не грамматическую, а лексико-грамматическую категорию» [Смирницкий 1959: 8–9]. О противопоставлении грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов см. также [ЛЭС 1990: 115–116, 215–216]

Так, например, сильное / слабое спряжение иногда маркирует непереходность / переходность (*erschrecken* ‘пугать’ — *er erschreckte* ‘он пугал’, но *erschrecken* ‘пугаться’ — *er erschrak* ‘он пугался’). Это противопоставление восходит к противопоставлению сильных глаголов образованным от них каузативным слабым глаголам 1-го класса, однако таких пар в современном немецком языке не очень много; в более ранние периоды их было больше, однако этот способ словообразования утратил продуктивность уже в древневерхненемецком и остался лишь в статусе характерного признака лексико-грамматического разряда каузативных глаголов. Грамматическим средством выражения каузативности в немецком языке стали перифрастические конструкции (см., например, [Недялков 1971]).

Таким образом, начиная с эпохи древнейших письменных памятников в грамматической системе немецкого языка имеется синонимия: одинаковый набор значений выражается разными средствами. Отсюда вытекает вопрос, ответ на который мы постараемся дать в данной работе:

- 1) **почему** именно сильное спряжение постепенно уступает место слабому, а не сохраняется статус-кво или, наоборот, слабое спряжение не уступает место сильному?

Второй вопрос, который связан с этим процессом, таков:

- 2) **как** именно происходит переход глагола из сильного спряжения в слабое?

Очевидно, что изменение принадлежности к словоизменительному типу — процесс постепенный и многоэтапный. Например, если сильный др.-в.-нем. глагол

waltan превращается в слабый совр. нем. глагол *walten*, то это происходит отнюдь не мгновенно: в реальности за этим стоят сложные лингвистические механизмы.

Наконец, можно сформулировать и третий вопрос, который нуждается в подробном обсуждении:

3) **что** именно происходит: какие глаголы подвергаются переходу из сильного спряжения в слабое и в какие периоды истории немецкого языка это имеет место?

Ответы на три этих вопроса взаимосвязаны: не понимая, что происходит, едва ли возможно говорить о том, как и почему это происходит, и наоборот.

В нашей работе мы рассмотрим эти три вопроса и постараемся дать ответы на них. В разделах 1.4 и 1.5 с теоретической точки зрения рассматриваются вопросы «почему?» и «как?»: мы обсуждаем вопрос о том, почему слабые, а не сильные глаголы оказались экспансивным словоизменительным классом, и в общих чертах описываем возможные механизмы языковых изменений при смене спряжения у конкретного глагола с сильного на слабое. Глава 2 посвящена ответу на третий вопрос («что?»): в ней производится анализ конкретного языкового материала, а именно истории отдельных глаголов. Фактически, она представляет собой набор небольших словарных статей, в каждой из которых сделан упор на тип спряжения глагола в разные периоды истории немецкого языка. В общей сложности в ней содержится информация о 275 глаголах, которые были сильными в др.-в.-нем. Глава 3 — это синтез предшествующих глав, объединяющий в себе ответы на три вопроса: в ней проводится статистический анализ данных, представленных в главе 2, который позволяет сделать обобщения, ведущие к уточнению ответов на вопросы «почему?» и «как?», с теоретических позиций рассмотренных в главе 1. В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются результаты.

1.3. Обзор литературы по истории перехода сильных глаголов в слабые

Наше исследование, посвященное взаимодействию сильного и слабого спряжения, базируется на большом количестве работ других германистов. Истории

сильного спряжения посвящено значительное количество литературы (ср., например, [Mailhammer 2007a] и библиографию в этой книге), однако темой большей части исследований является развитие собственно сильного спряжения в прагерманскую эпоху и в отдельные периоды истории немецкого языка, а не прослеживанию взаимодействия сильных и слабых глаголов в области лексического состава.

Тем не менее, проблема перехода сильных глаголов в слабое спряжение нередко упоминалась в литературе: к примеру, краткий обзор ситуации с переходом сильных глаголов в слабое спряжение в немецких диалектах можно найти в [Schirmunski 2010: 569–571]; упоминается этот процесс и в некоторых учебниках по истории немецкого языка (ср., напр., [Жирмунский 1948, Schmidt 2013 и др.]). Однако следует подчеркнуть, что ни одна из существующих работ не содержит в себе полные и при этом достаточно обобщенные ответы на все три наших вопроса: к примеру, в «Deutsche Grammatik» Германна Пауля приводится подробнейшая информация о судьбе отдельных сильных глаголов [Paul 1916–1922: II, 189–279], но эта книга не включает в себя обобщения и теоретического описания происходящего; более новая многотомная коллективная монография «Grammatik des Frühneuhochdeutschen» [GdFnhd 1970–1988] содержит том, посвященный спряжению сильных и слабых глаголов [GdFnhd 1970–1988: IV], в котором имеется подробный список сильных ср.-в.-нем. глаголов, не являющихся таковыми в современном немецком языке. Однако и здесь, как и у Г. Пауля, этот материал не исследован в теоретическом аспекте. Более новые работы ([Theobald 1992], [Dammel 2010]) имеют ярко выраженную теоретическую направленность, однако не содержат полного анализа материала. Теоретичность этих работ видна даже из оглавления: в их начальных частях содержатся разделы, описывающие самые общие проблемы лингвистики и морфологии, в частности: «Sprache als System» («Язык как система») [Theobald 1992: 7], «Morpheme» («Морфемы») [Theobald 1992: 13], «Flexionsklasse versus grammatische Kategorie» («Словоизменительный класс vs. грамматическая категория») [Dammel 2010: 4] и т. п. В книге [Theobald 1992] обсуждаются механизмы перехода сильных глаголов в слабые, которые

демонстрируются на отдельных, весьма тщательно проанализированных (как с точки зрения хронологической, так и с точки зрения диалектной и стилистической вариативности) примерах, однако автор не делает попытки описать весь материал на единых основаниях. Книга [Dammel 2010] также содержит подробное обсуждение теоретических проблем диахронической морфологии и бытования словоизменительных классов в диахронии, однако в ней основным предметом исследования не являются сильные глаголы в немецком языке: книга содержит обширное теоретическое введение и разборы нескольких конкретных случаев, иллюстрирующие поведение глагольных словоизменительных классов в различных германских языках. Максимально близко к поднятой нами проблеме подходит исследование [Carroll, Svare & Salmons 2012], однако оно затрагивает только один фактор, влияющий на переход сильных глаголов в слабые, а именно частотность, и не включает подробного анализа материала. Результат этой работы сводится к подтверждению давно имевшегося у лингвистов убеждения, что более редкие лексемы более склонны к регуляризации¹. Важным достоинством работы [Carroll, Svare & Salmons 2012] является использование статистических методов — в отличие от всех упомянутых работ на эту тему, данная статья предлагает не качественные, а количественные подходы к изучению истории словоизменительных классов в немецком языке.

Таким образом, в литературе имеется три подхода к вопросу о переходе сильных глаголов в слабые:

1) «словарный»: перечисление глаголов, изменивших свое спряжение, с подробным анализом конкретных примеров [Paul 1916–1922: II, GdFnhd 1970–1988: IV];

2) «теоретический»: анализ перехода сильных глаголов в слабые с позиций различных теорий из области морфологии и сравнительно-исторического языкознания [Theobald 1992, Dammel 2010];

¹ См., например, [Elsen 2011: 18], где прямо делается утверждение о связи частотности с переходом сильных глаголов в слабое спряжение, однако не предлагается никаких количественных данных

3) «статистический»: количественный анализ общих закономерностей процесса изменения спряжения при помощи статистических методов; необходимой предпосылкой для статистического анализа является полная обработка материала, однако подготовительные данные при таком подходе отбираются с несколько меньшей тщательностью и вниманием к конкретным языковым фактам, чем при «словарном» подходе [Carroll, Svare & Salmons 2012].

Стремление к синтезу этих трех различных подходов и стало причиной к написанию нашей работы. Мы исходим из соображения, что суждения о причинно-следственных связях невозможны без анализа языковых фактов, полученных методом сплошной выборки, и поэтому проводим подробный словарный анализ языкового материала различных эпох, обобщаем полученные данные при помощи статистических методов и делаем выводы, касающиеся теории изменения словоизменительных классов и динамики процессов в истории языка.

Следует сразу оговорить, что является объектом нашего исследования и какой степени детальности оно достигает. В качестве объекта для анализа выбран идиом, который в разные периоды своей истории называется **немецким** или **верхненемецким** языком. Соответственно, данные других германских языков и диалектов привлекаются для сравнения лишь в тех случаях, в которых это необходимо для прояснения ситуации в немецком языке. Кроме того, немецкий язык рассматривается без учета диалектного, стилистического, жанрового и т. п. разнообразия. Разумеется, можно было бы рассматривать происходящее в глагольной системе немецкого языка и под другими углами зрения: например, анализировать различия в диалектах, стилистические особенности, присущие формам сильного и слабого спряжения от каждого конкретного глагола и т. п. Такого рода частные работы существуют (напр., [Fertig 2000]), и мы отдаем себе отчет в том, что эти углы зрения тоже важны, однако чрезмерное внимание к деталям слишком затемнило бы общую картину, сделав ее необозримой. Мы исходим из предпосылки, что становление немецкой литературной нормы можно рассматривать, отвлекаясь от диалектной вариативности, поскольку немецкий язык в целом сформировался на базе регионального восточносредненемецкого варианта

письменно-литературного языка [Филичева 2003: 223]; для других германских языков, в которых явления интерференции и внутриязыкового контакта играют важную роль, такое упрощение могло бы быть необоснованным (ср., напр., [Миронов 1973: 278–289] для нидерландского языка). Конечно же, при необходимости мы делаем отсылки к диалектным или стилистическим различиям, но по умолчанию предполагаем, что такие различия незначимы для выявления наиболее общих факторов, влияющих на динамику системы сильных глаголов в истории немецкого языка.

1.4. Причины перехода сильных глаголов в слабые в истории немецкого языка

Как было сказано выше, сильное и слабое спряжение глагола в немецком языке являются синонимичными способами выражения одних и тех же грамматических значений. В этой связи возникает вопрос, почему именно слабое спряжение постепенно отвоевывает позиции у сильного спряжения, а не наоборот.

Аналогичный процесс, направленный в сторону конвергенции сильного и слабого спряжения с победой слабого типа, независимо происходит во всех германских языках, хотя и с разной скоростью и интенсивностью [Harbert 2007: 277]. Так, к примеру, в современных крупных континентальных западногерманских языках — немецком и нидерландском можно насчитать примерно по 180 сильных глаголов, а в английском языке — лишь около 80 [Harbert 2007: 277]¹. Еще в одном западногерманском языке — в языке африкаанс — конвергенция сильных и слабых глаголов совершилась полностью [Берков 2001: 97], однако другим путем: язык африкаанс утратил две основные точки противопоставления сильных и слабых глаголов — претерит и вторую (суффиксальную) часть показателя в причастии II. Единственное прошедшее

¹ Впрочем, для английского языка не вполне правомерно говорить о противопоставлении сильных и слабых глаголов; правильнее считать, что в английском есть регулярные и нерегулярные глаголы, причём нерегулярные глаголы могут восходить как к сильным глаголам, так и к слабым глаголам 1-го класса. К примеру, совр. англ. глагол *keep* ‘хранить’ — *kept* ‘хранил’ является нерегулярным, но не сильным: по происхождению это слабый глагол 1-го класса (др.-англ. *cēpan*).

время, употребительное в языке африкаанс — это перфект, который состоит из глагола *het* ‘иметь’ в сочетании с причастием II, которое образуется с помощью приставки *ge-* [Миронов 1969; Donaldson 1993].

Обращает на себя внимание тот факт, что в немецком языке сильные глаголы все же оказываются более устойчивыми в диахроническом плане, чем в большинстве других германских языков. Об этом свидетельствует, в частности, сохранность двух основ претерита сильных глаголов в некоторых периферийных диалектах (напр., в северо-восточной части верхнесаксонского диалекта [Schirmunski 2010: 559–560]). Как бы то ни было, квантифицировать и сравнить значимость системы сильных глаголов в различных германских языках довольно сложно (хотя, например, такое сравнение, касающееся роли аблаута в западногерманских языках, делается в статье [Зеленецкий 1976]), поэтому мы воздержимся от сопоставления судьбы сильных глаголов в немецком языке с другими языками.

Важно, что ни в одном германском языке победителем в ходе конвергенции словоизменительных типов не оказывается сильное спряжение, из чего можно сделать вывод, что слабые глаголы оказываются эволюционно более устойчивыми и более приспособленными к выживанию, чем сильные. Это утверждение вписывается в богатую традицию применения аналогий из теории эволюции в лингвистике, которая восходит еще к А. Шлейхеру, однако нуждается в обосновании: следует найти объяснение тому факту, что одна стратегия маркирования грамматических категорий оказывается более предпочтительной, чем другая.

В большинстве современных лингвистических теорий все языки и способы выражения грамматических значений полагаются равными: оценочные суждения считаются неуместными, и говорить о том, что одни языки лучше, совершеннее и т. п., чем другие, как это часто делалось в XIX веке (ср. типологические классификации Ф. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, которые неразрывно связаны с ценностными суждениями), не принято. Однако есть по крайней мере одна морфологическая теория, в центре которой стоит оценка эволюционных

преимуществ различных морфологических средств — так называемая естественная морфология (Natural Morphology). Как указывает один из создателей этой теории В. Дресслер, в ее основе лежат идеи маркированности, восходящие к Пражскому лингвистическому кружку, идея иконичности языковых знаков, восходящая к работам американского философа и семиотика Ч. С. Пирса, а также концепция естественной фонологии Д. Стэмпа [Dressler 2000: 288]. Термин «естественность» (*naturalness, Natürlichkeit*), принятый создателями этой теории, кажется нам не вполне удачным, поскольку он заставляет говорить о том, что в естественных языках есть неестественные явления. По этой причине мы предпочтем говорить не о естественности, а об эволюционной предпочтительности языковых явлений.

В рамках этой теории лингвистические явления оцениваются по шкале эволюционной предпочтительности, и на этом основании делаются следующие предсказания:

- 1) чем более эволюционно предпочтительным является то или иное явление, тем более оно устойчиво к морфологическим изменениям;
- 2) если явление X более эволюционно предпочтительно, чем явление Y, то изменение от X к Y является менее вероятным, чем изменение от Y к X.

[Dressler 2003: 463]

Из второго предсказания мы можем вывести очевидное следствие, состоящее в том, что более эволюционно предпочтительное явление X должно встречаться в языках мира чаще, чем менее предпочтительное явление Y. Это не означает, что явление X полностью вытеснит явление Y (для этого необходимо, чтобы вероятность перехода от X к Y была равна 0); но если вероятность перехода от X к Y равна p_1 , а вероятность перехода от Y к X — p_2 , то в конечном итоге должно установиться равновесие, когда языков с явлением X в мире будет в p_2 / p_1 раз больше, чем языков с явлением Y.

Существует ряд параметров, которые, по В. Дресслеру, определяют эволюционную предпочтительность того или иного морфологического явления [Dressler 2000: 290–291]:

- 1) иконичность: означающее морфологического знака должно иметь внешнее сходство с его означаемым. Так, если словоформа, обозначающая множественное число, длиннее, чем соответствующая ей словоформа единственного числа (англ. *knives* ‘ножи’ > *knife* ‘нож’), то это более эволюционно предпочтительная ситуация, чем противоположная ей (нем. (франкский диалект) *hon* ‘собаки’ < *hond* ‘собака’);
- 2) индексальность: связанные по смыслу (указывающие друг на друга) единицы должны находиться в непосредственном контакте, а не на расстоянии друг от друга; в свете этого параметра испанский диминутив *puebl-it-o* ‘деревенька; букв. деревня-УМЕНЬШ-ЕД.МУЖ’ эволюционно предпочтительнее, чем аналогичный по смыслу диминутив, образованный с добавлением не имеющего собственного значения интерфикса: *pueblo-es-it-o* ‘деревенька; букв. деревня-ИНТЕРФИКС-УМЕНЬШ-ЕД.МУЖ’;
- 3) морфосемантическая прозрачность: эволюционно предпочтительные единицы композициональны, то есть состоят из частей, при сложении которых не появляется новых значений по сравнению с тем, какие значения эти единицы имели по отдельности, и не устраняются никакие компоненты значения; так, польская форма сослагательного наклонения *czyta-ł by* ‘читал бы’ имеет низкий уровень эволюционной предпочтительности, поскольку она формально образована от формы прошедшего времени, но семантически не включает в себя значение прошедшего времени, поскольку сослагательное наклонение в польском языке не закреплено за определенным временем, а может относиться как прошедшему, так и к настоящему или к будущему (такая же ситуация наблюдается с аналогичной формой *читал бы* и в русском языке);
- 4) морфотактическая прозрачность: как менее эволюционно предпочтительные оцениваются фузия, разрывные морфы, а также супплетивизм;
- 5) взаимно-однозначное соответствие между формой и значением: так, турецкий показатель множественного числа *-lar/-ler* эволюционно

предпочтительнее, чем немецкий показатель 2 лица единственного числа *-st*, поскольку в первом случае соблюдается принцип «одна форма — одно значение», а во втором — нет: единый показатель *-st* выражает не одно, а сразу два значения — лицо и число;

- б) использование целого слова как основы для применения морфологических правил: по этому критерию множественное число *Pizzas* ‘пиццы’ от немецкого слова *Pizza* ‘пицца’ более эволюционно предпочтительно, чем конкурирующая форма *Pizz-en*, поскольку в первом случае показатель множественного числа присоединяется к целому слову, а во втором случае — к корню.

Несколько иные параметры эволюционной предпочтительности предлагают другие теоретики естественной морфологии (ср. [Mayerthaler 1981], [Wurzel 1984]), однако по большей части они лишь по-другому группируют те же идеи, и поэтому мы при дальнейшем анализе будем придерживаться набора, предложенного В. Дресслером, и применим его к противопоставлению сильных и слабых глаголов в истории немецкого языка.

Сильные глаголы не отличаются от слабых в отношении иконичности: как суффикс с шумным зубным согласным, так и чередования гласных никак не связаны со значением прошедшего времени, равно как и *n* ничуть не больше соответствует значению причастия II, чем *t*. Языковеды нередко приписывали чередованию гласных по аблауту в германских глаголах иконическую природу (см. об этом подробнее [Tanz 1971; Plank 1979; Stedje 1987; Wiese 2008: 132], а также [Even-Simkin & Tobin 2013], где обсуждается иконичность чередований гласных в современном английском языке), то есть обнаруживали природную, а не символическую связь между гласным *e* и значением настоящего времени, между гласным *a* и значением перфекта (давшего в прагерманском основу единственного числа прошедшего времени), между отсутствием гласного и значением аориста (давшего в прагерманском основу множественного числа прошедшего времени) и пассивного причастия. Так, например, Э. Прокош приводит в качестве примера фразы *I think I can*, *I think I can* и *I thought I could*, *I thought I could* и пишет: «The

front vowels [ɪ æ] aptly characterize the active interest in the successful performance, the back vowels [ɔ ʊ] the melancholy retrospect to what might have been» [Prokosch 1939: 122; Прокош 1954]. Наиболее вероятна иконичность для продленной ступени, но все же рассматривать возможность иконической связи между ступенями аблаута и их значением можно лишь для праиндоевропейского или прагерманского языкового состояния, когда в системе аблаута существовали взаимно-однозначные или почти взаимно-однозначные соответствия между формой и значением, но не для исторически фиксируемых стадий развития немецкого языка: дело в том, что вследствие комбинаторных фонетических изменений старая схема аблаута затемняется, и, к примеру, значение единственного числа прошедшего времени в др.-в.-нем. может передаваться не только с помощью гласного *a*, но и с помощью гласных *ei*, *ē* (у глаголов I класса), *ou*, *ō* (у глаголов II класса), *ā* (у глагола *ezzan* ‘есть’), а также с помощью гласных *uo* (у глаголов VI класса), *ia* и *io* (у глаголов VII класса), не восходящих к **a*. Кроме этого, гласные *a*, *ā*, *ē*, *ei*, *ia*, *io*, *ō*, *ou*, *uo* не могут быть естественным образом связаны со значением единственного числа прошедшего времени не только в силу своего разнообразия и большого количества, но и потому, что часть из них (*a*, *ā*, *ei*, *io*, *ō*, *ou*, *uo*) может маркировать и настоящее время сильных глаголов. Все вышесказанное свидетельствует о том, что ни сильные, ни слабые глаголы не обладают иконичностью в письменный период истории немецкого языка, а означающее аблаута связано с его означаемым условной (произвольной) связью (см. [Соссюр 1977а: 100; Saussure 1916: 100]).

С точки зрения индексальности сильные глаголы уступают слабым, поскольку в сильных глаголах грамматические значения оказываются выраженными в разных частях словоформы: так, в словоформе *wir halfen* ‘мы помогали’ грамматическое значение времени выражается огласовкой корня (*-a-*), а грамматическое значение лица и числа субъекта — окончанием. При этом очевидно, что грамматические значения более тесно связаны между собой, чем каждое из них — с лексическим значением, к выразителю которого примыкают выражающие их морфемы. Что же касается слабых глаголов, то в них грамматические значения выражаются рядом друг с другом: показатель *-te-*

выражает значение времени, а лично-числовые окончания непосредственно примыкают к нему.

Морфосемантическая прозрачность не различает сильные и слабые глаголы, поскольку и те и другие имеют один и тот же набор грамматических категорий, то есть выражают одну и ту же семантику.

С точки зрения морфотактической прозрачности сильные глаголы проигрывают слабым, поскольку они содержат разрывные морфы: так, в словоформе *wir halfen* 'мы помогали' значение корня выражается фонемами /h-lf/.

Показатели, используемые сильными глаголами, столь же взаимно-однозначно соответствуют значению, как и показатели слабых глаголов. Таким образом, по этому параметру различий между сильными и слабыми глаголами нет.

Как сильные, так и слабые глаголы при образовании форм оперируют морфемами, а не словами: в отличие, например, от английского языка, где можно говорить о том, что словоизменительные показатели присоединяются к слову в его начальной форме, которая используется как инфинитив и настоящее время (кроме 3 л. ед. ч.), в немецком языке подобная трактовка не соответствует фактам. Можно было бы считать, что в немецком языке морфологические правила для сильных глаголов строятся с использованием корней, а для слабых глаголов исходной является все же словоформа, а именно повелительное наклонение единственного числа без факультативного показателя *-e*. Теоретически можно думать, что именно к повелительному наклонению присоединяются словоизменительные морфемы, однако такая трактовка не выдерживает критики: если в английском языке начальная форма является базовой и по частотности, то повелительное наклонение, которое могло бы претендовать на звание начальной формы благодаря своему внешнему облику, все же не является настолько частотной формой, чтобы мы могли считать ее основной. Таким образом, между сильными и слабыми глаголами в немецком языке нет различия в отношении единиц, которые являются основой для морфологических правил.

Итак, мы видим, что сильные глаголы проигрывают слабым сразу по двум параметрам эволюционной предпочтительности: по индексальности и по

морфотактической прозрачности. Возвращаясь к диахроническим предсказаниям, выдвинутым в [Dressler 2003: 463], можно сделать два вывода, которые полностью соответствуют картине, наблюдаемой в истории немецкого языка:

- 1) слабые глаголы более устойчивы, чем сильные. В первую очередь это касается 2-го и 3-го класса слабых глаголов, в которых с др.-в.-нем. периода не изменились основные средства маркирования грамматических оппозиций, если не считать редукции гласных и небольших изменений во внешнем облике окончаний; глаголы 1-го класса в основном уподобились в спряжении 2-му и 3-му классу, не считая незначительного числа глаголов с обратным умлаутом типа *wenden* 'поворачивать' — *er wandte* 'он повернул'. Что же касается сильных глаголов, то их история была намного более сложной (упомянем только такие факты их истории, как почти полное выравнивание чередований по закону Вернера, унификацию единственного и множественного числа претерита, устранение чередований в 1 л. ед. ч. настоящего времени, а также сложные процессы взаимовлияния классов и изменения схемы чередования гласных, происходившие в основном в ранненововерхненемецкий и современный немецкий период);
- 2) поскольку сильные глаголы обладают менее эволюционно предпочтительным морфологическим устройством, то переход из сильных глаголов в слабые более вероятен, чем переход из слабых глаголов в сильные.

Еще одно подтверждение того, что сильные глаголы устроены менее эволюционно предпочтительно, чем слабые, вытекает из общелингвистических соображений. Анализ, проведенный выше, может быть распространен не только на противопоставление сильных и слабых глаголов, но и на противопоставление внутренней флексии, разновидностью которой является аблаут [ЛЭС 1990: 551], и аффиксации вообще: внутренняя флексия всегда будет проигрывать аффиксации по параметрам индексальности и морфотактической прозрачности; она может выигрывать у аффиксации по параметру иконичности, однако это далеко не

обязательно произойдет, как было показано выше на примере германских глаголов. Таким образом, мы можем говорить, что аффиксация более эволюционно предпочтительна, чем внутренняя флексия. Из этого должно следовать, что языков с внутренней флексией меньше, чем языков с аффиксацией, поскольку вероятность перехода от внутренней флексии к аффиксации выше, чем в обратном направлении — и действительно, все языки за исключением изолирующих используют аффиксацию, в то время как систематическое использование внутренней флексии характерно только для семитских и некоторых индоевропейских, в первую очередь германских языков. Наглядные примеры перехода от внутренней флексии к аффиксации предоставляют индоевропейские языки: если в древних индоевропейских языках внутренняя флексия (аблаут) еще достаточно хорошо сохраняется в различных ветвях, в особенности в древнегреческом и в древнеиндийском языке [Meier-Brügger 2010: 275–283], то со временем происходит разрушение этой системы, которое приводит к тому, что аблаут не разрушается, а, напротив, продолжает использоваться как полнофункциональное морфологическое средство и даже расширяет сферу своего применения только в германских языках, которые систематизировали и упорядочили индоевропейское наследие [Meillet 1917: 131 (Мейе 1952)].

Таким образом, все вышесказанное демонстрирует, что концепция естественной морфологии позволяет объяснить постепенное вытеснение сильных глаголов слабыми, поскольку слабые глаголы более эволюционно предпочтительны с общелингвистической точки зрения, чем сильные.

Есть, однако, и другие факторы, которые способствуют тому, что роль слабых глаголов в языковой системе постепенно возрастает, а роль сильных глаголов, напротив, снижается в ходе постепенного изменения лексического состава языка. Можно выделить три фактора, способствующих этому:

- 1) утрата старых слов;
- 2) использование только слабого спряжения при освоении заимствований;
- 3) продуктивность только слабого спряжения при образовании новых слов.

Как известно, лексический состав языка непрерывно обновляется, и постоянное выпадение лексем происходит не только в маргинальных частях лексической системы, но и в базовой лексике. Первым, кто обратил внимание на систематический характер изменений базовой лексики, был основоположник глоттохронологии М. Сводеш ([Swadesh 1951]), который представил изменение базисной лексики как стохастический процесс (см. также [McMahon & McMahon 2005]). Впоследствии его идеи развивали многие ученые, в частности С. А. Старостин [Бурлак, Старостин 2005]. Хотя сильные глаголы и составляют ядро лексического состава германских языков, но и они подвержены выпадению: в качестве примера можно привести такой глагол, как др.-в.-нем. *quedan* ‘говорить’, который полностью исчез в ранненововерхненемецкий период. При этом в силу двух других факторов, которые будут подробно описаны ниже — невключения заимствований в число сильных глаголов и непродуктивности этого словоизменительного типа — число сильных глаголов не может пополняться.

Росту удельного веса слабых глаголов способствует то, что они могут включать в свое число заимствования. Среди сильных глаголов заимствования также встречаются — так, например, прагерманский глагол **skrīban* ‘писать’ (> совр. нем. *schreiben*) считается заимствованием из латинского *scrībō* [Seebold 1970]. Однако сильные глаголы плохо приспособлены для адаптации заимствований, поскольку их внешний вид ограничен: корень сильного глагола должен быть односложным и может иметь только строго определенные типы корневых гласных и их сочетаний с окружающими согласными, из чего следует, что значительная доля иноязычной лексики просто не может быть инкорпорирована в систему сильных глаголов. Глаголу **skrīban* удалось войти в число сильных, потому что его латинский источник содержал в себе корневой гласный *ī*, соответствующий I классу сильных глаголов; вероятно, немаловажной была и аналогия со стороны сильного глагола **wrītan* с близким значением (‘царапать; писать’; ср. англ. *write*) и с тем же корневым гласным. Однако, например, глагол *polieren* ‘полировать’, заимствованный в ср.-в.-нем. из старофранцузского, не имел шансов войти в число сильных сразу по нескольким причинам: во-первых, сильный глагол не может

иметь двусложный корень, а во-вторых, сильный глагол не может иметь корневой гласный *o* (хотя один сильный глагол с корневым *o* и известен — ср.-в.-нем. *quemen, komen* ‘приходить’, он все же совсем по-другому устроен с точки зрения фонотактики).

Таким образом, заимствования являются важным источником пополнения числа слабых глаголов, в то время как число заимствованных сильных глаголов крайне мало.

Все новые слова, образующиеся внутри немецкого языка, также получают слабое спряжение. Если для прагерманского периода можно было говорить о том, что аблаут — продуктивное морфологическое средство и, соответственно, сильные глаголы являются продуктивным словоизменительным типом [van Coetsem 1990: 13, Mailhammer 2007a: 50], то в исторически засвидетельствованных германских языках, в том числе в немецком, продуктивным классом являются слабые глаголы [Nübling u. a. 2010: 45].

Из вышесказанного следует, что постепенное вытеснение сильных глаголов слабыми вполне объяснимо с теоретической точки зрения: сильные глаголы имеют менее естественные формы с точки зрения морфологического устройства, а также более склонны утрачиваться в ходе обновления лексического состава языка и менее склонны пополняться за счет заимствований и за счет вновь образуемых внутри самого языка лексем.

1.5. Механизмы перехода сильных глаголов в слабые в истории немецкого языка

Смена словоизменительного типа — это сложный и постепенный процесс. Анализ этого процесса невозможен вне модели, описывающей механизмы морфологических изменений в целом.

Очевидно, что язык не передается из поколения в поколение как нерушимая система. Язык может изменяться, продолжая выполнять свою коммуникативную функцию, в первую очередь благодаря избыточности: даже если говорящие используют не совсем идентичные языковые системы, небольшие помехи не препятствуют эффективной коммуникации между носителями языка [Jespersen

1922: 161–182; Бурлак, Старостин 2005: 25]. Важным двигателем изменений на разных уровнях языка является тот факт, что один и тот же элемент может интерпретироваться как занимающий разное место в системе: и в фонетике [Halle 1962; Бурлак, Старостин 2005: 28–29], и в синтаксисе [Campbell 2004: 284], и в морфологии. Большинство морфологических изменений описывается как результат аналогии (ср. [Носк 1991: 167–189]), но по сути аналогия обычно является собой не что иное, как переинтерпретацию исходного языкового материала, допускающего двойственную трактовку: к примеру, инфинитив некоторого глагола может формально встраиваться как в парадигму одного типа, так и в парадигму другого типа, и из-за этого глагол может изменить свою парадигму с одной на другую.

Все морфологические теории в целом соглашаются с утверждением, что хранить в памяти все формы всех слов невозможно [Haspelmath, Sims 2010: 60–75; Lieber 2009: 18–20]. Это невозможно в первую очередь потому, что для того, чтобы **помнить** все формы всех слов, нужно их сначала **запомнить**, а значит, их необходимо **услышать**, — а это очевидным образом нереалистично, поскольку количество форм, услышанных каждым носителем языка, конечно, поскольку он сталкивается лишь с некоторой частью потенциально возможных словоформ. Соответственно, все остальное носитель языка достраивает, используя для этого готовые словоизменительные модели.

В какой мере человек запоминает формы, а в какой мере порождает их по правилам и моделям — это дискуссионный вопрос, однако сам факт наличия двух этих механизмов не вызывает сомнений у исследователей [Haspelmath, Sims 2010: 60; Clark 2009: 178]. Этот подход получит всеобщее признание после работ С. Пинкера и его соавторов, в которых постулируется существование так называемого двойного механизма языка (*dual mechanism model*, *dual-system model of language*), комбинирующего в себе запоминание некоторого количества наиболее частотных словоформ и использование правил для построения остальных единиц (подробное описание этой модели см., в частности, в работах [Ullmann 1999, Pinker 1999]).

По всей видимости, переход сильных глаголов в слабые в немецком языке происходит именно в результате аналогической достройки парадигм. Это подтверждается не только общими соображениями теоретического характера, представленными выше, но и реальными процессами, наблюдаемыми при усвоении родного языка немецкими детьми: они до определенного момента употребляют слабые формы от тех сильных глаголов, которые редко встречаются им в прошедшем времени [Faust 1980], и часто пренебрегают чередованием во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. [Bybee 1991]. Очевидно, когда количество говорящих, образующих формы сильного глагола по модели слабого спряжения, превышает некоторое критическое значение, этот глагол изменяет словоизменительный тип с сильного на слабый.

Здесь, конечно, следует сделать оговорку, что аналогическая переинтерпретация языкового материала не является строго единственным механизмом языковых изменений: свою роль играют и языковые контакты, и деятельность нормализаторов. Однако на протяжении большей части истории немецкого языка отсутствуют такие языковые контакты, которые могли бы повлечь за собой резкие изменения морфологической системы, как это, например, произошло в языке африкаанс, полностью утратившем противопоставление сильного и слабого спряжения; роль нормализаторов в истории немецкого языка также не была значимой по крайней мере в древневерхненемецкий и в средневерхненемецкий период, поскольку большая часть языковой рефлексии того времени касалась латинского языка, а не народных языков [Beuerle 2010: 402–405].

Для того, чтобы слово могло пережить изменение словоизменительного класса, необходимо, чтобы хотя бы некоторые его формы могли быть отнесены по крайней мере к двум классам. Другими словами, эти формы должны допускать неоднозначную интерпретацию и служить своего рода шарнирами, соединяющими несколько парадигм (здесь мы пользуемся метафорой, лежащей в основе термина *Scharnierformen*, употребительного в немецкоязычной индоевропеистике, но, к

сожалению, не распространенного за ее пределами¹). Такого рода шарнирными формами являются формы презенса, которые имеют одинаковую структуру у сильных и у слабых глаголов.

Смешение сильных и слабых глаголов в немецком языке стало возможным начиная с конца древневерхненемецкого периода, когда в немецком языке все безударные гласные редуцировались до [ə] (на письме — *e*). Разумеется, этот процесс в разных диалектах протекал с разной скоростью, а в некоторых маргинальных диалектах не завершился и до сих пор [Braune, Reiffenstein 2004: 60–64; Schirmunski 2010: 206–211], но традиционно именно ослабление безударных гласных считается одним из признаков, отграничивающих древневерхненемецкий от средневерхненемецкого [Solms 2004: 1681]. До качественной редукции безударных гласных сильные глаголы отчетливо противопоставлялись слабым глаголам 2-го и 3-го класса, которые характеризовались гласными *ō* и *ē* соответственно. Впрочем, еще до редукции противопоставление сильных глаголов слабым глаголам 1-го класса было менее отчетливым, поскольку в настоящем времени в большинстве форм слабые глаголы 1-го класса оканчивались так же, как сильные глаголы, ср. парадигмы слабого глагола *suochen* ‘искать’ и сильного глагола *rītan* ‘ехать верхом’:

	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>suochu = rītu</i>	<i>suochemēs, suochamēs, suochēn ≈</i> <i>≈ rītumēs, rītamēs, rītemēs, rītēn</i>
2	<i>suochis = rītis</i>	<i>suochet = rītet</i>
3	<i>suochit = rītīt</i>	<i>suochent ≠ rītant</i>

Таким образом, некоторые предпосылки для смешения сильных и слабых глаголов имелись с самого начала древневерхненемецкого периода, а к его концу из-за редукции безударных гласных эти предпосылки усилились: все формы

¹ Установить источник этого термина не представляется возможным. По данным Google Books, самое раннее его употребление встречается в работе [Strunk 1970: 121], однако не вполне ясно, является ли оно нестандартной метафорой или просто отражает уже принятый к тому моменту в устной научной речи термин.

настоящего времени сильных глаголов стали к тому моменту шарнирными формами, которые могли быть переинтерпретированы как формы слабых глаголов.

Для того, чтобы аналогия могла подействовать, шарнирные формы должны быть единственным, что хранится в сознании носителей языка: другими словами, переход в слабое спряжение возможен только в том случае, если формы претерита и причастия II не хранятся в памяти, а достраиваются на основании форм от основы настоящего времени.

Такая модель хорошо объясняет результаты, полученные в работе [Carroll, Svare, Salmons 2012]: анализируя материал немецких сильных глаголов по методикам, предложенным для английского языка в статье [Lieberman et al. 2007], авторы приходят к статистически обоснованному выводу, что более частотные глаголы меньше склонны подвергаться переходу из сильного спряжения в слабое. Действительно, если люди часто слышат и используют формы того или иного глагола, у них не так много возможностей для переинтерпретации его словоизменительного типа; напротив, если формы сильного глагола встречаются редко, у них в памяти может не оказаться форм претерита и причастия II, и тогда им придется делать выбор между сильным и слабым спряжением при достройке парадигмы.

Однако частотность лексемы в целом не является единственным фактором, поскольку для судьбы глагола может быть релевантна информация о частотности отдельных форм. Так, при равной частотности сильные глаголы, формы которых больше похожи на формы слабых глаголов, имеют больший шанс перейти в слабое спряжение, чем сильные глаголы, формы которых заметно отличаются от форм слабых глаголов. Сильный глагол без чередования во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. (напр., *schwören* ‘клясться’ — *er schwört* ‘он клянется’) несколько больше похож на слабые глаголы, чем глагол, имеющий такое чередование (напр., *blasen* ‘дуть’ — *er bläst* ‘он дует’): хотя умлаут и не является обязательным признаком сильного глагола, наличие умлаута в парадигме однозначно указывает на то, что глагол является сильным [Bittner 1985; Bittner 1996]. Таким образом, для сохранения / изменения спряжения значима не только частотность, но и структура парадигмы.

Кроме того, частотность не объясняет, почему выбор между сильным и слабым спряжением в случае, когда возможность такого выбора есть, делается в ту или в иную сторону. Один из факторов, способствующих выбору слабого спряжения, — это его большая эволюционная предпочтительность с точки зрения средств, используемых при образовании форм (про теорию естественной морфологии см. выше, раздел 1.4). При этом весьма вероятно, что есть и факторы, способствующие сохранению сильного спряжения — например, сходство с большим количеством сильных глаголов.

Дело в том, что кажется не вполне корректным называть сильные глаголы нерегулярными, а слабые — регулярными, как это делается в некоторых работах [Carroll, Svare, Salmons 2012; Duden 2003: 123]. Фактически понятием регулярности здесь подменяется понятие продуктивности (подробнее про разграничение этих понятий см. [Bauer 2011]). Однако под регулярностью кажется более правильным понимать распространенность модели в языке: регулярная модель — это та, которая встречается часто, а нерегулярная — так, которая встречается редко. Соответственно, регулярность для каждого языка своя: внутренняя флексия, обладающая низким уровнем эволюционной предпочтительности с общелингвистической точки зрения, является абсолютно регулярной особенностью арабского языка, поскольку ее используют все арабские глаголы, но та же самая внутренняя флексия, которую мы находим в итальянских примерах *vengo* ‘я прихожу’ — *vieni* ‘ты приходишь’, нерегулярна с точки зрения итальянского языка, поскольку таких глаголов в нем очень мало. Более того, можно говорить о том, что регулярность / нерегулярность — это не категориальное противопоставление, а градуальное. Немецкие слабые глаголы, число которых исчисляется тысячами, несомненно являются регулярными; немецкий глагол *stoßen* ‘толкать’, который изменяется по уникальной модели (с чередованием вида *er stößt* ‘он толкает’ — *er stieß* ‘он толкнул’ — причастие II *gestoßen*), несомненно является нерегулярным; однако немецкий глагол *binden* ‘связывать’ нельзя считать нерегулярным, поскольку он входит в группу, включающую в себя 19 единиц, изменяющихся по той же модели [Duden 2003: 127]. Следовательно, мы имеем

шкалу регулярности, на одном полюсе которой располагаются слабые глаголы, на другом — уникальные глаголы типа *stoßen*, а между ними — сильные глаголы, образующие группы среднего размера¹. Образец такой шкалы с некоторыми примерами приводится на схеме 1:

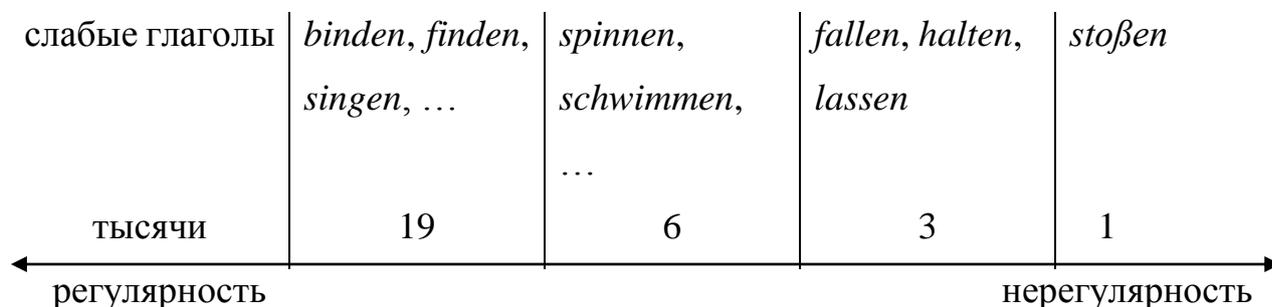

Схема 1. Регулярность / нерегулярность как градуальная шкала

Весьма вероятно, что принадлежность к достаточно крупным группам может удерживать глаголы от смены словоизменительного типа, поскольку их сильное спряжение поддерживается давлением системы: другими словами, уникальному глаголу типа *stoßen* проще изменить свое спряжение с сильного на слабое, чем достаточно регулярному глаголу типа *finden*.

Важную роль в судьбе сильных играет также омонимическое отталкивание: вероятно, именно оно приводит к утрате сильных форм у таких глаголов, как *triefen* ‘капать’ и *schwären* ‘болеть, гноиться’. Так, сильное причастие II от глагола *triefen* в современном немецком языке должно было бы совпасть с причастием от глагола *treffen* ‘встречать’ (*getroffen*), а сильное причастие II от глагола *schwären* — с причастием от глагола *schwören* ‘клясться’ (*geschworen*).

Кроме того, важную роль играет также взаимодействие с исходно слабыми каузативными глаголами [Schirmunski 2010: 569–571], которые в р.-н.-в.-нем. фонетически совпали с сильными глаголами в тех случаях, когда сильный др.-в.-нем. глагол имел гласный *e* в настоящем времени и гласный *a* в единственном числе претерита, а также в тех случаях, когда глагол имел гласный *ī* в настоящем времени и гласный *ei* в единственном числе претерита. Так, например, глагол *smerzan*

¹ Сходные идеи высказывались также в работе [Durrell 2001].

‘болеть’, который был сильным в др.-в.-нем., приобретает варианты слабые формы в р.-н.-в.-нем., и это, по-видимому, происходит именно под влиянием каузативного глагола [Schirmunski 2010: 571].

Таким образом, механизмы переход сильных глаголов в слабое спряжение во много определяются ассоциативными отношениями, в которые вступает глагол (подробнее об ассоциативных отношениях в языке см. [Saussure 1916: 173–175; Соссюр 1977: 158–159]). При этом можно выделить два типа ассоциативных отношений: 1) связанные с парадигматикой глагола и 2) связанные с межлексемным взаимодействием (интерференцией, омонимическим отталкиванием). Вторая группа ассоциативных отношений имеет менее системный характер, чем первая, и при этом ее роль в динамике немецкого сильного глагола изучена гораздо лучше: фактически, все работы, отнесенные в разделе 1.3 к «словарному» типу, подробно анализируют роль этих факторов в судьбе отдельных глаголов. Именно поэтому основная исследовательская часть нашей работы будет посвящена не межлексемным отношениям, а выявлению роли факторов, связанных с парадигматикой, в динамике системы сильного глагола.

1.6. Выводы

Таким образом, соотношение двух синонимичных словоизменительных типов, существующих в немецкой глагольной системе — сильного и слабого спряжения — постепенно изменяется в пользу слабых глаголов. Причины этого явления находят убедительное объяснение в рамках теории естественной морфологии, изложенной в разделе 1.4.

Теоретические предпосылки, представленные в главе 1, позволяют вывести четыре важных фактора, которые могут оказывать влияние на склонность немецких глаголов к изменению спряжения. Эти факторы перечислены в разделе 1.5:

- 1) частотность;
- 2) структура парадигмы;

- 3) регулярность (вхождение в крупные группы глаголов, изменяющихся по той же модели);
- 4) ассоциативные отношения с другими лексемами (в первую очередь омонимами и каузативными дериватами).

Значимость первого из этих факторов была доказана в статье [Carroll, Svare, Salmons 2012], а роль четвертого подробно разбирается в исследованиях «словарного» типа, посвященных истории немецкого сильного глагола; поэтому в дальнейшем мы сконцентрируемся на втором и третьем факторе. Их роль в судьбе сильных глаголов обсуждается в главе 3.

Глава 2. Динамика древневерхненемецких сильных глаголов на протяжении письменной истории немецкого языка

2.1. Принципы сбора, анализа и представления материала

Для того, чтобы обеспечить возможность дальнейшего статистического анализа материала, в разделе 2.2 даются сведения обо всех сильных глагольных корнях, зафиксированных в древневерхненемецком языке, и их дальнейшей судьбе. Для каждого глагола дается небольшая словарная статья, в которой прослеживается его история вплоть до современной эпохи. Эти статьи не имеют унифицированного формата: в каждом случае приводятся те факты, которые релевантны для истории данного конкретного глагола. Единственная унифицированная часть — это вывод, который для каждой эпохи содержит информацию одного из пяти типов:

(1) глагол был сильным;

(2) глагол имел вариативность форм / смешанные формы: под смешанными формами понимается преобладание слабых форм в претерите и сильных форм в причастии II или наоборот, хотя первый случай и более распространен, см. [Bittner 1985; Bittner 1996]; наличие / отсутствие чередования во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. не учитывается при определении спряжения глагола, поскольку умлаут является лишь дополнительным признаком сильного спряжения;

(3) глагол имел слабые формы;

(4) спряжение глагола невозможно определить;

(5) глагол в данную эпоху отсутствует.

В общей сложности в список вошло 275 глаголов. Разумеется, это число следует воспринимать *cum grano salis*: назвать точное количество сильных глаголов, даже проанализировав все письменные памятники, невозможно, поскольку для некоторых редких слов трудно принять однозначное решение. Так, систематически не включались в перечень глаголы, от которых в др.-в.-нем. фиксируется только сильное причастие II, если в дальнейшей истории немецкого языка эти глаголы не встречаются: напр., *griozan** ‘тереть’, представленный двумя глоссами, содержащими его причастие II: *excollocta: fergrozzenu* Gl II,207,67 и

panis cretinus: gigrozzan broth Gl III,507,6. Такого рода формы можно считать лексикализованными и фактически уже входящими в число прилагательных, а не в систему глагола. Кроме того, есть и другие случаи, в которых отнесение единиц, зафиксированных в письменных памятниках, к инвентарю древневерхненемецких сильных глаголов вызывает сомнение. Так, например, глагол *gafregnan** ‘спросить; узнать’ встречается только в одном др.-в.-нем. тексте — в Вессобрунской молитве (1 л. ед. ч. прет.: *gafregin*). При этом есть основания считать этот глагол древнеанглийским заимствованием [Seebold 1970: 209], а в других текстах он не используется. Похожие случаи, в которых необходимо экспертное решение о включении / невключении глагола в общий список, достаточно многочисленны; в основном мы ориентировались на решения, принятые Э. Зеебольдом в его словаре [Seebold 1970], хотя и позволяли себе некоторые отклонения от них.

В частности, достаточно типичен случай, когда некоторый глагол не фиксируется в др.-в.-нем. в формах, которые позволяли бы надежно отнести его к сильному спряжению, однако надежно определяется как сильный для ср.-в.-нем. периода. В таком случае во внимание принимался дополнительный аргумент: наличие дериватов, указывающих на сильное спряжение для древнейшей эпохи. Если таковые имеются, то глагол признавался сильным и в др.-в.-нем.

Большую сложность составляет проблема тождества глаголов в разные эпохи: так, мы порой сталкиваемся с диалектным звуковым развитием (например, с появлением нижненемецкого консонантизма), с орфографическими вариантами, со смешением глаголов с их каузативными дериватами, а также с развитием значения, которое сильно отличает глаголы разных эпох при одинаковости фонетического облика. Едва ли возможно предложить единый алгоритм, который позволил бы решить все эти проблемы, и поэтому они обсуждаются отдельно для каждого проблемного случая.

В список в разделе 2.2 не входят разного рода глаголы-исключения: супплетивный глагол бытия, претерито-презентные глаголы, глаголы *stantan* ‘стоять’ и *gangan* ‘идти’ с атематическими дублетами *stēn / stān* и *gēn* и т. п.

Как отдельные единицы в список включены только бесприставочные глаголы, поскольку в большинстве случаев судьба бесприставочного глагола и всех глаголов, образованных от него с помощью превербов, складывается одинаково. В случаях, когда это неверно (ср., например, др.-в.-нем. корень *beran*, давший два различных современных глагола: сильный глагол *gebären* ‘рождать’ и слабый глагол *entbehren* ‘быть лишенным’), это оговаривается внутри статьи. Данная практика соответствует традиции, принятой в различных др.-в.-нем. словарях и конкордансах ([Graff 1834–1846; Seebold, Bulitta u. a. 2001; Seebold, Bulitta u. a. 2008; Schützeichel 2012]).

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о нормализации орфографии для различных эпох. Эта проблема активно обсуждается в германистике, и в последнее время ученые склонны избегать нормализации при издании текстов (ср., напр., [Weddige 2014]), однако она неизбежна при словарной работе. Поскольку объектом нашего исследования не являются конкретные рукописи, мы используем нормализованную запись для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. начальных форм. Так, для др.-в.-нем. начальных форм принимаются следующие конвенции:

- второе (верхненемецкое) передвижение согласных отражено на том уровне, которого оно достигло в восточнофранкском диалекте;
- прагерманское **þ* записывается как *d* (а не как *th*);
- прагерманское **h* в начале слова перед сонорным, утратившееся в IX веке [Braune, Reiffenstein 2004: 147], заключается в скобки;
- прагерманское **p*, перешедшее в аффрикату, записывается как *pf* (а не как *ph*);
- прагерманское **ei* перед безударным *a* записывается как *io* (а не как *eo*, *ie* или *iu*; используются формы франкских диалектов, в которых отсутствует зависимость вокалического рефлекса от согласного, который следует за дифтонгом [Braune, Reiffenstein 2004: 47]).

Таким образом, для древневерхненемецкого в заголовках статей используется нормализация, в целом ориентирующаяся на восточнофранкский диалект IX–X веков. Для ср.-в.-нем. используется традиционная система, принятая

в грамматиках и нормализованных изданиях (см. подробнее об этом в [Paul 2007]). При этом примеры из текстов приводятся без нормализации в соответствии с принципами, принятыми в современной исторической германистике.

Все глаголы отсортированы в порядке латинского алфавита без учета долгот по древневерхненемецкой начальной форме. Начальное *h* перед согласным не учитывается (такая практика принята, например, в словаре [Schützeichel 2012]). *f* и *v* при алфавитной сортировке занимают место *f*, а *k* и *q* — место *k*.

Необходимость в изучении истории каждого отдельного глагола вызвана тем, что данные о судьбе сильных глаголов невозможно извлечь из какого бы то ни было единого достоверного источника. В идеале можно было бы ограничиться данными, собранными из словарей, но оказывается, что только для одного из четырех традиционно выделяемых периодов истории немецкого языка — для древневерхненемецкого — можно получить надежную информацию в словарях. Ситуация со словарями для остальных периодов различна: большие ср.-в.-нем. словари [Lexher 1872–1878; BMZ 1854–1866] характеризуются слишком высоким уровнем нормализации, который соответствовал традициям науки середины XIX века, но не удовлетворяет требованиям современной германистической медиевистики, ориентированной на точное изучение форм, встречающихся в рукописях; для р.-н.-в.-нем. большой словарь, основывающийся на современных лексикографических принципах, пока что дошел примерно до середины [FnhdWb 1989–], а словари современного немецкого языка также тяготеют к установке норм и порой пренебрегают узусом. Из этого следует, что для изучения истории отдельных глаголов словарей недостаточно, а необходимо пользоваться источниками трех типов:

- 1) корпуса / конкордансы;
- 2) словари;
- 3) грамматики.

Разные периоды истории немецкого языка обеспечены источниками этих типов с разной степенью полноты. Лучше всего обстоит дело с

документированностью древневерхненемецких текстов, что отчасти вызвано ограниченностью их объема и отсутствием традиции нормализации:

- 1) существует конкорданс [Graff 1834–1846], а также корпус DDD (Deutsch Diachron Digital, <http://www.deutschdiachrondigital.de>); несмотря на свой солидный возраст, конкорданс [Graff 1834–1846] имеет над корпусом DDD то преимущество, что включает в себя не только крупные литературные памятники, но и глоссы; в этой связи он является основным источником наших данных о древневерхненемецких сильных глаголах;
- 2) древневерхненемецкий язык достаточно неплохо обеспечен современными словарями, которые не затронуты нормализаторскими тенденциями: ср., напр., [Schützeichel 2012], [Seebold, Bulitta u. a. 2001], [Seebold, Bulitta u. a. 2008]; немало ценной информации о др.-в.-нем. глаголах содержит и словарь [Seebold 1970], который подробно освещает ситуацию с сильными глаголами во всех древнегерманских языках (для более поздних эпох в этом словаре приводится лишь незначительный объем информации);
- 3) основная грамматика древневерхненемецкого языка [Braune, Reiffenstein 2004] содержит информацию о формах сильных глаголов в реальных текстах без нормализации; то же верно и для более кратких грамматик, напр. [Braune, Ebbinghaus 1970].

Ситуация с источниками по ср.-в.-нем. языку намного хуже:

- 1) Корпусов / конкордансов, охватывающих все ср.-в.-нем. тексты, не существует, что легко объясняется значительным объемом этих текстов; имеется два публично доступных ср.-в.-нем. корпуса — Belegarchiv des Mittelhochdeutschen Wörterbuchs (<http://www.mhdwb-online.de>) и MHDBDB: Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank (<http://mhdbdb.sbg.ac.at>). Оба этих источника имеют определенные недостатки: так, ни для одного из них не известно общее количество словоформ, входящих в корпуса; кроме того, MHDBDB содержит некоторое количество др.-в.-нем. и р.-н.-

в.-нем. текстов, а также в основном ориентируется на нормализованные издания, что несколько снижает достоверность этого ресурса;

- 2) основными словарями ср.-в.-нем. языка являются [Lexher 1872–1878] и [BMZ 1854–1866], которые, как сказано выше, склонны к нормализации и некоторой архаизации; так, в этих словарях наравне с общеупотребительными ср.-в.-нем. словами можно встретить такие лексемы, которые засвидетельствованы только в др.-в.-нем. и реконструируются для ср.-в.-нем. на основании дериватов: напр., слово **galn* ‘петь (о птице)’, содержащееся в [Lexher 1872–187: I, 727], восстанавливается только из слов *gal*, *galm*, *galster* ‘пение’ и *nahtegale* ‘соловей’, . В настоящее время ведется работа над созданием нового ср.-в.-нем. словаря (<http://www.mhdwb-online.de>), который пока дошел только до буквы *e*;
- 3) ср.-в.-нем. грамматики содержат достаточно много информации о спряжении сильных глаголов (ср. [Paul 2007] и особенно [Mausser 1932–1933]), однако они также часто бывают ориентированы в первую очередь на нормализованные издания — даже несмотря на то, что именно автор классической ср.-в.-нем. грамматики Г. Пауль первым поставил под вопрос существование единого литературного ср.-в.-нем. языка [Paul 1873]. Работа над новой ср.-в.-нем. грамматикой, уделяющей большее внимание реально зафиксированным в памятниках формам, ведется с 1997 года, однако к настоящему моменту вышел только том, посвященный словообразованию [Klein, Solms, Wegera 2009].

Ситуация с источниками для р.-н.-в.-нем. периода такова:

- 1) существует корпус ранненововерхненемецкого языка Bonner Frühneuhochdeutschkorpus (<http://www.korpora.org/Fnhd/>). Поскольку он создавался в 1970-е и 1980-е годы, он достаточно невелик по современным меркам (его объем составляет около 600 тыс. словоформ; для сравнения, корпус современного немецкого языка DeReKo по объему превосходит

- его в 40 000 раз), однако снабжен качественной разметкой и сбалансирован по географическому и хронологическому принципу¹;
- 2) полного словаря для р.-н.-в.-нем. периода не существует, поскольку [FnhdWb 1989–] издан лишь наполовину, а завершение проекта планируется к 2027 году; ценным источником для р.-н.-в.-нем. периода является Deutsches Wörterbuch, у истоков которого стоят братья Гримм [DWB];
 - 3) существует подробная одготомная грамматика р.-н.-в.-нем. языка [Ebert, Reichmann, Solms, Wegera 1993], а также многотомный труд [GdFnhd 1970–1988]. Наиболее подробную, хотя и не всегда систематизированную информацию о спряжении сильных глаголов в р.-н.-в.-нем. содержат [GdFnhd 1970–1988: IV] и [Paul 1916–1922: II]; следует особо отметить раздел Wandel der Flexionsweise und zum Nhd. untergegangene mhd. starke Verben в [GdFnhd 1970–1988: IV, 469–492]

Современный немецкий язык обильно обеспечен корпусами, словарями и грамматиками. Их подробное перечисление не имеет прямого отношения к предмету нашей работы и заняло бы слишком много места, поэтому мы ограничимся только упоминанием корпуса DeReKo (Deutsches Referenzkorpus; <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>), который будет постоянно использоваться в нашем исследовании: это крупнейший в мире электронный лингвистический ресурс, содержащий 24 млрд словоформ, из которого можно извлечь достоверную информацию об узусе современного немецкого языка (в первую очередь на материале текстов прессы), а также корпуса GerManC (<http://www.llc.manchester.ac.uk/research/projects/germanc/>), который содержит 800 тыс. словоформ из текстов 1650–1800 годов.

Из этого перечня вырисовывается набор основных источников, которые будут использоваться для описания судьбы сильных глаголов в истории немецкого языка: для др.-в.-нем. это конкорданс [Graff 1834–1846] (в некоторых сложных

¹ Подробнее о понятии сбалансированного корпуса см. [McEnery, Hardie 2012].

случаях, где необходимо ориентироваться на более современные решения, мы обращаемся к [Seebold 1970]); для ср.-в.-нем. это в первую очередь корпус Belegarchiv des MWB, а во вторую очередь — словари [Lexher 1872–1878] и [BMZ 1854–1866], MHDBDB и прочие источники; для р.-н.-в.-нем. это корпус Bonner Frühneuhochdeutschkorpus, а также [DWB], [GdFnhd 1970–1988: IV] и [Paul 1916–1922: II]. Спорные случаи морфологии современного немецкого языка проверяются по корпусу DeReKo.

Отдельно следует оговорить методику использования корпусных данных. Так, невозможно определить строго, какой процент форм слабого спряжения является достаточным, чтобы постулировать наличие вариативности. Решение этого вопроса может быть только условным (точно так же, как в статистике условными являются пороги значимости); для нужд нашего исследования мы считаем значимыми случаи, когда доля слабого спряжения у глагола составляет 10% и более, если при этом корпусной материал достаточно обилен и мы имеем не менее 3 примеров слабых форм; в случае, когда данных меньше, на процентные соотношения ориентироваться не следует и решения приходится принимать методом экспертной оценки на основе различных соображений.

2.2. Древневерхненемецкие сильные глаголы и их судьба в истории немецкого языка

1. др.-в.-нем. *backan*, *bahhan* ‘печь’, ср.-в.-нем. *backen*, *bachen*, р.-н.-в.-н. *backen*, *bachen*, совр. нем. *backen*

Основа этого глагола содержит прагерм. **k / *kk*, которое в верхненемецких диалектах в результате второго передвижения согласных переходит в *hh / kh*. В южнонемецком это сочетание является препятствием для умлаута [Braune, Reiffenstein 2004: 29], из-за чего глагол *backen* с самого древнего периода истории немецкого языка может не иметь умлаута во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. В др.-в.-нем. засвидетельствованы только сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 24]. В ср.-в.-нем. преобладают формы 2–3 л. ед. ч. наст. вр. без умлаута (1 с умлаутом ~ 4 без умлаута), однако в формах от основы прошедшего времени и в

причастии II безоговорочно преобладает сильное спряжение (по данным Belegarchiv des MWB: 3 ~ 0 в формах от основы прошедшего времени, 15 ~ 2 в причастии II). В р.-н.-в.-нем. также преобладает сильное спряжение (в частности, только сильные формы встречаются в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus), а активный переход глагола в слабое спряжение отмечается только начиная с XIX века [GdFnhd 1970–1988: IV, 486; Paul 1916–1922: II, 237]. В современном немецком языке наблюдается явное преобладание слабых форм. Так, во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. в корпусе DeReKo представлено 1235 форм с умлаутом (26%) и 3594 формы без умлаута (74%). Похожее соотношение с преобладанием слабого спряжения наблюдается и в формах от основы прошедшего времени (773 ~ 1872, 30% ~ 70%). Однако в причастии II доминирует сильная форма *gebacken*, а слабая форма *gebackt* встречается исчезающе редко (48173 ~ 32, 99,9% ~ 0,1%). Обобщая все вышесказанное, можно считать, что вплоть до р.-н.-в.-нем. эпохи включительно глагол *backen* относился к сильному спряжению, и только в современном немецком языке получает смешанные формы.

2. др.-в.-нем. *bāgan* ‘сражаться’, ср.-в.-нем. *bāgen*

В др.-в.-нем. фиксируется как сильный глагол *bāgan*, так и слабый глагол *bāgēn*, не отличающийся от него по значению [Graff 1834–1846: III, 22–23]. Аналогичная картина наблюдается и в ср.-в.-нем.: в Belegarchiv des MWB находим две слабые формы претерита из одного текста (*bāgte* Parzival 80, 23 и 453, 2) и одну сильную форму претерита (*biegen* Wiener Genesis 2487). В р.-н.-в.-нем. период и позднее этот глагол не встречается.

Таким образом, глагол *bāgan* можно считать имеющим вариативность в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. и отсутствующим в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

3. др.-в.-нем. *bannan* ‘изгонять, запрещать’, ср.-в.-нем. *bannen*, р.-н.-в.-нем. *bannen*, совр. нем. *bannen*

В др.-в.-нем. от этого глагола не фиксируется претерит, а фиксируется только сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: III, 125; Seebold 1970: 89]. Аналогичная картина наблюдается и в ср.-в.-нем.: претерит от этого глагола

употребляется значительно реже, чем причастие II. Так, в Belegarchiv des MWB встречается два вхождения сильного причастия II и ни одной формы сильного или слабого претерита, а в MHDDBD фиксируется 11 форм сильного причастия II и 1 форма слабого причастия II (92% ~ 8%) и только одна сильная форма претерита. В [Lexher 1872–1878] претерит от этого глагола также не фиксируется, но в [BMZ 1854–1866] приводится единичный пример формы *bienen*. Все вышесказанное позволяет считать глагол сильным и для ср.-в.-нем. периода, поскольку один пример слабого причастия II кажется недостаточным для постулирования вариативности. Однако уже в р.-н.-в.-нем. этот глагол обнаруживает формы как слабого, так и сильного спряжения, причем сильные формы встречаются только до начала XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 489]. В современном немецком языке этот глагол является слабым.

Таким образом, глагол *bannan* можно считать сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. период, демонстрирующим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

4. *belgan* ‘гневаться’, ср.-в.-нем. *belgen*, р.-н.-в.-н. *belgen*

В др.-в.-нем. встречается в вариантах с превербом и без преверба: (*sih*) *belgan*, *gibelgan*, *irbelgan* и *ūzbelgan* (значения всех этих лексем близки друг к другу). Фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 103–105].

В корпусе DDD зафиксировано 20 употреблений форм от этого корня, из них 9 (45%) приходится на причастие II. Таким образом, уже в древневерхненемецкий период частотность причастия II от этого корня превышала частотность любой другой отдельной формы и приближалась к суммарной частотности всех остальных форм.

В средневерхненемецком зафиксированы лексемы *belgen*, *erbelgen*, *verbelgen*. Однако они крайне неравномерно распределены по частотности: в MHDDBD глагол *belgen* встречается 1 раз (в форме сильного прошедшего времени *balch Annolied* 3,3, глагол *verbelgen* — 2 раза (оба раза — в форме причастия II *verbolgen*), а глагол *erbelgen* — 160 раз, из которых 1 раз — в форме инфинитива, 10 раз — в

формах прошедшего времени по сильному спряжению и 149 раз в формах причастия II (145 по сильному спряжению, 4 по слабому спряжению, т. е. 97% ~ 3%); возможно, здесь мы имеем смешение со слабым каузативным глаголом 1-го класса, однако доля слабых форм все равно крайне мала. В ранненововерхненемецком языке этот глагол практически не встречается: в *Bonner Frühneuhochdeutschkorpus* он отсутствует, а в других текстах фиксируются единичные примеры лексикализованных форм типа *verbolgen* [GdFnhd 1970–1988: IV, 486]. В современном немецком языке этот глагол полностью отсутствует.

Итак, можно заключить, что глагол *belgan* представлен в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. как сильный, а начиная с р.-н.-в.-нем. эпохи исчезает.

5. др.-в.-нем. *bellan* ‘лаять’, ср.-в.-нем. *bellen*, р.-н.-в.-н. *bellen*, совр. нем. *bellen*

В др.-в.-нем. этот глагол встречается в вариантах без преверба и с превербом: *bellan, firbellan, ingaganbellan, widerbellan*. В др.-в.-нем. глагол фиксируется только как сильный, что отражается и в грамматических формах настоящего времени, и в претерите, и в причастии II [Graff 1834–1846: III, 91]. Не вполне ясно, различались ли в др.-в.-нем. два различных этимологически глагола: *bellan* ‘лаять’ и *bellan* ‘отталкивать’, второй из которых представлен лексемами *firbellan* и *widerbellan* [Seebold 1970: 100–101]. В МНДБДВ встречаются лексемы *bellen, enbellen, erbellen, verbellen, widerbellen*. В этом корпусе все еще наблюдается преобладание сильного спряжения: 7 ~ 1 (88% ~ 12%) в формах от основы претерита, 1 ~ 0 в причастии II. Аналогичную картину находим и в *Belegarchiv des MWB*: 3 ~ 1 в претерите (75% ~ 25% текстов). В р.-н.-в.-нем. также доминируют сильные формы [GdFnhd 1970–1988: IV, 481]. В *Bonner Frühneuhochdeutschkorpus* находим одну сильную форму прошедшего времени (*bal*; эльзасский диалект, XVI век) и одну слабую форму причастия II на рубеже современного немецкого языка (*gebellet*; рипуарский диалект, XVII век). В современном немецком языке сильные формы от этого глагола не встречаются.

Таким образом, поскольку ни в одном ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. корпусе мы не находим более одной слабой формы, то их можно считать единичными отклонениями, а значит, глагол *bellan* можно отнести к числу сильных в древне-,

средне- и ранненововерхненемецкую эпоху и к числу слабых глаголов в современном немецком языке.

б. *-beran* ‘нести; рождать’, ср.-в.-нем. *-bern*, р.-н.-в.-н. *-beren*, совр. нем. *-bären*.

В др.-в.-нем. глагол *-beran* фиксируется как без преверба (со значением ‘нести; рождать’), так и с превербами: *firberan* / *furiberan* ‘избегать’, *giberan* ‘рождать’, *inberan* ‘быть лишенным чего-либо’, *irberan* ‘порождать’. В ср.-в.-нем. находим тот же набор лексем: *bern* ‘нести; рождать’, *verbern* ‘избегать’, *gebern* ‘рождать’, *enbern* ‘быть лишенным чего-либо’, *erbern* ‘порождать’.

Этот корень является исключением из общего правила, в соответствии с которым глаголы от одного корня с разными превербами ведут себя одинаковым образом. Из-за сильного расхождения в значении современные глаголы *gebären* ‘рождать’ и *entbehren* ‘быть лишенным чего-либо’ спрягаются по-разному, тогда как в др.-в.-нем. спряжение глаголов *giberan* и *inberan* не различалось: сейчас первый из них — сильный глагол, а второй слабый. Можно считать, что этимологически единый корень дал два омонима, различие между которыми было окончательно закреплено стандартизированной орфографией и орфоэпической нормой (*ä* vs. *eh* в корне), хотя в современном естественном произношении фонетическое различие между [ɛ:] и [e:] не проводится, так что можно говорить об омофонии и на уровне современного немецкого языка.

Глагол *-beran* в значении ‘рождать’ сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка, колебания являются крайне незначительными [GdFnhd 1970–1988: IV, 483]. Так, в корпусе DeReKo находится 4610 употреблений сильной формы 1–3 л. ед. ч. прошедшего времени *gebar* и только 2 вхождения соответствующей слабой формы *gebärte*. В современном немецком языке наблюдается неуверенность при образовании форм 3 л. ед. ч. наст. вр.: все нормативные грамматики предписывают форму *sie gebiert*, однако в узусе встречается форма без чередования (*sie gebärt*). По данным DeReKo, форма *gebirt* встречается 1848 раз, а форма *gebärt* — 364 раза (84% ~ 16%). В причастии II существует только форма *geboren*. Пренебрегая колебаниями в ед. ч. наст. вр., можно считать, что этот глагол все еще сохраняет сильное спряжение.

Иначе обстоит дело с глаголом *inberan*, давшим современное *entbehren*. В др.-в.-нем., в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. слабые формы не фиксируются ни корпусами, ни словарями («*erst im 17 jh. mag entbehre, entbehrte, entbehrt aufkommen*» [DWB: III, 492]). Однако изменение спряжения происходит стремительно, и уже в текстах XVIII века по данным GerManC преобладают формы слабого спряжения. В корпусе DeReKo сильные формы прошедшего времени и причастия II отсутствуют.

Таким образом, глагольный корень *beran* можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. эпохи и имеющим вариативность, обусловленную лексическим значением, в современном немецком языке.

7. *bergan* ‘скрывать’, ср.-в.-нем. *bergen*, р.-н.-в.-нем. *bergen*, совр. нем. *bergen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

8. *bintan* ‘связывать’, ср.-в.-нем. *binden*, р.-н.-в.-нем. *binden*, совр. нем. *binden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

9. *biogan* ‘гнуть’, ср.-в.-нем. *biegen*, р.-н.-в.-нем. *biegen*, совр. нем. *biegen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Единичные употребления слабого спряжения [GdFnhd 1970–1988: IV, 475; Paul 1916–1920: II, 212] следует признать незначимыми.

10. *biotan* ‘предлагать’, ср.-в.-нем. *bieten*, р.-н.-в.-нем. *bieten*, совр. нем. *bieten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

11. *bītan* ‘ждать’

В др.-в.-нем. глагол встречается как без преверба, так и с превербами, незначительно модифицирующими значение: *gibītan*, *irbītan*. В ср.-в.-нем. к этим глаголам (*bīten*, *gebīten*, *erbīten*) добавляются также лексемы *enbīten* и *verbīten*. В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 62–64]. В ср.-в.-нем. встречаются уже формы как сильного, так и слабого спряжения, поскольку этот глагол смешивается со своим каузативом *beiten*; а значит, можно говорить о том, что глагол *bīten* пережил частичный переход в

слабое спряжение. В ранненововерхненемецком языке этот глагол обнаруживает морфологическую лауну в прошедшем времени: хотя строго доказать неприемлемость его форм прошедшего времени невозможно, однако весьма показательно, что он перестает использоваться в прошедшем времени и в причастии II уже к XVI веку [Paul 1916–1922: II, 207]. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим один пример слабого прошедшего времени от этого глагола (*beitte*; тюрингский диалект, XV век) и 23 примера форм от основы настоящего времени разных эпох. Из этого следует, что в р.-н.-в.-нем. глагол *beiten* уже можно считать слабым, хотя не было бы преувеличением назвать его глаголом с дефектной парадигмой. Как бы то ни было, дефектность парадигмы привела к тому, что из употребления вышли и формы от основы настоящего времени, и в современном немецком языке глагол не фиксируется.

Итак, глагол *bītan* в др.-в.-нем. изменялся по сильному спряжению, в ср.-в.-нем. имел вариативность, в р.-н.-в.-нем. перешел в число слабых глаголов, а в совр. нем. утратился.

12. др.-в.-нем. *bitten* ‘просить’, ср.-в.-нем. *bitten*, р.-н.-в.-нем. *bitten*, совр. нем. *bitten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Спорадически наблюдается смешение причастия II со слабым глаголом *beten* ‘молиться’ (из др.-в.-нем. *betōn*) [GdFnhd 1970–1988: IV, 484], однако оно не дает оснований говорить об изменении спряжения у глагола *bitten*.

13. др.-в.-нем. *bīzan* ‘кусать’, ср.-в.-нем. *bīzen*, р.-н.-в.-нем. *beißen*, совр. нем. *beißen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

14. др.-в.-нем. *blantan* ‘смешивать’, ср.-в.-нем. *blanden*

В др.-в.-нем. этот глагол имеет сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 254–257]. В ср.-в.-нем. этот встречается в основном с превербом *en-* (*enblanden* ‘утруждать’); в Belegarchiv des MWB и в словарях встречаются только сильные формы: *enblient* Wigalois 143, а также причастие II

enblanden во многих текстах. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода этот глагол не фиксируется.

Таким образом, глагол имеет сильное спряжение в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. и отсутствует в более поздние эпохи.

15. др.-в.-нем. *blāsan* ‘дуть’, ср.-в.-нем. *blāsen*, р.-н.-в.-нем. *blasen*, совр. нем. *blasen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Единичные формы слабого спряжения, встречающиеся в р.-н.-в.-нем. текстах [GdFnhd 1970–1988: IV, 489], чрезвычайно редки, так что ими можно пренебречь. В современном немецком языке слабые формы также полностью отсутствуют: так, в DeReKo находим 9976 вхождений формы *blies* при полном отсутствии формы **blaste* и 6410 вхождений формы *geblasen* при полном отсутствии **geblast*.

16. др.-в.-нем. *blīhhan* ‘белеть’, ср.-в.-нем. *blīchen*, р.-н.-в.-нем. *bleichen*, совр. нем. *bleichen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

17. др.-в.-нем. *bliuwan* ‘бить’, ср.-в.-нем. *bliuwen*, р.-н.-в.-нем. *bleuen*, *bläuen*, совр. нем. *bläuen*

В др.-в.-нем. засвидетельствованы сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 257–259]. То же касается и ср.-в.-нем.: в MHDDBD сильный претерит фиксируется 12 раз, а сильное причастие II — 27 раз. Следует особо отметить, что этот глагол встречается без преверба и с превербом *zer-*, однако для *zerbliuwen* значительная доля форм (21 из 23) приходится на причастие II (*zerbluwen* в различных графических вариантах), которое, таким образом, находится на пути к лексикализации. В р.-н.-в.-нем. наблюдается вариативность сильных и слабых форм, которая, по-видимому, обусловлена сближением со словом *blau* ‘синий’: ‘бить = доводить до синяков’ [FnhdWb 1989–: IV, 610–611, GdFnhd 1970–1988: IV, 475]. В современном немецком языке существует слабый глагол *bläuen*, у которого сильные формы не фиксируются.

Итак, глагол *bliuwan* относился к сильному спряжению в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., однако демонстрирует колебания в р.-н.-в.-нем. и полностью перешел в слабое спряжение в современном немецком языке.

18. др.-в.-нем. *bluozan* ‘приносить жертвы; чтить’, ср.-в.-нем. *bluoten*

В др.-в.-нем. встречается сильная форма причастия II (*immolata: kaplozaniu* Gl I,46,33), а также формы с реликтами редупликации: 3 л. мн. ч. прет. *pleruzzun*, 3 л. ед. ч. сосл. накл. прет. *capleruzzi* (см. подробнее о них в разделе 3.2). В ср.-в.-нем. этот глагол имеет вид *bluoten*; *t* можно объяснить как нижненемецким влиянием [Seebold 1970: 123], так и сближением со словом *bluot* ‘кровь’ и образованным от него слабым глаголом *bluoten* ‘кровоточить’. От этого глагола в значении ‘жертвовать’ фиксируются только формы слабого спряжения: *blûtete ein quek* ‘принес в жертву живое животное’ *Livländische Reimchronik* 4682. В более поздние эпохи этот глагол не встречается.

Таким образом, данный глагол можно считать сильным в др.-в.-нем. период, слабым в ср.-в.-нем. период и отсутствующим в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

19. др.-в.-нем. *bōzan* (*bōzen?*) ‘бить’, ср.-в.-нем. *bōzen*

Формы, встречающиеся в др.-в.-нем. (*pozzendi, paozzenti, pozzist, gibozzont*) не позволяют однозначно определить, к сильному или слабому спряжению относится этот глагол [Graff 1834–1846: III, 232; Seebold 1970: 90]. В ср.-в.-нем. этот глагол встречается редко и имеет как сильные, так и слабые формы: *gebiez* *Helmbrecht* 317, но *bōzten* *Barlaam und Josaphat* 3584, *bōzten* *Barlaam und Josaphat* 15311. В более поздние периоды этот глагол выходит из употребления.

Таким образом, статус глагола *bōzan* (*bōzen?*) непонятен для др.-в.-нем. периода; в ср.-в.-нем. эпоху он демонстрирует вариативность форм, а р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке отсутствует.

20. др.-в.-нем. *brātan* ‘жарить’, ср.-в.-нем. *brāten*, р.-н.-в.-нем. *braten*, совр. нем. *braten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Единичные слабые формы типа *bratete*, фиксируемые в XVIII веке [GdFnhd

1970–1988: IV, 489], не являются достаточным основанием для постулирования вариативности в спряжении.

21. др.-в.-нем. *brehhan* ‘ломать’, ср.-в.-нем. *brechen*, р.-н.-в.-нем. *brechen*, совр. нем. *brechen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

22. др.-в.-нем. *breman* / *brimman* ‘рычать’, ср.-в.-нем. *bremen* / *brimmen*

В др.-в.-нем. этот глагол засвидетельствован только один раз в форме претерита *bram* [Graff 1834–1846: III, 303]. Однако этого недостаточно для того, чтобы установить наличие / отсутствие геминаты *mm* в основе, поскольку на конце слова двойной согласный мог подвергнуться упрощению. В ср.-в.-нем. глагол фиксируется в обоих вариантах и имеет сильные формы: в Belegarchiv des MWB находим 2 вхождения сильной формы ед. ч. *bram*, а также одну сильную форму мн. ч. претерита *brummen*. В р.-н.-в.-нем. глагол *bremen* / *brimmen* вытесняется слабым глаголом *brummen*, связанным с ним по аблауту [DWB: II, 384].

Таким образом, этот глагол относился к сильному спряжению в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. и утратился начиная с р.-н.-в.-нем. периода.

23. др.-в.-нем. *brestan* ‘лопаться’, ср.-в.-нем. *bresten*, р.-н.-в.-нем. *bersten*, совр. нем. *bersten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

24. др.-в.-нем. *brettan* ‘выхватить, обнажить (меч)’

В др.-в.-нем. глагол засвидетельствован как сильный [Graff 1834–1846: III, 287]. В ср.-в.-нем. надежных фиксаций в том же значении нет. Глагол *bretten* встречается в значении ‘прясть’, однако его связь с др.-в.-нем. глаголом *brettan* неочевидна. Таким образом, этот глагол следует считать утраченным начиная со ср.-в.-нем. периода.

25. др.-в.-нем. *brinnan* ‘гореть’, ср.-в.-нем. *brinnen*, р.-н.-в.-нем. *brinnen*, *brennen*

Глагол сохраняет сильное спряжение в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. Смешение с каузативным глаголом *brennen* ‘жечь’ начинается в р.-н.-в.-нем. период [GdFnhd

1970–1988: IV, 475], и в современном немецком языке непереходный глагол с *i* в корне полностью вытеснен бывшим каузативом. Не исключено, что смешению с каузативом поспособствовало понижение $i > e$, которое наблюдается во франкских диалектах начиная с XII века [Schirmunski 2010: 298]. Таким образом, этот глагол можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., в р.-н.-в.-нем. следует приписать ему смешанное спряжение, а в современном немецком языке он отсутствует.

26. др.-в.-нем. *briodan* ‘исчерпываться’

Данный глагол фиксируется в др.-в.-нем. только один раз в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *briudid*, которая позволяет с большой вероятностью отнести его к сильному спряжению [Seebold 1970: 142], и в дальнейшей истории немецкого языка не встречается.

27. др.-в.-нем. *brūhhan* ‘использовать’

В др.-в.-нем. данный глагол имеет только сильные формы [Graff 1834–1846: III, 279–281; Seebold 1970: 140; Braune, Reiffenstein 2004: 279], но уже в средневерхненемецком он имеет только слабое спряжение: в Belegarchiv des MWB находим 4 слабые формы претерита и 1 слабую форму причастия II от лексемы *brūchen*, а также 5 слабых форм претерита и 2 слабые формы причастия II от лексемы *gebrūchen*. Сильные формы от этого корня не фиксируются ни в корпусах, ни в словарях. В дальнейшей истории немецкого языка он также сохраняет слабое спряжение. В южнонемецких диалектах сейчас встречается форма сослагательного наклонения претерита с умлаутом (*bräuchte*), построенная по образцу модальных глаголов (ср. *könnte* ‘мог бы’, *möchte* ‘хотел бы’), однако это не дает достаточных оснований не считать этот глагол слабым.

Таким образом, глагол *brūhhan* был сильным в др.-в.-нем. и имеет только слабые формы начиная со ср.-в.-нем. периода.

28. др.-в.-нем. *dīhan* ‘процветать’, ср.-в.-нем. *dīhen*, р.-н.-в.-нем. *deihen*, совр. нем. *(ge)deihen*

В др.-в.-нем. этот глагол фиксируется как без преверба, так и с различными превербами (*anadīhan*, *bīdīhan*, *duruhdīhan*, *framdīhan*, *furidīhan*, *gidīhan*, *indīhan*,

missidīhan), однако до современного языка дошел лишь глагол *gedeihen* ‘процветать’. Изначально он относился к III классу сильных глаголов, однако выпадение носового перед *h* с компенсаторным удлинением гласного привело к его переходу в I класс; следы III класса сохраняются в др.-англ. (прич. II *þungen*) и в др.-сакс. (прич. II *githungan*), но не в др.-в.-нем. [Seebold 1970: 512–513]. В др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. встречаются только сильные формы претерита и причастия II ([Graff 1834–1846: V, 105–110], Belegarchiv des MWB). В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus диагностических форм не зафиксировано, однако в других р.-н.-в.-нем. текстах за редкими исключениями встречаются только сильные формы [GdFnhd 1970–1988: IV, 470]. В современном немецком языке глагол также можно считать сильным, хотя спорадически у него встречаются формы, образованные по слабому спряжению: так, сильное прошедшее время *gedieh* встречается в DeReKo 1244 раза, а слабое прошедшее время *gedeihte* — 14 раз (99% ~ 1%).

Из вышесказанного следует, что глагол можно считать сильным на всем протяжении истории немецкого языка.

29. др.-в.-нем. *dinsan* ‘тащить’, ср.-в.-нем. *dinsen*, р.-н.-в.-нем. *dinsen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 195–196]. По данным MHDDBD глагол также является сильным и в ср.-в.-нем.: от него фиксируется 26 примеров форм сильного спряжения от основы прошедшего времени (*dans* × 17, *danse* × 3, *dunsen* × 4, *erdunse* × 1, *erdans* × 1) и 2 сильные формы причастия II (*gedunsen*, *getonsen*) при отсутствии слабых форм. В р.-н.-в.-нем. этот корень встречается крайне редко, при этом из трех его фиксаций две относятся к сильному типу спряжения, а одна — к слабому [GdFnhd 1970–1988: IV, 478]. В современном немецком языке этот глагол отсутствует.

Таким образом, глагол *dinsan* был сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., проявлял вариативность типа спряжения в р.-н.-в.-нем. и не существует в современном немецком языке.

30. др.-в.-нем. *diozan* ‘журчать’, ср.-в.-нем. *diezen*, р.-н.-в.-нем. *dießen*

В др.-в.-нем. глагол употреблялся как без преверба, так и с различными превербами (*ūzdiozan, ūzardiozan, zuodiozan*), и имел только сильные формы ([Graff 1834–1846: V, 195–196]). В ср.-в.-нем. по данным MHDDB не зафиксировано ни одного случая слабого спряжения из общего числа в 295 употреблений этого корня. В р.-н.-в.-нем. текстах этот глагол встречается вплоть до конца XV века, сохраняя при этом сильное спряжение [GdFnhd 1970–1988: IV, 475], однако до современного немецкого языка он не дошел. Таким образом, этот глагол относится к числу сильных в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. эпоху, а в современном немецком языке отсутствует.

31. др.-в.-нем. *dreskan* ‘молотить’, ср.-в.-нем. *dreschen*, р.-н.-в.-нем. *dreschen*, совр. нем. *dreschen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

32. др.-в.-нем. *dringan* ‘проникать’, ср.-в.-нем. *dringen*, р.-н.-в.-нем. *dringen*, совр. нем. *dringen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

33. др.-в.-нем. *-driozan* ‘раздражаться, утомляться’, ср.-в.-нем. *driezen*, р.-н.-в.-нем. *(ver)drießen*, совр. нем. *(ver)drießen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

34. др.-в.-нем. *drīzan* ‘испражняться’

В др.-в.-нем. глагол фиксируется один раз: *megio: drizo* Gl III,504,2. В более поздние эпохи он не встречается.

35. др.-в.-нем. *dwahan* ‘мыть’, ср.-в.-нем. *twahen, dwahen, zwahen*, р.-н.-в.-нем. *zwahen*

В др.-в.-нем. глагол имеет сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 267]. В ср.-в.-нем. также находим только сильное спряжение: в MHDDB все формы от основы прошедшего времени образуются по сильному спряжению (101 пример), равно как и все формы причастия II (37 примеров). В р.-

н.-в.-нем. также преобладают сильные формы спряжения [GdFnhd 1970–1988: IV, 488]; в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus 2 раза встречается причастие II *gezwagen*, образованное по сильному спряжению. Последние примеры употребления этого глагола датируются XVII веком [Paul 1916–1922: II, 238].

Таким образом, глагол *twahan* сохраняет сильное спряжение с др.-в.-нем. до р.-н.-в.-нем. периода, а в современном немецком языке отсутствует.

36. др.-в.-нем. *dweran* ‘рыхлить, размешивать’, ср.-в.-нем. *dwern*

Глагол имеет только сильные формы в др.-в.-нем. [Graff 1834–1846: V, 278]. В ср.-в.-нем. этот глагол фиксируется крайне скудно: в MHDBDB находим 4 примера, из которых три представляют собой форму причастия II (*getworn* Ulrichs von Etzebach Alexander 25623, *Unser vrouwen hinvert 327*; *getzworn* Daz buoch von guoter spise 77, 4), а один — форму прошедшего времени (*twar* Diu urstende 605). Поскольку первый и последний из перечисленных примеров встречаются в позиции рифмы, это позволяет с уверенностью признать эти формы сильными. В р.-н.-в.-нем. этот глагол не встречается.

Итак, глагол относился к сильному спряжению в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. и отсутствует в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

37. др.-в.-нем. *dwingan* ‘заставлять’, ср.-в.-нем. *twingen, dwingen, zwingen*, р.-н.-в.-нем. *zwingen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

38. др.-в.-нем. *erren* ‘пахать’, ср.-в.-нем. *ern*

В древнеанглийском и в древнеисландском языке соответствующий глагол является слабым (др.-англ. *erian*, др.-исл. *erja*). У готского глагола того же корня тип спряжения надежно не определяется, поскольку он зафиксирован только в форме причастия I *arjandan* Lukas 17, 7 [Streitberg 1920: 148]. В пособии [Гухман 1958: 256] он имеет помету «*ред[уплицирующий] (?) сл[абый] гл[агол] (?)*», т. е. подразумевается, что это либо *j*-презентный сильный глагол VII класса, либо слабый глагол I-го класса; в словаре [Lehmann 1986: 42] он помечен как «*irreg[ular] st[rong] v[erb] VII*». Как бы то ни было, в др.-в.-нем. глагол *erren* имеет сильное

спряжение, но его классная принадлежность не вполне ясна. Прошедшее время по VII классу сильных глаголов представлено зашифрованной глоссой *subigebant* : *kfrfn* (= *ieren* с заменой каждого гласного на следующий по алфавиту согласный; Gl II, 529, 1), а также формами *ierun*, *ieren*, *eorin* (см. подробнее о них в статьях [Matzel 1989] и [Bammesberger 1991]). Можно предполагать, что изначально этот глагол был *j*-презентным глаголом VI класса, а в VII класс перешел лишь в др.-в.-нем. [Meid 1971: 75–76; van Coetsem 1990: 66–67]; как реликт VI класса в др.-в.-нем. встречается 2 л. мн.ч. сослагательного наклонения претерита *iruorit* Gl I, 386, 12–13. Как бы то ни было, большинство грамматик на синхронных основаниях относят этот глагол к VII классу, ориентируясь в первую очередь на претерит (см., напр., [Braune & Reiffenstein 2004: 289]), хотя *j*-презентные формы нетипичны для VII класса. Сильное причастие II встречается в глоссе *exarata* : *kiaraniu* (Gl I, 509, 20) [Seebold 1970: 82]. В ср.-в.-нем. находим вариативность: встречаются как сильные, так и слабые формы [Lexer 1872–1878: I, 657]. В р.-н.-в.-нем. глагол уже не встречается.

Таким образом, этот глагол можно признать сильным для др.-в.-нем. периода, однако в ср.-в.-нем. эпоху он имеет формы, как сильного, так и слабого спряжения, а в дальнейшие периоды истории немецкого языка не фиксируется.

39. др.-в.-нем. *eihhan* ‘признавать’, ср.-в.-нем. *eichen*

В др.-в.-нем. этот глагол фиксируется в формах от основы настоящего времени (инфинитив: *eichene*: *vindicasse* Gl II, 91, 50; 3 л. ед. ч. наст. вр.: *ineichit*: *excerebre* Gl I, 621, 51), а также в форме сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 127–128; Seebold 1970: 72]. В ср.-в.-нем. он встречается только в слабых формах [BMZ 1854–1866: I, 414], а в более поздние периоды истории немецкого языка не свидетельствуется.

Таким образом, этот глагол был сильным в др.-в.-нем., слабым в ср.-в.-нем. и отсутствует в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

40. др.-в.-нем. *ezzan* ‘есть’, ср.-в.-нем. *ezzan*, р.-н.-в.-нем. *essen*, совр. нем. *essen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

41. др.-в.-нем. *fāhan* ‘ловить’, ср.-в.-нем. *fāhen*, р.-н.-в.-нем. *fahen*, *fangen*, совр. нем. *fangen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Формы с *n* в основе настоящего времени появляются у этого глагола только в р.-н.-в.-нем. период.

42. др.-в.-нем. *faldan* ‘складывать’, ср.-в.-нем. *falten*, р.-н.-в.-нем. *falten*, совр. нем. *falten*

В др.-в.-нем. глагол имеет сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 513–514; Seebold 1970: 183]. В ср.-в.-нем. в основе закрепляется консонантизм форм претерита, где отразился закон Вернера (т. е. *t* распространяется и на основу настоящего времени); как бы то ни было, этот глагол также остается сильным: в Belegarchiv des MWB встречаем 13 сильных форм претерита и 8 сильных форм причастия II при полном отсутствии слабых форм. Однако в р.-н.-в.-нем. период этот глагол сдвигается в сторону слабого спряжения [GdFnhd 1970–1988: IV,489]; в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим одно вхождение слабого претерита (*falte*; тюрингский диалект, XVI век) и одно вхождение сильного причастия II (*gefalten*; эльзасский диалект, XVII век). В современном немецком языке этот глагол имеет только слабые формы.

Таким образом, глагол *faldan* следует считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. эпохи, имеющим вариативные формы в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

43. др.-в.-нем. *fallan* ‘падать’, ср.-в.-нем. *fallen*, р.-н.-в.-нем. *fallen*, совр. нем. *fallen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

44. др.-в.-нем. *faran* ‘ехать’, ср.-в.-нем. *farn*, р.-н.-в.-нем. *fahren*, совр. нем. *fahren*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

45. *-fehan* ‘радоваться’

Глагол встречается в др.-в.-нем. только с превербом *gi-* (*gifehan*) и имеет только сильные формы [Graff 1834–1846: III, 417–419]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что этот глагол употребляется лишь в одном памятнике — в др.-в.-нем. переводе Евангельской гармонии Татиана [Schützeichel 2012: 98]. На этом основании некоторые ученые, первым из которых был Э. Зиверс, считают глагол *gifehan* заимствованием из древнеанглийского, а не собственно др.-в.-нем. лексемой [Sievers (hg.) 1892: XXXI, Seebold 1970: 189]. В более поздние эпохи этот глагол не фиксируется.

46. др.-в.-нем. *fehtran* ‘сражаться’, ср.-в.-нем. *fehten*, р.-н.-в.-нем. *fechten*, совр. нем. *fechten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

47. др.-в.-нем. *-felahan* ‘препоручать’, ср.-в.-нем. *-felhen*, р.-н.-в.-нем. *-fehlen*, совр. нем. *-fehlen* (*befehlen* ‘приказывать’, *empfehlen* ‘советовать’)

В др.-в.-нем. текстах обильно свидетельствуется приставочный глагол *bifelahan* ‘советовать; препоручать; приказывать’, а в глоссах встречаются также варианты без преверба и с другими превербами: *felahan*, *intfelahan* ‘советовать; препоручать’, *gifelahan* ‘погребать’. В дальнейшем этот глагол сохраняется с двумя превербами: ср.-в.-нем. *bevelhen* ‘приказывать’, откуда совр. нем. *befehlen*, и *enphelhen* ‘советовать’, откуда современное немецкое *empfehlen*. На синхронном уровне связь между этими глаголами более не ощущается, что объясняется как сильным расхождением значений, так и опрощением, произошедшим в глаголе *empfehlen*, в котором в результате ассимиляции на стыке приставки и корня перестала выделяться приставка *ent-*. Как бы то ни было, оба этих глагола сохраняют сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

48. др.-в.-нем. *fezzan* ‘открываться (о двери); качаться’

В др.-в.-нем. от этого глагола встречаются сильные формы претерита: *labat:faz* Gl II,650,25 ‘(дверь) закачалась (и открылась)’; *excidit: ni gifaz* Gl II,256,60 ‘выпало (из памяти): не открылось’ и т. д. [Graff 1834–1846: III, 727; Seebold 1970: 195–196]. В более поздние периоды глагол не фиксируется.

49. др.-в.-нем. *findan* ‘находить’, ср.-в.-нем. *finden*, р.-н.-в.-нем. *finden*, совр. нем. *finden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

50. др.-в.-нем. *flehtan* ‘плести’, ср.-в.-нем. *flehten*, р.-н.-в.-нем. *flechten*, совр. нем. *flechten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

51. др.-в.-нем. *fliogan* ‘лететь’, ср.-в.-нем. *fliegen*, р.-н.-в.-нем. *fliegen*, совр. нем. *fliegen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

52. др.-в.-нем. *fliohan* ‘сбегать’, ср.-в.-нем. *fliehen*, р.-н.-в.-нем. *fliehen*, совр. нем. *fliehen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

53. др.-в.-нем. *fliozan* ‘течь’, ср.-в.-нем. *fliezen*, р.-н.-в.-нем. *fließen*, совр. нем. *fließen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

54. др.-в.-нем. *flīzan* ‘усердствовать’, ср.-в.-нем. *flīzen*, р.-н.-в.-нем. *fleißzen*

В др.-в.-нем. встречаются лексемы *flīzan* и *giflīzan* (с превербом — только у Отфрида), которые изменяются по сильному спряжению [Graff 1834–1846: III, 778–780]. В средневерхненемецком языке доминируют сильные формы претерита, а единственным исключением по данным МНДБДВ является *Kaiserchronik*, в которой этот глагол употребляется как слабый (см. также [Lexner 1872–1878: III, 408]). В р.-н.-в.-нем. вариативность не засвидетельствована [GdFnhd 1970–1988: IV, 488]; в *Bonner Frühneuhochdeutschkorpus* сильное прошедшее время от этого глагола встречается 4 раза: *flaizz* (среднебаварский диалект, XIV век; восточношвабский диалект, XIV век), *befliessen* (восточнофранкский диалект, XVII

век), *beflisse* (эльзасский диалект, XVII век). Кроме того, обильно фиксируется лексикализованное причастие *beflissen / geflissen* ‘усердный’. В современном немецком языке этот глагол не употребителен (он вытеснен суффиксальным дериватом *sich befließen*, образованным от прилагательного), хотя лексема *befleußen* и продолжает фиксироваться большими словарями как устаревшая [Duden 2014]. Однако в корпусе DeReKo встречается только 8 вхождений формы *befleußen* ($\approx 0,0003$ вхождения на миллион словоформ, что является крайне малым числом), причем все это — не современные тексты, а цитаты из более старых текстов, что позволяет считать глагол *de facto* несуществующим.

Таким образом, можно считать, что этот глагол сохраняет сильное спряжение с др.-в.-нем. до р.-н.-в.-нем. эпохи и отсутствует в современном языке.

55. др.-в.-нем. *fluohhan* ‘бить; проклинать’, ср.-в.-нем. *fluochen*, р.-н.-в.-нем. *fluchen*, совр. нем. *fluchen*

В др.-в.-нем. засвидетельствованы только формы приставочных глаголов *farfluohhan* и *widarfluohhan* от основы настоящего времени и причастие II, которое образуется по сильному типу — так, в Уставе ордена бенедиктинцев встречается форма *farfluohhanin* [Graff 1834–1846: III, 758–760]. Начиная со ср.-в.-нем. эпохи глагол спрягается как слабый: в Belegarchiv des MWB не встречается ни одной сильной формы претерита и причастия II, хотя сам этот глагол с разными превербами зафиксирован 116 раз. Слабое спряжение сохраняется вплоть до настоящего времени.

Таким образом, этот глагол был сильным в др.-в.-нем. эпоху и слабым начиная со ср.-в.-нем. эпохи вплоть до настоящего времени.

56. др.-в.-нем. *fnehan* ‘пыхтеть; осмеливаться’, ср.-в.-нем. *pfnehen*

В др.-в.-нем. глагол имеет сильные формы прошедшего времени (*er gifnah*), которые фиксируются у Отфрида. В ср.-в.-нем. глагол встречается крайне редко: в MHDDBD он встретился 4 раза, причем только в форме инфинитива / отглагольного существительного; в [BMZ 1854–1866: II, 513] фиксируются сильные формы прошедшего времени, в том числе в позиции рифмы. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода этот глагол не свидетельствуется.

Таким образом, этот глагол можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периода, а в более поздние эпохи он исчезает из немецкого языка.

57. др.-в.-нем. *friosan* ‘мерзнуть’, ср.-в.-нем. *friesen*, р.-н.-в.-нем. *friesen*, *frieren*, совр. нем. *frieren*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

58. др.-в.-нем. *galan* ‘петь (о птице); говорить’

В др.-в.-нем. фиксируется только одна диагностическая форма: прошедшее время *biguol* (2-е Мерзебургское заклинание 3) [Graff IV, 178; Seebold 1970: 212]. В ср.-в.-нем. и в более поздние эпохи этот глагол в немецком языке отсутствует, хотя ср.-в.-нем. словари и реконструируют его на основании таких производных, как *gal* ‘пение’, *nahtegal* ‘соловей’ и т. д. ([Lexher 1872–1878: I, 727], [BMZ 1854–1866: I, 457]).

59. др.-в.-нем. *geban* ‘давать’, ср.-в.-нем. *geben*, р.-н.-в.-нем. *geben*, совр. нем. *geben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

60. др.-в.-нем. *gellan* ‘резко звучать’, ср.-в.-нем. *gellen*, р.-н.-в.-нем. *gellen*, совр. нем. *gellen*

В др.-в.-нем. глагол фиксируется без преверба и с превербом *ir-* и имеет сильное спряжение ([Seebold 1970: 222], [Schützeichel 2012: 125]). В ср.-в.-нем. глагол стабильно имеет сильные формы в прошедшем времени (37 примеров в МНДБДВ), однако во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. может не иметь чередования (1 пример с чередованием в МНДБДВ ~ 2 примера без чередования). Тип спряжения глагола в р.-н.-в.-нем. остается неясным, так как формы претерита и причастия II от него не фиксируются; в словаре Штайнбаха (Бреслау, 1734) отмечается сильная форма, однако это не является достаточным основанием для того, чтобы признать, что этот глагол сохранял сильное спряжение на всем протяжении р.-н.-в.-нем. периода. В современном немецком языке употребляются только слабые формы.

Таким образом, для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. мы можем постулировать сильное спряжение, статус глагола в р.-н.-в.-нем. неизвестен, а в современном немецком языке от относится к слабому типу.

61. др.-в.-нем. *geltan* ‘платить; мстить’, ср.-в.-нем. *gelten*, р.-н.-в.-нем. *gelten*, совр. нем. *gelten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

62. др.-в.-нем. *gesan*, *jesan* ‘забродить’, ср.-в.-нем. *gern*, р.-н.-в.-нем. *geren*, совр. нем. *gären*

В др.-в.-нем. не свидетельствуется форм прошедшего времени и причастия II, которые бы однозначно указывали на сильное спряжение [Graff 1834–1846: I, 611], однако безударное *a* второго слога в глоссе *vinum novum: mustum gesandan* Gl I, 711, 59, которое не могло бы появиться в слабом глаголе, в сочетании с наличием сильных форм в более поздние периоды позволяет все же считать глагол сильным, поскольку никакие др.-в.-нем. данные этому не противоречат. В ср.-в.-нем. глагол изменяется по сильному спряжению, хотя иногда не имеет чередования во 2–3 л. ед. ч. наст. вр.: из 4 примеров на формы 3 л. ед. ч. наст. вр. в Belegarchiv des MWB находим 2 случая с корневым *i* и 2 случая с корневым *e*. Слабые формы прошедшего времени фиксируются начиная с XVI века [DWB: IV, 1352]. В современном немецком языке по корпусным данным употребляются только слабые формы: так, в DeReKo находим 0 вхождений сильного прошедшего времени *gor* и 362 вхождения слабого прошедшего времени *gärte*. Это противоречит данным словарей, которые указывают сильные формы как основные наряду со слабыми, однако полное отсутствие сильных форм в текстах говорит само за себя.

Таким образом, для этого глагола можно постулировать сильное спряжение в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабое спряжение в современном немецком языке.

63. др.-в.-нем. *-gezzan* ‘получать; с превербами *ir-*, *fir-* — забывать’, ср.-в.-нем. *-gezzen*, р.-н.-в.-нем. *(ver)gessen* ‘забывать’, совр. нем. *(ver)gessen*

В др.-в.-нем. глагол употребляется с превербами *ir-* и *fir-*, но в дальнейшей истории немецкого языка преобладающим оказывается вариант с *fir-*. Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

64. др.-в.-нем. *-ginnan* ‘начинать’, ср.-в.-нем. *-ginnen*, р.-н.-в.-нем. *(be)ginnen*, совр. нем. *(be)ginnen*

В др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. наряду с сильными формами претерита (др.-в.-нем. *bigan*, *bigunnun*; ср.-в.-нем. *began*, *begunnen*) нередко встречаются слабые формы (др.-в.-нем. *bigonda*, *bigunda*, *bigunsta* и т. п.; ср.-в.-нем. *begunde*, *begonde*). Эта вариативность идет на убыль в р.-н.-в.-нем. период и полностью устраняется в современном немецком языке.

Таким образом, этот глагол имеет вариативные формы в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и только сильные формы в современном немецком языке.

65. др.-в.-нем. *gīozan* ‘лить’, ср.-в.-нем. *giezen*, р.-н.-в.-нем. *gießen*, совр. нем. *gießen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

66. др.-в.-нем. *glīzan* ‘блестеть’, ср.-в.-нем. *glīzen*, р.-н.-в.-нем. *gleißen*, совр. нем. *gleißen*

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 289–290]. В ср.-в.-нем. как в словарях, так и в Belegarchiv des MWB и MHDDB также засвидетельствовано только сильное спряжение. Вариативность форм появляется начиная с XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 470], а в современном немецком языке этот редкий глагол имеет только слабые формы.

Таким образом, можно постулировать сильное спряжение для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. эпох, вариативность для р.-н.-в.-нем. периода и слабое спряжение для современного немецкого языка.

67. др.-в.-нем. *gnagan* ‘грызть’, ср.-в.-нем. *nagen*, р.-н.-в.-нем. *nagen*, совр. нем. *nagen*

В др.-в.-нем. этот глагол фиксируется в сильных формах претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 1014; Seebold 1970: 233]. В ср.-в.-нем. он

продолжает оставаться сильным: в Belegarchiv des MWB находим 52 формы этого глагола (как без преверба, так и с разными превербами: *abe-*, *abe-ge-*, *be-*, *be-ge-*, *durch-*, *ge-*), среди которых 7 форм сильного претерита и 4 формы сильного причастия II. Правда, имеется и одна форма слабого причастия II (*genaget* Barlaam und Josaphat 4725), но единичного примера явно недостаточно, чтобы приписать вариативность форм всему ср.-в.-нем. периоду. В р.-н.-в.-нем. слабые формы также не встречаются ни по данным грамматик [GdFnhd 1970–1988: IV, 487], ни в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus, однако в современном немецком языке этот глагол имеет только слабое спряжение.

Таким образом, глагол *gnagan* можно считать сильным в др.-в.-нем., в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

68. др.-в.-нем. *gnītan* ‘тереть’

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 296]. В ср.-в.-нем. период надежных фиксаций нет, однако единичный пример формы 3 л. ед. ч. наст. вр. *gneuyth*, датируемый 1571 годом, приводится в [DWB: VIII, 640]. Как бы то ни было, эти данные не являются достаточными, чтобы постулировать существование этого глагола по завершении др.-в.-нем. периода.

69. др.-в.-нем. *graban* ‘рыть’, ср.-в.-нем. *graben*, р.-н.-в.-нем. *graben*, совр. нем. *graben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

70. др.-в.-нем. *grīfan* ‘хватать’, ср.-в.-нем. *grīfen*, р.-н.-в.-нем. *greifen*, совр. нем. *greifen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

71. др.-в.-нем. *grīnan* ‘скулить, хныкать’, ср.-в.-нем. *grīnen*, р.-н.-в.-нем. *greinen*, совр. нем. *greinen*

В др.-в.-нем. данный глагол фиксируется в форме сильного претерита [Graff 1834–1846: IV, 327–328; Seebold 1970: 237]. В ср.-в.-нем. встречаются только сильные формы: так, в Belegarchiv des MWB находим 13 сильных форм претерита

от этого глагола и ни одной слабой формы. В р.-н.-в.-нем. глагол остается сильным [GdFnhd 1970–1988: IV, 470], а слабые формы становятся преобладающими лишь со второй половины XVIII века [DWB: IX, 53–62].

Таким образом, данный глагол можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. периодов и слабым для современного немецкого языка.

72. др.-в.-нем. *hāhan* ‘висеть’, ср.-в.-нем. *hāhen*, р.-н.-в.-нем. *hängen*, совр. нем. *hängen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. В современном немецком языке он имеет ряд омоформ с каузативным глаголом *hängen* ‘вешать’, однако непереходный глагол сохранил свое сильное спряжение.

73. др.-в.-нем. *haltan* ‘держать’, ср.-в.-нем. *halten*, р.-н.-в.-нем. *halten*, совр. нем. *halten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

74. др.-в.-нем. *heffen* ‘поднимать’, ср.-в.-нем. *heben*, р.-н.-в.-нем. *heben*, совр. нем. *heben*

В др.-в.-нем. от этого глагола фиксируются только сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 814–822]. В ср.-в.-нем. консонантизм претерита, отражающий закон Вернера, распространяется и на основу настоящего времени, которая приобретает *b* вместо ожидаемого *ff*, однако это не мешает установлению тождества др.-в.-нем. *heffen* и ср.-в.-нем. *heben*; глагол продолжает изменяться по сильному спряжению, хотя встречаются единичные формы слабого прошедшего времени [Lexer 1872–1878: I, 1199]. В Bonner Frühneuhochdeutsch Korpus находим 86 форм сильного прошедшего времени наряду с двумя формами слабого прошедшего времени (97,7% ~ 2,3%). Пренебрежимо малая вариативность существует и в современном немецком языке. Так, в DeReKo наряду с 23 705 формами прошедшего времени *erhob* находим 6 употреблений слабой формы *erhebte*.

Таким образом, данный глагол несомненно являлся сильным в др.-в.-нем.; для более поздних эпох также можно постулировать сильное спряжение, поскольку количество слабых форм во все периоды пренебрежимо мало, пусть и не равно нулю.

75. др.-в.-нем. *heizan* ‘называть(ся)’, ср.-в.-нем. *heizen*, р.-н.-в.-нем. *heißen*, совр. нем. *heißen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

76. др.-в.-нем. *helan* ‘скрывать’, ср.-в.-нем. *heln*, р.-н.-в.-нем. *hehlen*, совр. нем. *hehlen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы претерита и причастия II от этого глагола [Graff 1834–1846: IV, 839–841]. В ср.-в.-нем. также находим только сильные формы от лексем с этим корнем. Единственное исключение — редкий глагол *entheln* ‘раскрывать’, который изменяется по слабому спряжению [Lexner 1872–1878: I, 572]; впрочем, мы не считаем его доказательством того, что глагол *heln* начинает переход в слабое спряжение в свете редкости этой лексемы (MHDDB не фиксирует ни одного вхождения; слабое прошедшее время *enthelten* — единственный пример на этот глагол в словаре М. Лексера), а также ввиду того, что она может трактоваться как каузатив от *heln*, для которого слабое спряжение вполне закономерно. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим 10 употреблений глагола *verhehlen*, из которых диагностическими для определения спряжения являются шесть: все это — сильные формы причастия II. Однако в других источниках встречаются слабые формы изъявительного наклонения претерита, что позволяет постулировать для этого глагола частичный переход в слабое спряжение уже в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 483]. В современном немецком языке глаголы *hehlen* и *verhehlen* являются слабыми.

Таким образом, глагол *helan* был сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., обнаруживает вариативность в р.-н.-в.-нем. и окончательно переходит в слабое спряжение к современной эпохе.

77. др.-в.-нем. *helfan* ‘помогать’, ср.-в.-нем. *helfen*, р.-н.-в.-нем. *helfen*, совр. нем. *helfen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

78. др.-в.-нем. *hellan* ‘звучать’, ср.-в.-нем. *hellen*, р.-н.-в.-нем. *hellen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 855–857]. В ср.-в.-нем. этот глагол также не демонстрирует вариативности форм: все примеры из Belegarchiv des MWB и MHDDBD показывают сильное прошедшее время и причастие II (напр., *hal Ulrichs von Zatzikhovens Lanzelet* 6856), а также формы 2–3 л. ед. ч. наст. вр. с чередованием (*hillt*). В р.-н.-в.-нем. у этого глагола появляются слабые формы, а сильные формы фиксируются в текстах до начала XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 482; Paul 1916–1922: II, 222]. В современном немецком языке этот глагол отсутствует.

Таким образом, мы можем постулировать сильное спряжение для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периодов, вариативность для р.-н.-в.-нем. и отсутствие глагола в современном языке.

79. др.-в.-нем. *hinkan* ‘хромать’, ср.-в.-нем. *hinken*, р.-н.-в.-нем. *hinken*, совр. нем. *hinken*

В др.-в.-нем. фиксируется только сильное спряжение [Graff 1834–1846: IV, 962]. В Belegarchiv des MWB и MHDDBD отмечаются только сильные формы прошедшего времени и причастия II. Однако в р.-н.-в.-нем. встречаются как сильные, так и слабые формы, причем слабые формы фиксируются у Лютера [GdFnhd 1970–1988: IV, 479]. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим одну диагностическую форму — слабое прошедшее время *hincheten* (тюрингский диалект, XIV век). В современном немецком языке глагол имеет слабое спряжение.

Таким образом, мы можем постулировать сильное спряжение для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периодов, вариативность форм в р.-н.-в.-нем. эпоху и слабое спряжение в современном немецком языке.

80. др.-в.-нем. *houwan* ‘бить’, ср.-в.-нем. *houwen*, р.-н.-в.-нем. *hauen*, совр. нем. *hauen*

В др.-в.-нем. от этого глагола фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 706–709]. В ср.-в.-нем. глагол имеет только сильные формы, равно как и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 490]. В современном немецком этот глагол имеет вариативные формы (*hieב, gehauen* и *haute, gehaut*); при этом глаголы с превербами чаще используют слабые формы (напр., *haute ab* ‘ушел’, а не **hieב ab*), а беспривставочный глагол — сильную форму.

Таким образом, глагол *houwwan* был сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и имеет вариативность форм в современном немецком языке.

81. др.-в.-нем. *jehan* ‘говорить’, ср.-в.-нем. *jehen*, р.-н.-в.-нем. *jehen*

В др.-в.-нем. засвидетельствованы только сильные формы [Graff 1834–1846: I, 581–585]. То же касается и ср.-в.-нем.: ни в словарях [Lexher 1872–1878: I, 477; BMZ 1854–1866: I, 512–515], ни в Belegarchiv des MWB, ни в MHDBDB слабые формы не фиксируются. В р.-н.-в.-нем. преобладают сильные формы [GdFnhd 1970–1988: IV, 485]. В современном немецком языке глагол отсутствует.

Итак, глагол *jehen* имеет сильное спряжение в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и не фиксируется в современном немецком языке.

82. др.-в.-нем. *jetan* ‘полоть’, ср.-в.-нем. *jeten*, р.-н.-в.-нем. *jäten*, совр. нем. *jäten*

В др.-в.-нем. засвидетельствованы формы от основы настоящего времени и причастие II, указывающее на сильное спряжение [Graff 1834–1846: I, 594–595]. В ср.-в.-нем. следов слабого спряжения не обнаруживается: так, в Belegarchiv des MWB находим 20 примеров употребления этого корня, среди которых есть 11 форм сильного причастия II, три формы 3 л. ед. ч. наст. вр. с чередованием (*ûzgittet* и т. п.) и одна сильная форма 3 л. ед. ч. прош. вр. (*jat*). Однако в р.-н.-в.-нем. наблюдается вариативность форм, и сильные формы фиксируются вплоть до XVI века [Paul 1916–1922: II, 234; GdFnhd 1970–1988: IV, 485]. В современном немецком языке глагол *jäten* имеет только слабые формы.

Таким образом, этот глагол относился к сильному спряжению в др.-в.-нем., имел вариативность в ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и окончательно перешел в слабое спряжение к современной эпохе.

83. др.-в.-нем. *kerran* ‘скрипеть’, ср.-в.-нем. *kerren*, р.-н.-в.-нем. *kerren*

В др.-в.-нем. фиксируется форма сильного претерита *stridebat: char* Gl II,647,1. В ср.-в.-нем. глагол также является сильным: в Belegarchiv des MWB находим две сильные формы претерита (*kurren* Parzival 69, 12 и *churren* Apollonius von Tyrland 9433). В р.-н.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [GdFnhd 1970–1988: IV, 482], а в современном немецком языке этот глагол не используется.

Таким образом, его можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. периода и отсутствующим в современном немецком языке.

84. др.-в.-нем. *kīnan* ‘прорасти’, ср.-в.-нем. *kīnen*

В др.-в.-нем. надежно фиксируются только формы от основы настоящего времени; аналогичная ситуация наблюдается и в средневерхненемецком [Seebold 1970: 290–291, Lexer 1872–1878: I, 1573]. Таким образом, хотя данные других германских языков и позволяют считать этот глагол сильным (ср. гот. *keinan*, др.-англ. *cīnan*, др.-сакс. *kīnan*), для немецкого языка мы не имеем достоверной информации о его спряжении. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол не фиксируется.

85. др.-в.-нем. *kiosan* ‘выбирать’, ср.-в.-нем. *kiesen*, р.-н.-в.-нем. *kiesen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 507–513]. В ср.-в.-нем. наблюдаем аналогичную картину: ни в словарях, ни в корпусах наличие слабых вариантов не отмечается. Однако в р.-н.-в.-нем. уже появляются вариантные формы, которые в первую очередь затрагивают прошедшее время: так, в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим 5 форм прошедшего времени, из которых три образованы по сильному спряжению: *koeren* × 2 (рипуарский диалект, XIV век), *koren* (тюрингский диалект, XV век), а две — по слабому: *erkiesten* (восточнофранкский диалект, XVII век), *erkieste* (восточноверхнеалеманнский диалект, XVII век). В современном немецком языке глаголы от этого корня de facto не существуют, хотя и продолжают фиксироваться словарями как сильные; так, в DeReKo находим 16 примеров на форму *erkiesen*, из которых только четыре относятся к современным естественным текстам, а не к металингвистическим рассуждениям или к цитатам из более ранних эпох.

Таким образом, можно считать, что глагол *kiosan* имеет сильные формы в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., получает вариативность в р.-н.-в.-нем. и исчезает к современной эпохе.

86. др.-в.-нем. *kiuwan* ‘жевать’, ср.-в.-нем. *kiuwen*, р.-н.-в.-нем. *kauen*, *keuen*, совр. нем. *kauen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 534–535]. В ср.-в.-нем. переход в слабое спряжение не отмечается: в Belegarchiv des MWB фиксируется форма прошедшего времени *kou* (Ulrichs von Zatzikhoven, Lanzelet 3691), а также большое количество форм сильного причастия II. В р.-н.-в.-нем. этот глагол имеет вариативный вокализм, вызванный различиями в диалектной рефлексии др.-в.-нем. *iu:* в ряде средненемецких диалектов этот дифтонг дает рефлекс $\bar{u} > au$, а в ряде диалектов — $[\bar{u}] > eu$ [Schirmunski 2010: 277]. Этот глагол обнаруживает вариативность спряжения, причем сильные формы встречаются вплоть до XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 475]. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus, однако, они не фиксируются: в нем представлена только одна слабая форма прошедшего времени *kevte* (восточнофранкский диалект, XIV век) и 5 слабых форм причастия II типа *gekuwet* (гессенский диалект, XV век). В современном немецком языке глагол имеет слабое спряжение.

Таким образом, мы можем постулировать сильное спряжение для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. эпохи, вариативность для р.-н.-в.-нем. периода и слабое спряжение для современного немецкого языка.

87. др.-в.-нем. *klenan* ‘мазать’, ср.-в.-нем. *klenen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы как в претерите, так и в причастии II [Graff 1834–1846: IV, 558–559]. Однако уже в ср.-в.-нем. этот глагол переходит в слабое спряжение: словари не фиксируют у него сильных форм [Lexher 1872–1878: I, 1620; BMZ 1854–1866: I, 844], а в Belegarchiv des MWB находим только два вхождения слабого причастия II: *in ainer klänten want* Buch der Natur 22, 9, *geclent* Von Gottes Zukunft 162. Аналогичная картина наблюдается и MHDBDB, где свидетельствуется та же форма причастия II *klänten*, а также императив *pechlen* без

чередования гласных Kochrezeptsammlung des cpg 583 11, 1) и причастие II *verklent* Oswald 1, 115, 3, 14. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода этот глагол не встречается.

Таким образом, глагол *klenen* имел сильное спряжение в др.-в.-нем., слабое спряжение в ср.-в.-нем. и отсутствует в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

88. др.-в.-нем. *klīban* ‘прилипнуть, прикрепляться’, ср.-в.-нем. *klīben*, р.-н.-в.-нем. *kleiben*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 542–543]. Сильное спряжение сохраняется и в ср.-в.-нем. период, однако в р.-н.-в.-нем. наряду с сильными формами появляются и слабые [GdFnhd 1970–1988: IV, 471] — вероятно, это происходит в результате смешения с каузативом *kleiben*. В современном литературном немецком языке глагол не представлен, хотя свидетельствуется в словаре [Duden 2014] с пометой *landschaftlich* («диалектное»).

Таким образом, этот глагол имеет сильное спряжение в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., демонстрирует вариативность спряжения в р.-н.-в.-нем. и отсутствует в современном немецком языке.

89. др.-в.-нем. *klimban* ‘взбираться’, ср.-в.-нем. *klimmen*, р.-н.-в.-нем. *klimmen*, совр. нем. *klimmen*

В др.-в.-нем. глагол засвидетельствован только в формах причастия I и инфинитива (*chlimbanti*, *chlimbanter*, *ufclimban*), однако вокализм суффикса указывает на сильное спряжение [Graff 1834–1846: IV, 558; Seebold 1970: 298]. Только сильные формы фиксируются и в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. В современных немецких словарях для этого редкого глагола указывается два типа спряжения — сильное и слабое. Однако корпусные данные показывают, что слабое спряжение встречается на порядок реже чем сильное: так, в DeReKo сильная форма *klimmt* встречается 24 раза, а слабая форма *klimmte* — 2 раза (92% ~ 8%). Это позволяет считать глагол сильным на всем протяжении истории немецкого языка.

90. др.-в.-нем. *klingen* ‘звучать’, ср.-в.-нем. *klingen*, р.-н.-в.-нем. *klingen*, совр. нем. *klingen*

Несмотря на то, что некоторое количество слабых форм у этого глагола фиксируется в текстах начиная с XVI века [Paul 1916–1922: II, 217], оно пренебрежимо мало, так что можно считать, что глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

91. др.-в.-нем. *klioban* ‘расщеплять’, ср.-в.-нем. *klieben*, р.-н.-в.-нем. *klieben*

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 546–547]. Аналогичная картина наблюдается и в ср.-в.-нем.: ни в MHDDBD, ни в Belegarchiv des MWB не встречается форм слабого спряжения. В р.-н.-в.-нем. следа перехода в слабое спряжение также не наблюдается [GdFnhd 1970–1988: IV, 475]. В современном немецком языке соответствующий глагол отсутствует.

Таким образом, данный глагол имел сильное спряжение с др.-в.-нем. по р.-н.-в.-нем. период и утрачен в современном немецком языке.

92. др.-в.-нем. *knetan* ‘месить (тесто)’, ср.-в.-нем. *kneten*, р.-н.-в.-нем. *kneten*, совр. нем. *kneten*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 580–581]. В ср.-в.-нем. глагол остается сильным [Lexer 1872–1878: I, 1647]; в Belegarchiv des MWB он встречается всего лишь 6 раз, но одна из его засвидетельствованных форм — это сильный претерит *knat* Lancelot 567, 25. Сильные формы сохраняются в р.-н.-в.-нем. наряду со слабыми вплоть до середины XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 485], а в современном немецком языке этот глагол имеет только слабые формы.

Таким образом, глагол *knetan* был сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., получил вариантивность в р.-н.-в.-нем. и окончательно стал слабым в современном немецком языке.

93. др.-в.-нем. *kresan* ‘ползти’, ср.-в.-нем. *kresen*, р.-н.-в.-нем. *kresen*

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 615]. В ср.-в.-нем. фиксируется сильное прошедшее время: *chras* (Diu Crône 11710), *krasz* (Diu Crône 12389). При этом чередования гласных в ед. ч. наст. вр. уже не наблюдается: *chreset* (Priester Wernhers Maria 1184). В р.-н.-в.-нем. сильное

спряжение фиксируется вплоть до XVI века включительно, затем [DWB: XI, 2170]. В современном немецком языке глагол отсутствует.

Таким образом, этот глагол можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. эпох и несуществующим в современном немецком языке.

94. др.-в.-нем. *krimman* ‘ранить’, ср.-в.-нем. *krimmen*, р.-н.-в.-нем. *krimmen*

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 608]. То же верно и для ср.-в.-нем. по данным MHDBDB и Belegarchiv des MWB. В р.-н.-в.-нем. этот глагол фиксируется вплоть до XVI века, однако отсутствуют диагностические формы, которые бы позволили определить его спряжение [GdFnhd 1970–1988: IV, 479]. В современном языке соответствующий глагол отсутствует.

Таким образом, этот глагол можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периодов, для р.-н.-в.-нем. его тип спряжения неизвестен, а в современном языке он не представлен.

95. др.-в.-нем. *krimpfan* ‘испытывать судорогу’, ср.-в.-нем. *krimpfen*

В др.-в.-нем. глагол встречается только в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *terit: hrimfit, krimfit* Gl I,234,31, однако в ср.-в.-нем. он фиксируется как сильный. В Belegarchiv des MWB он встречается 5 раз, причем 2 вхождения из 5 — формы сильного претерита (*chrumphen* Wiener Genesis 1546, *cramp* Das fließende Licht der Gottheit 4: 12, 84). В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке этот глагол надежно не фиксируется («nur noch in trümmern aufzuweisen» [DWB: XI, 2312]).

Таким образом, спряжение этого глагола в др.-в.-нем. период однозначно не определяется, для ср.-в.-нем. периода его можно считать сильным, а в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке он отсутствует.

96. др.-в.-нем. *kriochan* ‘ползти’, ср.-в.-нем. *kriechen*, р.-н.-в.-нем. *kriechen*, совр. нем. *kriechen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

97. др.-в.-нем. *quedan* ‘говорить’, ср.-в.-нем. *queden*, р.-н.-в.-нем. *queden, keden*

Этот глагол, являющийся одним из основных глаголов говорения в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., имеет в эти периоды только сильные формы [Graff 1834–1846: 636–647; Lexer 1872–1878: II, 319]. В р.-н.-в.-нем. он стремительно выходит из употребления, но при этом слабых форм у него не фиксируется [DWB: XI, 3811 GdFnhd 1970–1988: IV, 486]. Последние употребления этого глагола датируются XV–XVI вв. Таким образом, этот глагол имеет сильные формы в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем., но отсутствует в современном немецком языке.

98. др.-в.-нем. *quelan* ‘страдать, мучиться’, ср.-в.-нем. *queln*

В др.-в.-нем. этот глагол имеет только сильные формы и четко отграничивается от своего каузативного деривата *quellen* ‘мучить’ [Graff 1834–1846: IV, 651]. В ср.-в.-нем. два этих глагола *queln* — сильный и слабый — смешиваются; в Belegarchiv des MWB фиксируется 98 примеров на эти корни, которые не всегда удается однозначно отнести к той или иной лексеме. Однако обращает на себя внимание тот факт, что ни одна форма слабого претерита не используется в непереходном значении, из чего следует, что сильный глагол *queln* все же сохраняет морфологическую самостоятельность. В р.-н.-в.-нем. этот сильный глагол окончательно выходит из употребления, заменяясь сочетанием слабого глагола *quälen* с возвратным показателем *sich*.

Таким образом, глагол *quelan* можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. эпохи, и отсутствующим начиная с р.-н.-в.-нем. периода.

99. др.-в.-нем. *quellan* ‘течь’, ср.-в.-нем. *quellen*, р.-н.-в.-нем. *quellen*, совр. нем. *quellen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

100. др.-в.-нем. *quetan* ‘приходить’, ср.-в.-нем. *quemen*, *komen*, р.-н.-в.-нем. *kommen*, совр. нем. *kommen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

101. др.-в.-нем. *queran* ‘жаловаться’

В др.-в.-нем. глагол имеет только сильные формы [Graff 1834–1846: IV, 679], а в более поздние эпохи не представлен.

102. др.-в.-нем. *(h)ladan* ‘грузить’, ср.-в.-нем. *laden*, р.-н.-в.-нем. *laden*, совр. нем. *laden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

103. др.-в.-нем. *laffan* ‘хлебать’, ср.-в.-нем. *laffen*

В др.-в.-нем. от этого глагола засвидетельствован сильный претерит *qui lambuerunt aquas: luafun* Gl I, 388, 1. Однако в ср.-в.-нем. он используется только в формах от основы презенса, так что определить тип его спряжения не представляется возможным. В более поздние эпохи глагол отсутствует.

Таким образом, этот глагол можно считать сильным для др.-в.-нем. периода, в ср.-в.-нем. его спряжение неизвестно, а для р.-н.-в.-нем. периода и современного немецкого языка его следует признать несуществующим.

104. др.-в.-нем. *lahan* ‘запрещать’

В др.-в.-нем. глагол имеет сильные формы претерита [Graff 1834–1846: II, 97–98], а в более поздние эпохи не встречается.

105. др.-в.-нем. *(h)lahhen* ‘смеяться’, ср.-в.-нем. *lachen*, р.-н.-в.-нем. *lachen*, совр. нем. *lachen*

В др.-в.-нем. встречается сильная форма *hloc* Gl I, 39, 38 [Graff 1834–1846: IV, 1112; Seebold 1970 257], а все прочие формы от основы настоящего времени могут также принадлежать к парадигме слабого глагола 3-го класса *hlahēn* [Graff 1834–1846: IV, 1112; Braune, Reiffenstein 2004: 287]. Как бы то ни было, для др.-в.-нем. этот глагол еще можно считать сильным, а начиная со ср.-в.-нем. и вплоть до современного периода он встречается только в слабой форме.

106. др.-в.-нем. *lāzan* ‘позволять’, ср.-в.-нем. *lāzen*, р.-н.-в.-нем. *lassen*, совр. нем. *lassen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

107. др.-в.-нем. *lehhan* ‘трескаться, давать течь’, ср.-в.-нем. *lechen*

В др.-в.-нем. встречается сильная форма причастия II от этого глагола, образованная либо по IV, либо по V классу сильных глаголов: *pertusum: duralohhen, durilechen* Gl I,684,12 [Graff 1834–1846: II, 100–102]. В ср.-в.-нем. этот глагол имеет слабое спряжение [Lexer 1872–1878: I, 1849]. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке он фактически не представлен.

Таким образом, для этого глагола можно постулировать сильное спряжение в др.-в.-нем. период, слабое спряжение в ср.-в.-нем. и отсутствие в более поздние эпохи.

108. др.-в.-нем. *lesan* ‘читать, собирать’, ср.-в.-нем. *lesen*, р.-н.-в.-нем. *lesen*, совр. нем. *lesen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

109. др.-в.-нем. *leskan* ‘гаснуть’, ср.-в.-нем. *leschen*, р.-н.-в.-нем. *(er)löschen*, совр. нем. *(er)löschen*

В др.-в.-нем. этот глагол имеет сильные формы [Graff 1834–1846: II, 280]. Однако наряду с ним существует его каузативный дериват *lesken* (< **lask-j-an*), который закономерно спрягается по 1-му классу слабых глаголов. Эти два глагола сосуществуют на протяжении всей истории немецкого языка, однако не смешиваются, поскольку они «поделили» между собой превербы: в современном немецком языке сильное спряжение сохранили непереходные глаголы *erlöschen, verlöschen* ‘погаснуть’, а по слабому спряжению изменяются переходные глаголы *löschen, ablöschen, auslöschen* ‘погасить; уничтожить’.

Таким образом, глагол *leskan* сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

110. др.-в.-нем. *-līban* ‘оставлять’, ср.-в.-нем. *līben*, р.-н.-в.-нем. *(be)leiben*, совр. нем. *bleiben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. В др.-в.-нем. он смешивается с другим сильным глаголом со значением ‘щадить’, восходящим к прагерм. **hleiba-* [Seebold 1970: 261–262].

111. др.-в.-нем. *līdan* ‘ехать; страдать’, ср.-в.-нем. *līden*, р.-н.-в.-нем. *leiden*, совр. нем. *leiden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

112. др.-в.-нем. *liggen* ‘лежать’, ср.-в.-нем. *ligen*, р.-н.-в.-нем. *liegen*, совр. нем. *liegen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Несмотря на сосуществование этого глагола с его каузативным дериватом *leggen* ‘класть’ (> совр. нем. *legen*), смешения в этой паре не происходит.

113. др.-в.-нем. *līhan* ‘одалживать’, ср.-в.-нем. *līhen*, р.-н.-в.-нем. *leihen*, совр. нем. *leihen*

В др.-в.-нем. глагол имеет только сильные формы [Graff 1834–1846: II, 122–123]. Слабые формы отсутствуют и в ср.-в.-нем. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus встречается 5 форм прошедшего времени и 20 форм причастия II от этого глагола, и все они образованы по сильному спряжению. Слабая форма прошедшего времени *leiheten* фиксируется у Лютера [GdFnhd 1970–1988: IV, 471], однако этого явно недостаточно, чтобы приписать этому глаголу существенную вариативность. В современном немецком языке частотность слабых вариантов также пренебрежимо мала: в DeReKo находим 6178 вхождений сильной формы *lieh* и 16 вхождений слабой формы *leihte* (99,7% ~ 0,3%). Таким образом, можно считать, что этот глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

114. др.-в.-нем. (*h*)*limman* ‘рычать, хрипеть’, ср.-в.-нем. *limmen*

В др.-в.-нем. глагол фиксируется только в формах настоящего времени, что не является достаточным свидетельством для определения типа спряжения (*infremuit: limmit* Gl II,667,46, *fremmentis: limmentes* Gl II,618,48) [Seebold 1970: 264]. В ср.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита *lam* [Lexher 1872–1878: ШБ 1922], что позволяет признать глагол сильным. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке глагол не встречается.

Таким образом, спряжение глагола *(h)limman* в др.-в.-нем. надежно не определяется, в ср.-в.-нем. он относится к сильному спряжению, а в более поздние эпохи отсутствует.

115. др.-в.-нем. *limpfan* ‘подобать’, ср.-в.-нем. *(ge)limpfen*, р.-н.-в.-нем. *glimpfen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [GdFnhd 1970–1988: II, 214–216], однако уже в ср.-в.-нем. период определить спряжение глагола *glimpfen* по имеющимся в словарях и в корпусах примерах не представляется возможным, поскольку отсутствуют диагностические формы. В р.-н.-в.-нем. языке существует безличный глагол *glimpfen*, однако и он не засвидетельствован достаточно хорошо, чтобы делать надежные выводы о его спряжении [DWB: VIII, 109–110]. В современном немецком языке этот корень сохранился только в производном глаголе *verunglimpfen* ‘хулить’.

Таким образом, глагол *limpfan* можно считать сильным для др.-в.-нем. эпохи, для ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. его спряжение достоверно не определяется, а в современном немецком языке он отсутствует.

116. др.-в.-нем. *-lingan* ‘удаваться’, ср.-в.-нем. *-lingen*, р.-н.-в.-нем. *-lingen*, совр. нем. *-lingen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

117. др.-в.-нем. *(bi)linnan* ‘прекращаться’

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 218]. В более поздние эпохи этот глагол не засвидетельствован.

118. др.-в.-нем. *liogan* ‘лгать’, ср.-в.-нем. *liegen*, р.-н.-в.-нем. *liegen, lügen*, совр. нем. *lügen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

119. др.-в.-нем. *liohhan* ‘выщипывать’, ср.-в.-нем. *liechen, lûchen*

В др.-в.-нем. встречаются только сильные формы [Graff 1834–1846: II, 138–139]. В ср.-в.-нем. период смешивается с глаголом *lûchen* ‘закрывать’ (см. ниже др.-

в.-нем. *lūhhan*), так что говорить об этом глаголе как о самостоятельном становится невозможно.

120. др.-в.-нем. (*fir*)*liosan* ‘терять’, ср.-в.-нем. (*ver*)*liesen*, р.-н.-в.-нем. (*er*)*löschen*, совр. нем. (*ver*)*lieren*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

121. др.-в.-нем. *-liotan* ‘расти, распространяться’

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 198]. В более поздние эпохи этот глагол не встречается.

122. др.-в.-нем. (*h*)*liozan* ‘распределять по жребью’, ср.-в.-нем. *liezen*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: IV, 1122–1123]. В ср.-в.-нем. период этот глагол также встречается, однако ни в корпусах, ни в словарях не присутствуют диагностические формы, которые позволили бы определить его спряжение. В более поздние эпохи этот глагол не свидетельствуется.

123. др.-в.-нем. (*h*)*loufan* ‘бежать’, ср.-в.-нем. *loufen*, р.-н.-в.-нем. *laufen*, совр. нем. *laufen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

124. др.-в.-нем. *lūhhan* ‘закрывать’, ср.-в.-нем. *lûchen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 139–140]. В ср.-в.-нем. глагол встречается достаточно редко и демонстрирует вариативность спряжения: в Belegarchiv des MWB находим 4 формы сильного прошедшего времени (*entlouch* × 2, *intlouch*, *intluoch*, *louch zuo*) и 2 формы слабого прошедшего времени (*entlûchte* × 2), 10 форм сильного причастия II и 1 форму слабого причастия II. В р.-н.-в.-нем. период этот глагол встречается крайне редко, так что можно считать его несуществующим уже начиная с этой эпохи [DWB: XII, 300].

Таким образом, этот глагол имеет сильные формы в др.-в.-нем., демонстрирует вариативность в ср.-в.-нем. и может считаться отсутствующим начиная с р.-н.-в.-нем. периода.

125. др.-в.-нем. *malan* ‘молоть’, ср.-в.-нем. *maln*, р.-н.-в.-нем. *mahlen*, совр. нем. *mahlen*

В др.-в.-нем. встречаются сильные формы причастия II (напр., *chleino gemálnemo* Notker Boethius) [Graff 1834–1846: II, 711]. В ср.-в.-нем. период используются только сильные формы претерита и причастия II, а слабые формы в Belegarchiv des MWB и MHDDBD не фиксируются. Продолжает оставаться сильным этот глагол и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 487]. Однако в современном немецком языке он имеет только слабые формы прошедшего времени (*mahlte*) и только сильную форму причастия II (*gemahlen*). Таким образом, его можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. периода и имеющим смешанное спряжение в современном немецком языке.

126. др.-в.-нем. *melchan* ‘доить’, ср.-в.-нем. *melchen*, *melken*, р.-н.-в.-нем. *melken*, совр. нем. *melken*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма причастия II от этого глагола [Graff 1834–1846: II, 721–722]. В ср.-в.-нем. он также остается сильным: так, в Belegarchiv des MWB фиксируется две сильные формы претерита и одна сильная форма причастия II от этого глагола, а слабые формы отсутствуют. В р.-н.-в.-нем. слабые формы не отмечаются [GdFnhd 1970–1988: IV], однако в современном немецком языке этот глагол имеет варианты в спряжении: в DeReKo фиксируется 57 вхождений сильной формы претерита *molk* и 38 вхождений слабой формы *melkten* (60% ~ 40%).

Итак, этот глагол относился к сильному спряжению в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и имеет смешанную парадигму в современном немецком языке.

127. др.-в.-нем. *meizzan* ‘резать’, ср.-в.-нем. *meizen*

В др.-в.-нем. от этого глагола фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 911–913]. В ср.-в.-нем. этот глагол становится редким, но сохраняет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB находим две

формы сильного причастия II. Начиная с р.-н.-в.-нем. эпохи глагол остается лишь в некоторых диалектах, в первую очередь в австрийском [DWB: XII, 1986].

Таким образом, глагол можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периода и отсутствующим в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

128. др.-в.-нем. *mezzan* ‘мерить’, ср.-в.-нем. *mezzen*, р.-н.-в.-нем. *messen*, совр. нем. *messen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Тремя примерами слабого претерита *messte*, встретившимися в DeReKo, можно пренебречь на фоне абсолютно преобладающего сильного претерита *maß*.

129. др.-в.-нем. *mīdan* ‘избегать’, ср.-в.-нем. *mīden*, р.-н.-в.-нем. *meiden*, совр. нем. *meiden*

В XVII–XVIII вв. от этого глагола фиксируется некоторое количество слабых форм [GdFnhd 1970–1988: IV, 472], однако в целом можно считать, что глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

130. др.-в.-нем. *netan* ‘брать’, ср.-в.-нем. *nemen*, р.-н.-в.-нем. *nehmen*, совр. нем. *nehmen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

131. др.-в.-нем. *nesan* ‘выздоровливать, спасаться’, ср.-в.-нем. *-nesen*, р.-н.-в.-нем. *(ge)nesen*, совр. нем. *(ge)nesen*

В др.-в.-нем. фиксируются только сильные формы [Graff 1834–1846: II, 1098–1100]. Сильные формы характерны для этого глагола и в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 484]. В грамматике [Adelung 1782] сообщается, что настоящее время этого глагола не содержит чередования, а прошедшее время и причастие II часто имеют слабые формы, однако вторая часть этого утверждения не подтверждается корпусными данными: вплоть до сегодняшнего дня глагол *genesen* стабильно имеет сильные формы прошедшего времени и причастия II, хотя чередование во 2–3 л. ед. ч. наст. вр. действительно было утрачено (*er genest*, а не **er geniest*).

Таким образом, этот глагол можно считать сильным на всем протяжении истории немецкого языка.

132. др.-в.-нем. *(h)nīgan* ‘наклоняться’, ср.-в.-нем. *nīgen*, р.-н.-в.-нем. *neigen*, совр. нем. *neigen*

В др.-в.-нем. встречаются сильные формы прошедшего времени и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 1127–1128]. Сильное спряжение сохраняется и в ср.-в.-нем.: из 141 вхождения форм этого глагола в Belegarchiv des MWB не засвидетельствовано ни одного слабого претерита или причастия II. Однако в р.-н.-в.-нем. глагол становится слабым довольно быстро, и сильные формы исчезают уже в течение XV века [GdFnhd 1970–1988: IV, 472]. В современном немецком языке глагол имеет только слабое спряжение.

Таким образом, этот глагол относился к сильному спряжению в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., имел вариативность в р.-н.-в.-нем. и только слабые формы в современном немецком языке.

133. др.-в.-нем. *(h)niosan* ‘чихать’, ср.-в.-нем. *niesen*, р.-н.-в.-нем. *niesen*, совр. нем. *niesen*

В др.-в.-нем. фиксируются только формы презенса, что не дает возможности надежно установить спряжение этого глагола [Graff 1834–1846: II, 1104–1105; Seebold 1970: 269]. В ср.-в.-нем. он имеет сильный претерит: в Belegarchiv des MWB встречается форма *nôs* Parzival 581, 4. В р.-н.-в.-нем. сильные формы не встречаются [DWB: XIII, 835–836], равно как и в современном немецком языке.

Таким образом, спряжение этого глагола в др.-в.-нем. достоверно не определяется, в ср.-в.-нем. он относится к числу сильных, а в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке — к числу слабых глаголов.

134. др.-в.-нем. *niozan* ‘наслаждаться’, ср.-в.-нем. *(ge)nīezen*, р.-н.-в.-нем. *(ge)nīeßen*, совр. нем. *(ge)nīeßen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

135. др.-в.-нем. *(h)niuwān* ‘бить’, ср.-в.-нем. *niuwen*, р.-н.-в.-нем. *neuen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 1125–1126]. Только сильное спряжение имеет этот глагол и в ср.-в.-нем. Постепенный переход в слабое спряжение происходит на протяжении XV–XVII веков [DWB: XIII, 659], а в современном немецком языке он отсутствует.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и несуществующим в современном немецком языке.

136. др.-в.-нем. *ouhhan* ‘увеличивать’, ср.-в.-нем. *ouchen*

Этот глагол приводится как сильный в др.-в.-нем. словарях [Schützeichel 2012; Seebold 2008: 643–644], однако нет ни одной формы, которая надежно подтверждала бы его спряжение и не могла относиться к парадигме слабого глагола 2-го класса *ouhhōn*. В ср.-в.-нем. глагол *ouchen* имеет только слабые формы, а в более поздние эпохи отсутствует.

137. др.-в.-нем. *pflegan* ‘заботиться’, ср.-в.-нем. *pflegen*, р.-н.-в.-нем. *pflegen*, совр. нем. *pflegen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 356–359]. Такая же ситуация наблюдается и в ср.-в.-нем.: от этого глагола используются только формы сильного спряжения. В р.-н.-в.-нем. постепенно начинают появляться и слабые формы: по данным Bonner Frühneuhochdeutschkorpus, слабый претерит *phlegte(n)* фиксируется в восточнофранкском, восточношвабском и тюрингском диалекте начиная с XVII века. В современном немецком языке этот глагол уже можно считать слабым: в DeReKo фиксируется лишь 20 вхождений сильной формы претерита *pflog* и 16334 вхождения слабой формы *pflegte*, а также 379 вхождений сильной формы причастия II *gepflogen* (часть из них — в цитатах из старых текстов) и 52298 вхождений слабой формы *gepflegt*. Поскольку доля сильных форм в обоих случаях составляет менее 1%, этот глагол уже вполне можно считать слабым.

Таким образом, этот глагол можно признать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периода, имеющим вариативность для р.-н.-в.-нем. периода и слабым для современного немецкого языка.

138. др.-в.-нем. *rātan* ‘советовать’, ср.-в.-нем. *rāten*, р.-н.-в.-нем. *raten*, совр. нем. *raten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

139. др.-в.-нем. *(h)redan* ‘просеивать’, ср.-в.-нем. *reden*, р.-н.-в.-нем. *rāden*

В др.-в.-нем. встречается сильная форма претерита *cribravit: rath* Gl IV,282,26. В ср.-в.-нем. этот глагол имеет сильное причастие II [BMZ 1854–1866: II, 696], что также позволяет признать его сильным. В р.-н.-в.-нем. период встречаются только слабые формы [DWB: XIV, 47]. В современном немецком языке глагол отсутствует.

140. др.-в.-нем. *rehhan* ‘разжигать огонь; сгребать граблями’, ср.-в.-нем. *rechen*, р.-н.-в.-нем. *rechen*, совр. нем. *rechen*

В др.-в.-нем. фиксируется только сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: II, 386]. В ср.-в.-нем. глагол встречается редко, однако от него свидетельствуется сильный претерит *rach* Diu Crône 3364. В р.-н.-в.-нем. этот глагол также имеет сильные формы: в [DWB: XIV, 340] фиксируется несколько примеров сильного причастия II, но ни одной слабой формы. Однако в современном немецком языке этот глагол полностью перешел в слабое спряжение.

Таким образом, его можно признать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и слабым для современного немецкого языка.

141. др.-в.-нем. *rehhan* ‘преследовать, мстить’, ср.-в.-нем. *rechen*, р.-н.-в.-нем. *rāchen, rechen*, совр. нем. *rächen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: I, 1131–1136]. В ср.-в.-нем. этот глагол также имеет только сильные формы без вариативности. Слабые формы появляются только в XVI веке и не являются преобладающими еще даже в XVII веке [GdFnhd 1970–1988: IV, 484]. Однако в современном немецком языке используются только слабые формы, что, вероятно, вызвано двумя факторами: во-первых, этот глагол стал восприниматься как деноминатив от *Rache* ‘мечь’, а во-вторых, произошло омонимическое отталкивание от глагола *riechen* ‘пахнуть’, который должен был бы совпасть с

rāchen в претерите и в причастии II. Как бы то ни было, глагол *rehhan* следует считать сильным в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем., имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

142. др.-в.-нем. (*h*)*respan* ‘сгребать, собирать’, ср.-в.-нем. *respen*

В др.-в.-нем. свидетельствуется только сильная форма причастия II *exausta: arhrosphan* Gl I,122,16, что позволяет признать глагол сильным. В ср.-в.-нем. надежных примеров на формы претерита и причастия II нет. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке глагол не встречается.

143. др.-в.-нем. *rīban* ‘тереть’, ср.-в.-нем. *rīben*, р.-н.-в.-нем. *reiben*, совр. нем. *reiben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

144. др.-в.-нем. *-rīdan* ‘поворачивать’, ср.-в.-нем. *rīden*, р.-н.-в.-нем. *reiden*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 472–474]. В ср.-в.-нем. глагол также сохраняет сильное спряжение [Lexner 1872–1878: II, 422]; в Belegarchiv des MWB находим один пример сильного претерита *reid* Kaiserchronik 11626 при отсутствии слабых форм. В р.-н.-в.-нем. глагол встречается редко, однако сохраняет сильное спряжение: фиксируется форма *geriten* [DWB: XIV, 619]. В современном немецком языке глагол отсутствует.

Таким образом, этот глагол следует признать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. эпох и несуществующим в современном немецком языке.

145. др.-в.-нем. *-rīhan* ‘укутывать’

Этот глагол, восходящий к прагерманскому корню **wreih-*, фиксируется в др.-в.-нем. в формах сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: II, 429–430]. Однако этот глагол не имеет рефлексов с тем же значением в ср.-в.-нем., а существование большого количества омонимичных глаголов не дает возможности проследить его судьбу, опираясь только на фонетический облик (так, в [DWB] имеется четыре омонима *reihen*). Таким образом, этот глагол несомненно можно считать сильным в др.-в.-нем., а его дальнейшая судьба неясна.

146. др.-в.-нем. *rīhhan* ‘властвовать’, ср.-в.-нем. *rīchen*, р.-н.-в.-нем. *reichen*, совр. нем. *reichen*

Уже в др.-в.-нем. у этого глагола наблюдается смешение сильных и слабых форм [Seebold 1970: 369]. В ср.-в.-нем. глагол *richen* имеет только слабые формы, которые он сохраняет вплоть до настоящего времени. В современном немецком языке этот глагол значительно сузил свое значение (до ‘быть достаточным’) и смешался с глаголом *reichen* ‘протягивать, давать’, который, возможно, является производным от этого глагола [DWB: XIV, 584]. Как бы то ни было, этот глагол следует признать имеющим вариативность в др.-в.-нем. и слабым во все последующие периоды.

147. др.-в.-нем. (*h*)*rimpfan* ‘морщиться’, ср.-в.-нем. *rimpfen*, р.-н.-в.-нем. *rimpfen*, *rümpfen*, совр. нем. *rümpfen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: II, 512]. В ср.-в.-нем. глагол также имеет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB фиксируются 3 формы сильного претерита и 4 формы сильного причастия II. Сильное спряжение сохраняется до конца XV века, а затем в р.-н.-в.-нем. появляется вариативность форм [GdFnhd 1970–1988: IV, 479]; корневое *ī* является реузльтатом лабиализации [Schirmunski 2010: 254–258], поскольку слабый глагол *rümpfen* (< **rumpjan*) до р.-н.-в.-нем. периода не фиксируется, а значит, мы не можем подозревать наличие деривата 1-го слабого класса с нулевой ступенью аблаута. В современном немецком языке глагол *rümpfen* имеет только слабые формы.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем., имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

148. др.-в.-нем. (*h*)*rīnan* ‘касаться’, ср.-в.-нем. (*be*)*rīnen*

В др.-в.-нем. глагол фиксируется в формах сильного претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 1156–1158]. В ср.-в.-нем. глагол встречается редко, но также имеет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB находим три примера

сильного претерита *berēin* Liet von Troye 4410, 10049, 13674. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол не фиксируется.

149. др.-в.-нем. *ringan* ‘бороться’, ср.-в.-нем. *ringen*, р.-н.-в.-нем. *ringen*, совр. нем. *ringen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

150. др.-в.-нем. *rinnan* ‘бежать, течь’, ср.-в.-нем. *rinnen*, р.-н.-в.-нем. *rinnen*, совр. нем. *rinnen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

151. др.-в.-нем. *riohhan* ‘дымиться, пахнуть’, ср.-в.-нем. *riechen*, р.-н.-в.-нем. *riechen*, совр. нем. *riechen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

152. др.-в.-нем. *(h)riosan* ‘падать’

В др.-в.-нем. фиксируется только форма презенса *reor: hriusu* Gl I,62,16, которой не вполне достаточно для определения спряжения [Seebold 1970: 276, Graff 1834–1846: IV, 1181]. В более поздние эпохи глагол не фиксируется.

153. др.-в.-нем. *riozan* ‘плакать’, ср.-в.-нем. *riezen*

В др.-в.-нем. фиксируется сильный претерит и сильное причастие II [Graff 1834–1846: II, 560–562]. В ср.-в.-нем. глагол употребляется редко, однако известен пример его сильного претерита: *rôz* Das Leben der heiligen Elisabeth 10350. Начиная с р.-н.-в.-нем. эпохи глагол не встречается.

154. др.-в.-нем. *rīsan* ‘опускаться’, ср.-в.-нем. *rīsen*, р.-н.-в.-нем. *reisen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: 536–544]. В ср.-в.-нем. глагол также имеет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB нет ни одного примера слабых форм. Аналогичная ситуация наблюдается и в р.-н.-в.-нем., хотя единичная слабая форма претерита *reyssete* и фиксируется в тюрингском диалекте XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 472–473]. В современном немецком языке глагол вышел из употребления.

Таким образом, этот глагол можно считать сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и несуществующим в современном немецком языке.

155. др.-в.-нем. *rītan* ‘ехать верхом’, ср.-в.-нем. *rīten*, р.-н.-в.-нем. *reiten*, совр. нем. *reiten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

156. др.-в.-нем. (*h*)*riuwan* ‘мучить; каяться’, ср.-в.-нем. *riuwen*, р.-н.-в.-нем. *reuen*, совр. нем. *reuen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита [Graff 1834–1846: IV, 1142–1146]. В ср.-в.-нем. этот глагол остается сильным: из 219 его вхождений в Belegarchiv des MWB не зафиксировано ни одной слабой формы. В р.-н.-в.-нем. наблюдается вариативность: в [GdFnhd 1970–1988: IV, 476] фиксируется значительное число сильных форм, однако в Bonner Frühneuhochdeutschlorpus слабые формы этого глагола обнаруживаются в тюрингском диалекте XIV и XV века, а также в всоточнофранкском и восточношвабском диалекте XVII века. В современном немецком языке этот глагол имеет слабое спряжение.

Итак, глагол (*h*)*riuwan* следует признать сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

157. др.-в.-нем. (*w*)*rīzan* ‘царапать’, ср.-в.-нем. *rīzen*, р.-н.-в.-нем. *reißen*, совр. нем. *reißen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

158. др.-в.-нем. (*h*)*ruofan* ‘кричать, звать’, ср.-в.-нем. *ruofen*, р.-н.-в.-нем. *rufen*, совр. нем. *rufen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

159. др.-в.-нем. (*h*)*rūzan* ‘храпеть, рычать’

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита *ingemuit: raoz* Gl IV,220,8. В ср.-в.-нем. этот глагол имеет слабые формы: *rvoste* Speculum Ecclesiae 118, 18, *rūzte* Renner 10218. В р.-н.-в.-нем. этот глагол также является слабым

[DWB: XIV, 318], а в современном немецком языке он в основном утрачен, хотя и фиксируется в некоторых верхненемецких диалектах.

Таким образом, глагол(*h*)*rūzan* был сильным в др.-в.-нем. и слабым в ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем., а в современном немецком языке отсутствует.

160. др.-в.-нем. *sahhan* ‘спорить’, ср.-в.-нем. *sachen*, р.-н.-в.-нем. *sachen*

В др.-в.-нем. фиксируется сильный претерит и сильное причастие II от этого глагола [Graff 1834–18346: VI, 74–88]. Однако в ср.-в.-нем. употребляется только слабый глагол *sachen*, который сохраняется вплоть до р.-н.-в.-нем. периода.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем., слабым в ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и несуществующим в современном немецком языке.

161. др.-в.-нем. *salzan* ‘солить’, ср.-в.-нем. *salzen*, р.-н.-в.-нем. *salzen*, совр. нем. *salzen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: IV, 218–220]. В ср.-в.-нем. глагол также остается сильным, хотя обращает на себя внимание тот факт, что в Belegarchiv des MWB встречается 64 вхождения сильного причастия II *gesalzen* и ни одной формы сильного или слабого претерита — вероятно, на этом месте существовала морфологическая лакуна. В р.-н.-в.-нем. слабый претерит в сочетании с сильным причастием II фиксируется уже надежно [GdFnhd 1970–1988: IV, 490], и такая ситуация сохраняется вплоть до настоящего времени.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. и имеющим смешанные формы в р.-н.-в.-нем. и современном немецком языке.

162. др.-в.-нем. *-sebben* ‘воспринимать’, ср.-в.-нем. *(ent)seben*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита [Graff 1834–1846: IV, 168–169]. В ср.-в.-нем. глагол имеет вариативные сильные и слабые формы [Lexher 1872–1878: I, 585; BMZ 1854–1866: III, 233–234]. В р.-н.-в.-нем. этот глагол надежно не фиксируется («nhd. erscheint das wort höchst sparsam» [DWB: III, 618]), а в современном немецком языке он отсутствует.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем., имеющим вариативность форм в ср.-в.-нем. инесуществующим начиная с р.-н.-в.-нем. периода.

163. др.-в.-нем. *sīgan* ‘опускаться’, ср.-в.-нем. *sīgen*, р.-н.-в.-нем. *seigen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 129–131]. В ср.-в.-нем. этот глагол также изменяется по сильному спряжению, равно как и в р.-н.-в.-нем., где он существует до начала XVII века [GdFnhd 1970–1988: IV, 473]. В современном немецком языке этот глагол отсутствует.

164. др.-в.-нем. *sīhan* ‘капать; цедить’, ср.-в.-нем. *sīhen*, р.-н.-в.-нем. *seihen*, совр. нем. *seihen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 133–134]. В ср.-в.-нем. глагол также имеет только сильные формы, отчасти смешиваясь с глаголом *sīgen* из-за совпадения форм причастия II (*gesigen*). В р.-н.-в.-нем. глагол изменяется по слабому спряжению [DWB: XVI, 205–207], которое сохраняется у него и в современном немецком языке.

165. др.-в.-нем. *singan* ‘петь’, ср.-в.-нем. *singen*, р.-н.-в.-нем. *singen*, совр. нем. *singen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

166. др.-в.-нем. *sinkan* ‘опускаться’, ср.-в.-нем. *sinken*, р.-н.-в.-нем. *sinken*, совр. нем. *sinken*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

167. др.-в.-нем. *sinnan* ‘идти’, ср.-в.-нем. *sinnen*, р.-н.-в.-нем. *sinnen*, совр. нем. *sinnen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка, хотя у него и фиксируются отдельные слабые формы в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 480]. В современном немецком языке произошел сдвиг значения: сейчас *sinnen* означает ‘размышлять’ (о развитии значения см. [DWB XVI: 1156]:

«die continuität der hd. überlieferung beweist, dasz unser *sinnen* trotz der tief einschneidenden bedeutungsänderung wirklich das alte verb fortsetzt, nicht erst von *sinn* aus gebildet ist¹»).

168. др.-в.-нем. *siodan* ‘кипеть’, ср.-в.-нем. *sieden*, р.-н.-в.-нем. *sieden*, совр. нем. *sieden*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 164–166]. В ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. засвидетельствованы только сильные формы. В современном немецком языке глагол чаще всего имеет слабый претерит и сильное причастие II: в DeReKo находим только 2 формы сильного претерита *sott* и 19 форм слабого претерита *siedete* (10% ~ 90%), но 290 форм сильного причастия II и 63 формы слабого причастия II (82% ~ 18%).

Таким образом, этот глагол имел сильные формы в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и демонстрирует вариативность форм в современном немецком языке.

169. др.-в.-нем. *sizzen* ‘сидеть’, ср.-в.-нем. *sitzen*, р.-н.-в.-нем. *sitzen*, совр. нем. *sitzen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

170. др.-в.-нем. *skaban* ‘schaben’, ср.-в.-нем. *schaben*, р.-н.-в.-нем. *schaben*, совр. нем. *schaben*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: VI, 405–407]. В ср.-в.-нем. глагол имеет сильные формы: так, в Belegarchiv des MWB встречается одно вхождение сильного претерита (*schuoben* Barlaam und Josaphat 4688) и одно вхождение сильного причастия II (*geschabn* Parzival 160, 15) В р.-н.-в.-нем. глагол имеет вариативность форм [GdFnhd 1970–1988: IV, 487], а в современном немецком языке он изменяется только по слабому спряжению.

¹ Непрерывность верхненемцкой письменной традиции доказывает, что наш глагол *sinnen* несмотря на глубокую перемену значения действительно продолжает старый глагол, а не образован от *sinn*.

Таким образом, этот глагол является сильным в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем., обнаруживает вариативность в р.-н.-в.-нем. и переходит в слабое спряжение в современном немецком языке.

171. др.-в.-нем. *skaltan* ‘грести, двигать корабль’, ср.-в.-нем. *schalten*, р.-н.-в.-нем. *schalten*, совр. нем. *schalten*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II по VII классу [Graff 1834–1846: VI, 484–486]. В ср.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB этот корень без преверба и с превербами встречается 21 раз, из которых 10 форм приходится на сильный претерит, а 1 форма — на сильное причастие II. Слабые формы в ср.-в.-нем. не фиксируются, а появляются только в р.-н.-в.-нем. и одерживают окончательную победу в XVI веке [GdFnhd 1970–1988: IV, 490]. В современном немецком языке глагол *schalten* имеет только слабые формы.

Таким образом, этот глагол был сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., имел вариативность спряжения в р.-н.-в.-нем. и является слабым в современном немецком языке.

172. др.-в.-нем. *skehan* ‘происходить’, ср.-в.-нем. *-schehen*, р.-н.-в.-нем. *(ge)schehen*, совр. нем. *(ge)schehen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

173. др.-в.-нем. *skepfen* ‘создавать’, ср.-в.-нем. *schepfen*, *schaffen*, р.-н.-в.-нем. *schepfen*, *schöpfen*, *schaffen* совр. нем. *schöpfen*, *schaffen*

Рефлексы корня **skap*- демонстрируют значительное разнообразие в истории немецкого языка. В др.-в.-нем. этот глагол в презенсе имеет как *j*-презентную форму *skepfen*, так и форму *skaffan* без *j*, но при этом демонстрирует только сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 442–455]. В ср.-в.-нем. этот глагол в обоих своих вариантах также изменяется по сильному спряжению. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus слабые формы претерита встречаются в рипуарском диалекте XIV, XVI и XVII века, в восточнофранкском диалекте XV и XVII века, в среднебаварском диалекте XVII века и в эльзасском диалекте XVII

века, а слабые формы причастия II встречаются в среднебаварском и восточнофранкском диалекте XV века, в швабском и восточнофранкском диалекте XVII века, в рипуарском диалекте XVII века, в эльзасском диалекте XVI века, в гессенском диалекте XIV и XVII века. Во многих текстах они встречаются наряду с сильными формами, что позволяет постулировать вариативность спряжения в р.-н.-в.-нем. период. При этом происходит постепенно семантическое расхождение форм, ранее являвшихся лишь вариантами одной и той же лексемы: в современном немецком языке имеется сильный глагол *schaffen* ‘творить’, а также слабые глаголы *schaffen* ‘справляться’ и *schöpfen* ‘черпать’ (с лабиализацией).

Таким образом, этот глагол был сильным в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. и обнаруживает вариативность форм в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке.

174. др.-в.-нем. *skeidan* ‘делить’, ср.-в.-нем. *scheiden*, р.-н.-в.-нем. *scheiden*, совр. нем. *scheiden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

175. др.-в.-нем. *skellan* ‘звучать’, ср.-в.-нем. *schellen*, р.-н.-в.-нем. *schellen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита [Graff 1834–1846: VI, 475–478]. В ср.-в.-нем. глагол сосуществует со своим каузативным дериватом *(er)schellen* ‘протрубить; заставить звучать’, однако не смешивается с ним в спряжении: по данным Belegarchiv des MWB, в непереходном употреблении используются только сильные формы. Смешение со слабым глаголом появляется только в р.-н.-в.-нем. [DWB: XIV, 2496–2497]. В современном немецком языке этот глагол вытеснен глаголом *schallen*.

Таким образом, глагол *skellan* имеет сильное спряжение в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем., обнаруживает вариативность форм в р.-н.-в.-нем. и отсутствует в современном немецком языке.

176. др.-в.-нем. *skeltan* ‘ругать’, ср.-в.-нем. *schelten*, р.-н.-в.-нем. *schelten*, совр. нем. *schelten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

177. др.-в.-нем. *skeran* ‘резать’, ср.-в.-нем. *schern*, р.-н.-в.-нем. *scheren*, совр. нем. *scheren*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

178. др.-в.-нем. *skerran* ‘скрести’, ср.-в.-нем. *scherren*, р.-н.-в.-нем. *scherren*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: 537–539]. В ср.-в.-нем. глагол также имеет сильное спряжение; в Belegarchiv des MWB фиксируются три вхождения сильного претерита: *schurren* Apollonius von Tyrland 6266, 6715, 7438. В р.-н.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение [GdFnhd 1970–1988: IV, DWB: XIV, 2591–2593], а в современном немецком языке он отсутствует.

179. др.-в.-нем. *skīnan* ‘сиять’, ср.-в.-нем. *schīnen*, р.-н.-в.-нем. *scheinen*, совр. нем. *scheinen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

180. др.-в.-нем. *skioban* ‘толкать’, ср.-в.-нем. *schieben*, р.-н.-в.-нем. *schieben*, совр. нем. *schieben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

181. др.-в.-нем. *skiotan* ‘стрелять’, ср.-в.-нем. *schiezen*, р.-н.-в.-нем. *schießen*, совр. нем. *schießen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

182. др.-в.-нем. *skītan* ‘испражняться’, ср.-в.-нем. *schīzen*, р.-н.-в.-нем. *scheißen*, совр. нем. *scheißen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

183. др.-в.-нем. *skrīan* ‘кричать’, ср.-в.-нем. *schrīen*, р.-н.-в.-нем. *schreien*, совр. нем. *schreien*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

184. др.-в.-нем. *skrīban* ‘писать’, ср.-в.-нем. *schrīben*, р.-н.-в.-нем. *schreiben*, совр. нем. *schreiben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

185. др.-в.-нем. *skrintan* ‘зиять, давать трещину’, ср.-в.-нем. *schrinden*, р.-н.-в.-нем. *schrinden*

В др.-в.-нем. зафиксированы сильные формы претерита и причастия II от этого глагола [Seebold 1970: 423]. В ср.-в.-нем. этот глагол изменяется по сильному спряжению: в числе 10 его форм, зафиксированных в Belegarchiv des MWB, находим две формы сильного претерита и одну форму сильного причастия II. В р.-н.-в.-нем. этот глагол спрягается также по сильному типу [DWB XV: 1753–1754]. В современном немецком языке словарями фиксируется глагол *schrinnen* ‘болеть’, который, вероятно, связан с этим глаголом [Duden 2014], однако его крайняя редкость (так, формы *schrinnt* и *schrinnen* в DeReKo не встретились ни разу) позволяет считать его несуществующим.

Таким образом, этот глагол имеет сильные формы в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. период и отсутствует в современном немецком языке.

186. др.-в.-нем. *skrītan* ‘шагать’, ср.-в.-нем. *schrīten*, р.-н.-в.-нем. *schreiten*, совр. нем. *schreiten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

187. др.-в.-нем. *skrōtan* ‘измельчать’, ср.-в.-нем. *schrōten*, р.-н.-в.-нем. *schroten*, совр. нем. *schroten*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 578–579], а также форма с реликтами редупликации: 3 л. ед. ч. прет. *kiscrerot* (подробнее о таких формах см. в разделе 3.2). В ср.-в.-нем. представлены только сильные формы от этого глагола. В р.-н.-в.-нем. появляются слабые формы

этого глагола, которые сосуществуют с сильными [DWB: XV, 1782; GdFnhd 1970–1988: IV, 491]. В современном немецком языке сильные формы не фиксируются.

Таким образом, этот глагол относится к числу сильных в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., обнаруживает вариативность в р.-н.-в.-нем. и окончательно переходит в разряд слабых в современном немецком языке.

188. др.-в.-нем. *slāfan* ‘спать’, ср.-в.-нем. *slāfen*, р.-н.-в.-нем. *schlafen*, совр. нем. *schlafen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

189. др.-в.-нем. *slahan* ‘бить’, ср.-в.-нем. *slahen*, р.-н.-в.-нем. *schlagen*, совр. нем. *schlagen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

190. др.-в.-нем. *slīfan* ‘распадаться’, ср.-в.-нем. *slīfen*, р.-н.-в.-нем. *schleifen*, совр. нем. *schleifen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

191. др.-в.-нем. *slīhhan* ‘медленно идти’, ср.-в.-нем. *slīchen*, р.-н.-в.-нем. *schleichen*, совр. нем. *schleichen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

192. др.-в.-нем. *slingan* ‘скользить’, ср.-в.-нем. *slingen*, р.-н.-в.-нем. *schlingen*, совр. нем. *schlingen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

193. др.-в.-нем. *slintan* ‘поглотить’, ср.-в.-нем. *slinden*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 797–799]. В ср.-в.-нем. глагол также сохраняет сильное спряжение, преимущественно используя с превербом *ver-*: так, в Belegarchiv des MWB находим 18 употреблений *slinden* без преверба, 4 употребления с превербом *ge-* и

54 употребления с превербом *ver-*. В р.-н.-в.-нем. период этот глагол сливается с глаголом *schlingen*; в современном немецком языке его продолжает только лексема *verschlingen* ‘поглощать’.

Итак, глагол *slintan* можно считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периода и отсутствующим в более поздние эпохи.

194. др.-в.-нем. *sliofan* ‘прокрадываться’, ср.-в.-нем. *sliefen*, р.-н.-в.-нем. *schliefen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 804–807]. Глагол сохраняет сильное спряжение и в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 476], однако в современном немецком языке отсутствует.

195. др.-в.-нем. *sliozan* ‘закрывать’, ср.-в.-нем. *sliezen*, р.-н.-в.-нем. *schließen*,
совр. нем. *schließen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

196. др.-в.-нем. *slīzan* ‘разорвать’, ср.-в.-нем. *slīzen*, р.-н.-в.-нем. *schleifen*, совр.
нем. *(ver)schleifen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. Хотя в словарях указывается, что этот глагол имеет вариативные формы, это не подтверждается корпусными данными: так, в DeReKo находим 252 вхождения сильной формы претерита *verschliss* и 1 вхождение слабой формы *verschleißte*; на 2484 вхождения сильного причастия II *verschlissen* также приходятся лишь единичные вхождения слабого причастия II *verschleißt*.

197. др.-в.-нем. *smelzan* ‘плавиться’, ср.-в.-нем. *smelzen*, р.-н.-в.-нем. *schmelzen*,
совр. нем. *schmelzen*

Глагол сохраняет сильное спряжение в непереходном употреблении на всем протяжении истории немецкого языка.

198. др.-в.-нем. *smerzan* ‘болеть’, ср.-в.-нем. *smerzen*, р.-н.-в.-нем. *schmerzen*,
совр. нем. *schmerzen*

В др.-в.-нем. фиксируются только формы от основы презенса (*smérze* Otfrid 2.16, 5.23). В ср.-в.-нем. глагол является сильным: в Belegarchiv des MWB находим

форму *smarz* Wiener Genesis 1638. Смещение сильных и слабых форм у этого глагола фиксируется только в р.-н.-в.-нем. период [Paul 1916–1922: II, 221], а в современном немецком языке глагол имеет только слабое спряжение.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем., имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

199. др.-в.-нем. *smiogan* ‘schmiegen’, ср.-в.-нем. *smiegen*, р.-н.-в.-нем. *schmiegen*, совр. нем. *schmiegen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: VI, 819]. В ср.-в.-нем. глагол также имеет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB представлены 2 сильные формы претерита и 2 сильные формы причастия II. В р.-н.-в.-нем. у глагола продолжают фиксироваться сильные формы [Paul 1916–1922: II, 212], которые сменяются слабыми только в современном немецком языке: в DeReKo сильные формы от этого глагола не встречаются.

Итак, этот глагол следует признать сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

200. др.-в.-нем. *smīzan* ‘швырять’, ср.-в.-нем. *smīzen*, р.-н.-в.-нем. *schmeißen*, совр. нем. *schmeißen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

201. др.-в.-нем. *snahhan* ‘скользить’

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита: *dhurahsnuoh* Isidor [Graff 1834–1846: VI, 839]. В более поздние эпохи глагол не встречается.

202. др.-в.-нем. *-snerahan* ‘виться’

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма причастия II: *complecti: pismorahan* Gl I,60,36 [Graff 1834–1846: VI, 849]. В более поздние эпохи глагол не встречается.

203. др.-в.-нем. *-snerfen* ‘сжиматься, сгибаться’, ср.-в.-нем. *snerfen*

В др.-в.-нем. не фиксируются формы презенса и причастия II, однако имеется форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *-snirfit*, которая позволяет обосновать предположение о том, что мы имеем дело с сильным глаголом [Graff 1834–1846: VI, 850–851]. В ср.-

в.-нем. глагол имеет сильные формы [Lexher 1872–1878: II, 1033]. В более поздние эпохи глагол не встречается.

204. др.-в.-нем. *snīdan* ‘резать’, ср.-в.-нем. *snīden*, р.-н.-в.-нем. *schneiden*, совр. нем. *schneiden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

205. др.-в.-нем. *spaltan* ‘дробить’, ср.-в.-нем. *spalten*, р.-н.-в.-нем. *spalten*, совр. нем. *spalten*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 335–337]. В ср.-в.-нем. период глагол сохраняет сильное спряжение. Сильные формы сохраняются и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhd 1970–1988: IV, 491]; в Bonner Frühneuhochdeutschkorpus встречается 5 форм от этого корня, и все они приходятся на сильное причастие II. Однако в современном немецком языке этот глагол имеет смешанное спряжение: он образует слабую форму претерита *spaltete*, но в причастии II преобладает сильный вариант. В DeReKo обнаруживается 19 036 вхождений формы *gespalten* и 174 вхождения формы *gespaltet*.

Таким образом, данный глагол можно считать сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и имеющим смешанные формы в современном немецком языке.

206. др.-в.-нем. *spanan* ‘манить’, ср.-в.-нем. *spanen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II, а также форма 2 л. ед. ч. наст. вр. с умлаутом: *spenis* Hildebrandslied 40 [Graff 1834–1846: VI, 338–344]. В ср.-в.-нем. глагол отличается крайней редкостью, но сохраняет сильное спряжение: в Belegarchiv des MWB 3 раза встречается лексема *entspanen* и 2 раза — лексема *spanen*; из этих 5 форм две являются формами сильного претерита. По-видимому, этот глагол постепенно вытесняется близким по форме и значению глаголом *spannen* (см. ниже др.-в.-нем. *spannan*), имеющим намного большую частотность (этот глагол без преверба и с разными превербами встречается в Belegarchiv des MWB 56 раз); начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол *spanen* не фиксируется в текстах.

207. др.-в.-нем. *spannan* ‘напрягать’, ср.-в.-нем. *spannen*, р.-н.-в.-нем. *spannen*,
совр. нем. *spannen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 346–348]. Только по сильному спряжению он изменяется и в ср.-в.-нем. Сильные формы претерита встречаются в текстах по крайней мере до конца XV века, а причастия II — до конца XVI века [GdFnhd 1970–1988: IV, 491]. В современном немецком языке глагол имеет только слабые формы.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. эпох, имеющим вариативность в р.-н.-в.-нем. и слабым в современном немецком языке.

208. др.-в.-нем. *spinnan* ‘прясть’, ср.-в.-нем. *spinnen*, р.-н.-в.-нем. *spinnen*, совр.
нем. *spinnen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

209. др.-в.-нем. *spīwan* ‘плевать’, ср.-в.-нем. *spīwen*, р.-н.-в.-нем. *speien*, совр. нем.
speien

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

210. др.-в.-нем. *sprehhan* ‘говорить’, ср.-в.-нем. *sprechen*, р.-н.-в.-нем. *sprechen*,
совр. нем. *sprechen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

211. др.-в.-нем. *springan* ‘прыгать; подниматься’, ср.-в.-нем. *springen*, р.-н.-в.-
нем. *springen*, совр. нем. *springen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

212. др.-в.-нем. *stehhan* ‘прокалывать’, ср.-в.-нем. *stechen*, р.-н.-в.-нем. *stechen*,
совр. нем. *stechen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

213. др.-в.-нем. *stelan* ‘красть’, ср.-в.-нем. *steln*, р.-н.-в.-нем. *stehlen*, совр. нем. *stehlen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

214. др.-в.-нем. *sterban* ‘умирать’, ср.-в.-нем. *sterben*, р.-н.-в.-нем. *sterben*, совр. нем. *sterben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

215. др.-в.-нем. *stīgan* ‘подниматься’, ср.-в.-нем. *stīgen*, р.-н.-в.-нем. *steigen*, совр. нем. *steigen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

216. др.-в.-нем. *stinkan* ‘пахнуть’, ср.-в.-нем. *stinken*, р.-н.-в.-нем. *stinken*, совр. нем. *stinken*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

217. др.-в.-нем. *stioban* ‘клубиться’, ср.-в.-нем. *stieben*, р.-н.-в.-нем. *stieben*, совр. нем. *stieben*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 615–617]. Только сильное спряжение представлено и в ср.-в.-нем., а также в р.-н.-в.-нем.; число слабых р.-н.-в.-нем. пренебрежимо мало [GdFnhd 1970–1988: IV]. В современном немецком языке глагол также имеет пренебрежимую вариативность: так, в DeReKo встретилось 193 вхождения сильного претерита *stob* и 7 вхождений слабого претерите *stiebte* (96% ~ 4%), а также 34 вхождения сильного причастия *gestoben* и только 1 вхождение слабого причастия *gestiebt* (97% ~ 3%). Все это позволяет признать глагол сильным на всех этапах развития немецкого языка, хотя нельзя исключать, что в ближайшем будущем его вариативность может усилиться.

218. др.-в.-нем. *stōzan* ‘толкать’, ср.-в.-нем. *stōzen*, р.-н.-в.-нем. *stoßen*, совр. нем. *stoßen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка. В др.-в.-нем. он имеет не только обычные сильные формы с чередованием гласных, но и формы с реликтами редупликации (3 л. ед. ч. прет. *steroz*, 3 л. мн. ч. прет. *sterozun* и др.; подробнее о них см. в разделе 3.2).

219. др.-в.-нем. *stredan* ‘бурлить’

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита [Graff 1834–1846: VI, 744–745]. В более поздние периоды глагол не встречается.

220. др.-в.-нем. *strītan* ‘спорить’, ср.-в.-нем. *streiten*, р.-н.-в.-нем. *streiten*, совр. нем. *streiten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

221. др.-в.-нем. *strīhhan* ‘streichen’, ср.-в.-нем. *strīchen*, р.-н.-в.-нем. *streichen*, совр. нем. *streichen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

222. др.-в.-нем. *sūfan* ‘хлебать’, ср.-в.-нем. *sūfen*, р.-н.-в.-нем. *saufen*, совр. нем. *saufen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

223. др.-в.-нем. *sūgan* ‘сосать’, ср.-в.-нем. *sūgen*, р.-н.-в.-нем. *saugen*, совр. нем. *saugen*

Глагол имеет только сильные формы претерита и причастия II в др.-в.-нем. [Graff 1834–1846: 135–136]. Аналогичная ситуация сохраняется и в ср.-в.-нем., однако уже в р.-н.-в.-нем. появляется вариативность форм [GdFnhd 1970–1988: IV, 477], которая сохраняется и в современном немецком языке.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. периодов и имеющим смешанные формы для р.-н.-в.-нем. периода и современного немецкого языка.

224. др.-в.-нем. *sweifan* ‘бродить’, ср.-в.-нем. *sweifen*, р.-н.-в.-нем. *schweifen*, совр. нем. *schweifen*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма причастия II [Graff 1834–1846: VI, 744–745]. В ср.-в.-нем. глагол также является сильным, однако уже в р.-н.-в.-нем. фиксируются только слабые формы [DWB: XV, 2416], равно как и в современном немецком языке.

225. др.-в.-нем. *swelan* ‘тлеть’

В др.-в.-нем. встречается только форма 3 л. ед. ч. наст. вр.: *obcaluit: erswilit* Gl IV, 152,49. Этого недостаточно, чтобы постулировать существование сильного глагола, поскольку в более поздние периоды истории верхненемецкого языка эта лексема не встречается (современное немецкое *schwelen* ‘тлеть’ является нижненемецким заимствованием).

226. др.-в.-нем. *swelgan* ‘поглощать’, ср.-в.-нем. *swelgen, swelhen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 875–876]. В ср.-в.-нем. глагол остается сильным. В Belegarchiv des MWB находим только 16 его вхождений, из которых 5 приходится на сильный претерит, а 4 — на сильное причастие II. В р.-н.-в.-нем. глагол переходит в слабое спряжение [DWB: XV, 2478–2479], а в современном немецком языке отсутствует.

227. др.-в.-нем. *swellan* ‘набухать’, ср.-в.-нем. *swellen*, р.-н.-в.-нем. *schwellen*, совр. нем. *schwellen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

228. др.-в.-нем. *sweran* ‘болеть, гноиться’, ср.-в.-нем. *swern*, р.-н.-в.-нем. *schwären, schwerer*, совр. нем. *schwären*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита [Graff 1834–1846: 888–889]. В ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение [GdFnhd 1970–1988: IV, 484], но в современном немецком языке он изменяется только по слабому спряжению.

229. др.-в.-нем. *swerban* ‘тереть’, ср.-в.-нем. *swerben*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 896–897]. В ср.-в.-нем. глагол встречается настолько редко, что

надежно определить тип его спряжения невозможно [BMZ 1854–1866: III, 814; Lexer 1872–1878: II, 1361]. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол не фиксируется.

230. др.-в.-нем. *swerren* ‘клясться’, ср.-в.-нем. *swern*, р.-н.-в.-нем. *schweren*, *schwören*, совр. нем. *schwören*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

231. др.-в.-нем. *swīhhan* ‘оставлять в беде’, ср.-в.-нем. *swīchen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 896–897]. В ср.-в.-нем. глагол остается сильным, а начиная с р.-н.-в.-нем. периода не фиксируется [DWB: XV, 2411].

232. др.-в.-нем. *swimman* ‘плыть’, ср.-в.-нем. *swimmen*, р.-н.-в.-нем. *schwimmen*, совр. нем. *schwimmen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

233. др.-в.-нем. *swīnan* ‘исчезать’, ср.-в.-нем. *swīnen*, р.-н.-в.-нем. *schweinen*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: VI, 881–883]. Глагол остается сильным и в ср.-в.-нем., и в р.-н.-в.-нем. эпоху [DWB: XV, 2443; GdFnhd 1970–1988: IV, 474]. В современном немецком языке он отсутствует.

234. др.-в.-нем. *swintan* ‘исчезать’, ср.-в.-нем. *swinden*, р.-н.-в.-нем. *schwinden*, совр. нем. *schwinden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

235. др.-в.-нем. *swingan* ‘размахивать, качать; дробить’, ср.-в.-нем. *swingen*, р.-н.-в.-нем. *schwingen*, совр. нем. *schwingen* ‘размахивать, качать’

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

236. др.-в.-нем. *-telpan* ‘рыть’, ср.-в.-нем. *telben*, р.-н.-в.-нем. *telben*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 420]. Глагол остается сильным и в ср.-в.-нем. период [Lexer 1872–

1878: II, 1418], хотя встречается крайне редко: в Belegarchiv des MWB не обнаруживается ни одного примера его употребления. В р.-н.-в.-нем. эпоху он также крайне редок, но имеет сильные формы [DWB: XXI, 237; GdFnhd 1970–1988: IV, 482]. В современном немецком языке глагол отсутствует.

237. др.-в.-нем. *tragan* ‘нести’, ср.-в.-нем. *tragen*, р.-н.-в.-нем. *tragen*, совр. нем. *tragen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

238. др.-в.-нем. *(an)trātan* ‘бояться’, ср.-в.-нем. *(en)trāten*

В др.-в.-нем. фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 522–524]. Глагол остается сильным и в ср.-в.-нем. период, но используется редко: в Belegarchiv des MWB встречаются только три его формы, две из которых — сильный претерит. В начале р.-н.-в.-нем. эпохи этот глагол не фиксируется и вновь появляется только в XVI веке [DWB: III, 580]; его спряжение и связь со старым глаголом *entrāten* остается неясной. В современном немецком языке глагол отсутствует.

Таким образом, этот глагол следует считать сильным для др.-в.-нем. и ср.-в.-нем.; его статус неясен в р.-н.-в.-нем., а в современном немецком языке он отсутствует.

239. др.-в.-нем. *treffan* ‘бить; встречать’, ср.-в.-нем. *treffen*, р.-н.-в.-нем. *treffen*, совр. нем. *treffen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

240. др.-в.-нем. *(bi)trehhan* ‘тянуть’, ср.-в.-нем. *trechen*, р.-н.-в.-нем. *trechen*

В др.-в.-нем. фиксируется только сильная форма причастия II *reposito: pitrohhanemo* Gl II,473,37. В ср.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение, однако в р.-н.-в.-нем. наблюдается вариативность сильных и слабых форм [GdFnhd 1970–1988: IV, 484]. Глагол существует вплоть до XVI века и в современном немецком языке не фиксируется.

241. др.-в.-нем. *tretan* ‘ступать’, ср.-в.-нем. *treten*, р.-н.-в.-нем. *treten*, совр. нем. *treten*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

242. др.-в.-нем. *trīban* ‘гнать’, ср.-в.-нем. *trīben*, р.-н.-в.-нем. *treiben*, совр. нем. *treiben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

243. др.-в.-нем. *trinkan* ‘пить’, ср.-в.-нем. *trinken*, р.-н.-в.-нем. *trinken*, совр. нем. *trinken*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

244. др.-в.-нем. *triofan* ‘капать’, ср.-в.-нем. *triefen*, р.-н.-в.-нем. *triefen*, совр. нем. *triefen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: V, 528–530]. В ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение, однако в современном немецком языке он изменил словоизменительный тип, что, вероятно, было вызвано омонимическим отталкиванием от глагола *treffen* ‘встречаться’ и его причастия II *getroffen*. В DeReKo форма сильного претерита *trof* встречается 5 раз, а форма слабого претерита *triefte* — 128 раз (4% ~ 96%); сильное причастие II *getroffen* практически не встречается (сама эта форма находится около 236 000 раз, однако просмотр случайной выборки, состоящей из 1000 примеров, не позволил обнаружить ни одного случая, когда *getroffen* было бы формой слова *triefen*, а не *treffen*).

Итак, глагол *triefen* можно считать сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. периодов и слабым для современного немецкого языка.

245. др.-в.-нем. *triogan* ‘обманывать’, ср.-в.-нем. *triegen*, р.-н.-в.-нем. *trügen*, совр. нем. *trügen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

246. др.-в.-нем. *tūhhan* ‘нырять’, ср.-в.-нем. *tûchen*, р.-н.-в.-нем. *tauchen*, совр. нем. *tauchen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 367–368]. В ср.-в.-нем. глагол переходит в слабое спряжение: из 25 вхождений глаголов *tûchen* и *undertûchen* в Belegarchiv des MWB находим 1 слабый претерит и 7 слабых форм причастия II; лексикализованное причастие *betochen* ‘погруженный’ не является достаточным основанием для того, чтобы постулировать вариативность форм. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке глагол также сохраняет слабое спряжение.

247. др.-в.-нем. *-twelan* ‘медлить’, ср.-в.-нем. *-tweln*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и причастия II [Graff 1834–1846: V, 548–552]. В ср.-в.-нем. этот глагол приводится в словарях [Lexher 1872–1878] и [BMZ 1854–1866] как сильный, и действительно, единичные его сильные формы встречаются в текстах, напр. сильный претерит *ertwâlen* Kaiserchronik 2910. Следует отметить, что гораздо большей частотностью в ср.-в.-нем. обладает слабый каузативный дериват этого глагола, совпадающий с ним в инфинитиве. Начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол не встречается.

248. др.-в.-нем. *wahsan* ‘расти’, ср.-в.-нем. *wahsen*, р.-н.-в.-нем. *wachsen*, совр. нем. *wachsen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

249. др.-в.-нем. *walchan* ‘валять’, ср.-в.-нем. *walken*, р.-н.-в.-нем. *walken*, совр. нем. *walken*

В др.-в.-нем. фиксируется форма сильного причастия II: *giwalchenemo: concreto* Gl II,518,28. В ср.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение (различия в консонантизме между др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. объясняются неустойчивостью рефлексии прагерм. **lk* [Schirmunski 2010: 328]). Вариативность форм появляется у этого глагола только в р.-н.-в.-нем. период [DWB: XXVII, 1244–1245], а в современном немецком языке он изменяется по слабому спряжению.

250. др.-в.-нем. *wallan* ‘волноваться (о море)’, ср.-в.-нем. *wallen*, р.-н.-в.-нем. *wallen*, совр. нем. *wallen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: I, 797–800]. В ср.-в.-нем. встречаются только сильные формы. Глагол имеет вариативность форм в р.-н.-в.-нем.; последние сильные формы фиксируются в XVI веке [DWB: XXVII, 1269]. В современном немецком языке глагол изменяется по слабому спряжению.

251. др.-в.-нем. *waltan* ‘владеть, распоряжаться’, ср.-в.-нем. *walten*, р.-н.-в.-нем. *walten*, совр. нем. *walten*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: I, 805–815]. В ср.-в.-нем. встречаются только сильные формы. Глагол имеет вариативность форм в р.-н.-в.-нем.; слабые формы фиксируются начиная с XV века [DWB: XXVII, 1371]. В современном немецком языке глагол изменяется по слабому спряжению.

252. др.-в.-нем. *waskan* ‘мыть’, ср.-в.-нем. *waschen*, р.-н.-в.-нем. *waschen*, совр. нем. *waschen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

253. др.-в.-нем. *watan* ‘идти вброд’, ср.-в.-нем. *waten*, р.-н.-в.-нем. *waten*, совр. нем. *waten*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: I, 766]. В ср.-в.-нем. встречаются только сильные формы. Сильные формы сохраняются и на всем протяжении р.-н.-в.-нем. периода; слабый претерит появляется у этого глагола только в XVII веке, а слабое причастие II — даже позже. Однако в современном немецком языке этот глагол является полностью слабым и не обнаруживает никаких следов сильного спряжения.

Таким образом, следует признать его сильным для др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. периодов и слабым для современного немецкого языка.

254. др.-в.-нем. (*h*)*wāzan* ‘толкать; пахнуть’, ср.-в.-нем. *wāzen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 1087]. Глагол сохраняет сильное спряжение и в ср.-в.-нем. (гораздо чаще, чем беспривагочный вариант, используется глагол *verwâzen* ‘разлагаться’). Начиная с р.-н.-в.-нем. периода глагол не используется.

255. др.-в.-нем. *weban* ‘ткать’, ср.-в.-нем. *weben*, р.-н.-в.-нем. *weben*, совр. нем. *weben*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 644–649]. Глагол сохраняет сильное спряжение в ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем., однако в современном немецком языке находим вариативность спряжения. В DeReKo сильный претерит *wob* встречается 409 раз, а слабый претерит *webte* — 168 раз (71% ~ 29%); сильное причастие II *gewoben* встречается 861 раз, а слабое причастие II *gewebt* — 1279 раз (40% ~ 60%).

Таким образом, этот глагол следует считать сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и имеющим вариативность в современном немецком языке.

256. др.-в.-нем. *wegan* ‘двигать; весить’, ср.-в.-нем. *wegen*, р.-н.-в.-нем. *wegen*, совр. нем. *wegen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 654–658]. В ср.-в.-нем. и в р.-н.-в.-нем. период глагол также имеет сильное спряжение. В современном немецком языке обнаруживается вариативность форм, обусловленная семантическим и фонетическим (во всяком случае, в литературной норме, где различаются [e:] и [ɛ:]) расхождением: *bewegen* ‘двигать’ имеет слабое спряжение, *bewegen* ‘побуждать’ — сильное, а *wâgen* ‘весить’ может изменяться как по слабому, так и по сильному спряжению. Таким образом, этот глагол следует признать сильным в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. и р.-н.-в.-нем. и имеющим вариативность в современном немецком языке.

257. др.-в.-нем. *wehan* ‘сражаться’, ср.-в.-нем. *wehen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного причастия II [Seebold 1970: 545]. В ср.-в.-нем. глагол встречается крайне редко, что не позволяет надежно определить его спряжение [BMZ 1854–1866: IV, 650]. В более поздние эпохи глагол отсутствует.

258. др.-в.-нем. *wellan* ‘катить; мазать’, ср.-в.-нем. *wellen*, р.-н.-в.-нем. *wellen*

По всей вероятности, здесь представлены два исходно различных прагерманских глагола, плохо различимых в силу омонимии (см. подробнее [Seebold 1970: 553]). В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 790–791; Seebold 1970: 553]. В ср.-в.-нем. этот глагол имеет сильные формы, равно как и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhhd 1970–1988: IV, 483]. Однако в современном немецком языке этот глагол отсутствует (глагол *wellen* ‘делать волнистым’ имеет другое происхождение: это деноминатив от *Welle* ‘волна’).

259. др.-в.-нем. (*h*)*werban* ‘вертеться’, ср.-в.-нем. *werben*, р.-н.-в.-нем. *werben*,
совр. нем. *werben*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

260. др.-в.-нем. *werdan* ‘становиться’, ср.-в.-нем. *werden*, р.-н.-в.-нем. *werden*,
совр. нем. *werden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

261. др.-в.-нем. *werfan* ‘бросать’, ср.-в.-нем. *werfen*, р.-н.-в.-нем. *werfen*, совр. нем.
werfen

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

262. др.-в.-нем. *werran* ‘волновать’, ср.-в.-нем. *werren*, р.-н.-в.-нем. *werren*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 944–945]. В ср.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение. Глагол не демонстрирует признаков перехода в слабое спряжение и в р.-н.-в.-нем. [GdFnhhd 1970–1988: IV, 483], однако постепенно выходит из употребления, вытесняясь глаголом *wirren*. В современном немецком языке этот глагол отсутствует.

263. др.-в.-нем. *wetan* ‘соединять’, ср.-в.-нем. *weten*, р.-н.-в.-нем. *wetten*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита и сильного причастия II [Graff 1834–1846: I, 738–739]. В ср.-в.-нем. глагол сохраняет сильное спряжение. В р.-н.-в.-нем. глагол имеет вариативность форм [DWB: XXIX, 696–697]. В современном немецком языке он отсутствует (слабый глагол *wetten* ‘спорить, биться об заклад’ имеет другую этимологию).

264. др.-в.-нем. *wīhhan* ‘избегать’, ср.-в.-нем. *wīchen*, р.-н.-в.-нем. *weichen*, совр. нем. *weichen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

265. др.-в.-нем. *winnan* ‘трудиться’, ср.-в.-нем. *winnen*, р.-н.-в.-нем. *winnen*, совр. нем. *(ge)winnen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

266. др.-в.-нем. *wintan* ‘вить; вращать’, ср.-в.-нем. *winden*, р.-н.-в.-нем. *winden*, совр. нем. *winden*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

267. др.-в.-нем. *wīsan* ‘избегать’

В др.-в.-нем. фиксируется форма сильного претерита [Graff 1834–1846: I, 1065]. В ср.-в.-нем. свидетельствуется только лексикализованное причастие *entwisen* [Lexher 1872–1878: I, 600], что не позволяет говорить о существовании этого глагола в эту и более поздние эпохи.

268. др.-в.-нем. *-wīzan* 1 ‘идти’

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Seebold 1970: 549]. В ср.-в.-нем. и позднее этот глагол не встречается.

269. др.-в.-нем. *-wīzan* 2 ‘обвинять’, ср.-в.-нем. *wizen*, р.-н.-в.-нем. *weisen*, совр. нем. *(ver)weisen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка, хотя и имеет несколько нерегулярное фонетическое развитие с озвончением

[s] > [z], которое начало проявляться около 1500 года (подробнее см. [DWB XXV: 2192]).

270. др.-в.-нем. *wuofen*, *wuofan* ‘плакать’, ср.-в.-нем. *wuofen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: I, 780–783]. В ср.-в.-нем. глагол демонстрирует вариативность спряжения. В Belegarchiv des MWB находим один пример сильного претерита *weifen* König Rother 379 (sic! ассонансная рифма с *risen* позволяет предполагать, что это описка вместо *wiefen*) и многочисленные вхождения слабых форм *wuofte* в Speculum Ecclesiae. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке этот глагол не встречается.

271. др.-в.-нем. *zeman* ‘подобать’, ср.-в.-нем. *zemen*, р.-н.-в.-нем. *ziemen*, совр. нем. *ziemen*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: V, 661–668]. В ср.-в.-нем. глагол изменяется по сильному спряжению. В р.-н.-в.-нем. наблюдается вариативность форм: сперва слабое спряжение распространилось на причастие II, а затем — на претерит; сильные формы претерита у этого глагола фиксируются вплоть до XVI века [DWB: XXXI, 1101]. Современный немецкий глагол *ziemen* имеет слабое спряжение; он обобщил гласный 3 л. ед. ч. наст. вр. на все формы, что вполне естественно для безличного глагола.

272. др.-в.-нем. *zeisan* ‘ощипывать’, ср.-в.-нем. *zeisen*, р.-н.-в.-нем. *zeisen*, совр. нем. *zeisen*

В др.-в.-нем. фиксируется сильная форма претерита: *carpebant: ziasun* Gl I,274,25. В ср.-в.-нем. этот глагол имеет вариативность форм: в Belegarchiv des MWB находим одну сильную и одну слабую форму претерита, а также 6 слабых форм причастия II. В р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке этот глагол изменяется только по слабому спряжению.

273. др.-в.-нем. *zeran* ‘рвать’, ср.-в.-нем. *zern*, р.-н.-в.-нем. *zehren*, совр. нем. *zehren*

В др.-в.-нем. фиксируются формы сильного претерита [Graff 1834–1846: V, 691–695]. В ср.-в.-нем. глагол остается сильным, однако постепенно смешивается со своим каузативным дериватом *zern*, который изменяется по слабому спряжению.

В р.-н.-в.-нем. сильные формы от этого глагола уже не отмечаются. По слабому спряжению он изменяется и в современном немецком языке.

274. др.-в.-нем. *zīhan* ‘уличать’, ср.-в.-нем. *zīhen*, р.-н.-в.-нем. *zeihen*, совр. нем. *zeihen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

275. др.-в.-нем. *zīohan* ‘тянуть’, ср.-в.-нем. *ziehen*, р.-н.-в.-нем. *ziehen*, совр. нем. *ziehen*

Глагол сохраняет сильное спряжение на всем протяжении истории немецкого языка.

2.3. Выводы

В разделе 2.2 была представлена история 275 глагольных лексем, для которых есть большие или меньшие основания считать их сильными глаголами в др.-в.-нем. В отдельных случаях при определении статуса глаголов возникала проблема установления тождества лексических единиц, которая в каждом случае решалась индивидуально с учетом особенностей каждого конкретного глагола: как показал анализ, в большинстве случаев проблема тождества возникает как результат междиалектной интерференции.

Не для всех единиц, представленных в этом списке, нашлись достаточные подтверждения типа спряжения в др.-в.-нем., поэтому даже для этого периода число надежно свидетельствуемых сильных глаголов оказывается меньшим, чем 275; в более поздние периоды оно монотонно убывает. Количество единиц, сохранившихся в различные эпохи, представлено в табл. 2 с разбивкой по типам спряжения¹:

¹ Сокращения для типов спряжения: s — сильное спряжение (*strong*); w — слабое спряжение (*weak*); sw — вариативность в спряжении (*strong / weak*); здесь и далее мы используем для типов спряжения английские сокращения, а не немецкие или русские, поскольку они позволяют обойтись одной начальной буквой, а не двумя.

	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.
s	264	226	164	132
sw	3	10	38	12
w	0	12	17	46
Итого	267	248	219	190

Табл. 2: Количество сохранившихся др.-в.-нем. сильных глаголов в разные периоды истории немецкого языка с разбивкой по типам спряжения

Можно видеть, что происходит постепенное выпадение из немецкого языка лексем, изначально относившихся к сильному спряжению: в каждую следующую эпоху их становится в среднем на 10% меньше (267 → 248 → 219 → 190; точный показатель варьируется в пределах от 7% до 13%). Точно предсказать, какие именно лексеммы выпадают из языка, невозможно: очевидно, мы имеем дело со стохастическим процессом. Так, например, на пути от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. утратились следующие лексеммы:

brettan ‘выхватить, обнажить (меч)’, *briodan* ‘исчерпываться’, *drīzan* ‘испражняться’, *fehan* ‘радоваться’, *fezzan* ‘открываться (о двери); качаться’, *galan* ‘петь (о птице); говорить’, *gnītan* ‘тереть’, *queran* ‘жаловаться’, *linnan* ‘прекращаться’, *liohhan* ‘выщипывать’, *liotan* ‘расти, распространяться’, *snahhan* ‘скользить’, *snerahan* ‘витьяся’, *stredan* ‘бурлить’, *wīsan* ‘избегать’, *wīzan* I ‘идти’.

Видно, что эти глаголы не объединены ни какими-либо свойствами семантики, ни какими-либо формальными признаками.

Еще быстрее, чем утрата лексем, происходит утрата сохраняющимися в языке лексемами сильного спряжения: их с каждым периодом становится в среднем на 20% меньше (264 → 226 → 164 → 132; точный показатель варьируется в пределах от 14% до 27%). Эти данные хорошо отражают общее направление развития системы сильных глаголов в истории немецкого языка, однако для проверки теоретических предсказаний, изложенных в главе 1, необходим более подробный анализ материала, который будет проведен в главе 3.

Глава 3. Статистический анализ перехода сильных глаголов в слабое спряжение

3.1. Общие принципы анализа данных об истории сильных глаголов

Для установления общих закономерностей в динамике системы немецких сильных глаголов предполагается подвергнуть данные, собранные в разделе 2.2 статистическому анализу, поскольку, как было сказано выше, без анализа материала, полученного методом сплошной выборки, невозможно делать достоверные выводы причинно-следственного характера. Мы отвлекаемся от частных вопросов истории отдельных глаголов (многие из них подробно рассмотрены в работе [Theobald 1992]) и рассматриваем связь истории немецких сильных глаголов с их парадигматикой, а именно — с принадлежностью к группам сходных по чередованию глаголов; это обусловлено тем, что механизмы перехода сильных глаголов в слабые, подразумевают, что скорость перехода в слабое спряжение может зависеть от наличия больших рядов одинаково спрягаемых глаголов и от наличия чередований в основе, как было показано в главе 1. Однако для того, чтобы изучать эту зависимость, необходимо определиться с принципами классификации сильных глаголов, что и будет сделано в разделе 3.2.

3.2. Группы сильных глаголов в истории немецкого языка

Сильные глаголы в германистике традиционно подразделяются на 7 классов (рядов аблаута), которые выделяются для прагерманского языкового состояния (ср., напр., [СГГЯ 1962–1966: IV; Krahe, Meid 1969: II; Ершова 2000]). Хотя такое деление и соответствует прагерманским фактам, оно не вполне подходит для описания фактов отдельных языков-потомков (за исключением готского), поскольку в них произошло значительное количество комбинаторных фонетических изменений (перечень таких изменений можно найти, например, в работах [Krahe, Meid 1969: I; Ершова 1997]), приведших к расщеплению некоторых из старых рядов аблаута: особенно хорошо это заметно в древнеанглийском и в древнеисландском языке, несколько меньше — в древневерхненемецком и еще чуть меньше — в древнесаксонском.

Так, например, в древневерхненемецком языке дифтонг **ai* перешел в \bar{e} перед согласными *r*, *h* и *w* и в *ei* в остальных случаях, из чего следует, что I класс сильных глаголов, имевший **ai* в формах единственного числа претерита, расщепился на две группы: в одной группе в единственном числе претерита используется *ei*, а в другом — \bar{e} . Примером могут служить глаголы **rītan* ‘ехать верхом’ и **tīhan* ‘уличать’, которые в прагерманский период спрягались единообразно, а в древневерхненемецком языке — по-разному: первый в 1 и 3 л. ед. ч. претерита выглядит как *reit*, а второй — как *zēh*.

Система рядов аблаута претерпевала сильные изменения на пути от прагерманского к древневерхненемецкому, а при переходе от древневерхненемецкого к средневерхненемецкому она сохраняла относительную стабильность [Paul 2007: 249]. Но уже начиная с ранневерхненемецкого периода можно говорить о фактическом распаде старой системы рядов аблаута, поскольку количество исключений из нее начинает превышать количество правил: так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева заключают, что в результате процессов, происходивших в ранневерхненемецком языке, «от старой системы аблаута остались только не имеющие системного характера следы» [Зиндер, Строева 1968: 239; разрядка оригинала]. Аналогичное суждение о системном распаде сильных глаголов (*Systemverfall*) делает и Г. Аугст [Augst 1977]. Даже если делить современные немецкие сильные глаголы на классы, как это принято для более ранних периодов, количество классов превысит 30 (точные цифры разнятся в различных источниках: так, [Зиндер, Строева 1957: 42] выделяют 31 класс сильных глаголов, причем 13 классов включают в себя только один глагол, а в [Duden Grammatik 2004: 127] находим деление на 39 классов, из которых 16 представлены уникальными глаголами).

В литературе предлагается целый ряд аргументов в пользу того, что ряды аблаута в современном немецком языке уже не представляют собой психолингвистической реальности¹:

- 1) участники экспериментов с вымышленными глаголами спрягают их только по слабому спряжению: так, например, в работе [Markus et al. 1995: 218] такой эффект описан для вымышленных глаголов *faben, rilken, tuden, teinten, quossen* и *wauden*;
- 2) при исследовании ошибок в текстах отмечается, что сильные глаголы спрягаются по образцу слабых чаще, чем наоборот;
- 3) у людей с афатическими расстройствами речи формобразование сильных глаголов повреждено больше, чем формобразование слабых глаголов (что объяснимо, только если сильные глаголы и их формы хранятся в памяти как отдельные единицы, а не образуются по правилам);
- 4) при изучении немецкого языка как иностранного слабые глаголы усваиваются раньше, чем сильные;
- 5) формы сильных глаголов, образованные по слабому спряжению, оцениваются говорящими как более приемлемые, чем формы слабых глаголов, образованные по сильному спряжению;
- б) все новые глаголы получают слабое, а не сильное спряжение.

[Theobald 1992: 40]

Поскольку парадигматика сильных глаголов в ранненововерхненемецком более напоминает современную, чем древнюю, можно сделать предположение, что ряды аблаута были неактуальны для языковой системы уже тогда (хотя, конечно, подтвердить это с помощью психолингвистических аргументов невозможно); в то же время для древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периода отказ от рядов аблаута был бы неоправданным, хотя, как сказано выше, классификация должна включать в себя не 7 классов, а большее количество групп.

¹ Мы ограничиваемся только перечислением этих аргументов; их подробный обзор со ссылками на релевантные исследования приводится в работах [Theobald 1992: 40, Wurzel 1984: 72–73].

Далее приводится полный перечень изменений в системе классов сильных глаголов, который позволит понять, как далеко зашло расщепление рядов аблаута, и предложить систему групп, адекватно подходящую для описания парадигматики древне- и средневерхненемецких сильных глаголов. Подобные классификации, подходящие для описания синхронных срезов различных древнегерманских языков, встречаются в литературе (ср., напр. [Rauch 1992] для древнесаксонского и [Nedoma 2010] для древнеисландского), однако в важнейших грамматиках древне- и средневерхненемецкого языка ([Braune, Reiffenstein 2004; Paul 2007; Mettke 1983; de Boor, Wisniewski 2002; и т. д.]) основным является именно деление на 7 классов, основанное на диахронических принципах, но не вполне подходящее для синхронного описания этих языковых состояний.

Для прагерманского языкового состояния ряд аблаута определяется набором из 4 гласных (основа инфинитива и настоящего времени, основа единственного числа претерита, основа множественного числа претерита и основа причастия II); для древневерхненемецкого языка, взятого как синхронный срез, принадлежность глагола к группе определяется набором из 5 гласных (к четырем прагерманским основам добавляется основа 2–3 л. ед. ч. наст. вр., которая в некоторых случаях стала отличаться от основы инфинитива и остальных форм настоящего времени вследствие умлаута или повышения *e* перед *i*), а для средневерхненемецкого языка — набором из 6 гласных (к пяти древневерхненемецким основам добавляется основа 2 л. ед. ч. изъявительного наклонения претерита и всех лично-числовых форм сослагательного наклонения претерита, которая в большинстве случаев стала отличаться от основы множественного числа претерита вследствие умлаута). Соответственно, в таблицах форм, приводимых ниже, для каждого глагола указывается 6 форм: (1) инфинитив; (2) 3 л. ед. ч. наст. вр.; (3) 1 / 3 л. ед. ч. изъявительного наклонения претерита; (4) 3 л. мн. ч. изъявительного наклонения претерита; (5) 3 л. ед. ч. сослагательного наклонения претерита; (6) причастие II. При перечислении форм в строчку базовые формы (1, 3, 4 и 6), представленные еще в прагерманском, разделяются при помощи тире, а более новые формы (2, 5), возникшие уже в древне- и средневерхненемецком, отделяются от той формы, от

которой они были образованы, при помощи запятой. Мы не приводим ранненововерхненемецкие и современные немецкие парадигматические группы, поскольку, как было сказано выше, в на этих стадиях расщепление старых аблаутных классов зашло настолько далеко, что чередование по аблауту во многом утратило свой системный характер.

КЛАСС I

Прагерманское чередование: $\bar{i} — ai — i — i$

В древневерхненемецком языке $*ai$ переходит в \bar{e} перед r , h и w и в ei в остальных позициях, из чего следует, что в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. формируются две парадигматические группы на месте старого класса I:

ГРУППА IA: др.-в.-нем. \bar{i} , $\bar{i} — ei — i — i$; ср.-в.-нем. \bar{i} , $\bar{i} — ei — i, i — i$

др.-в.-нем. $r\bar{i}tan$, ср.-в.-нем. $r\hat{i}ten$ ‘ехать верхом’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	$*r\bar{i}tan$	$*r\bar{i}ti\delta$	$*rait$	$*ritun$	$*rit\bar{i}$	$*(ga)ritan-$
др.-в.-нем.	$r\bar{i}tan$	$r\bar{i}tit$	$reit$	$ritun$	$riti$	$giritan$
ср.-в.-нем.	$r\hat{i}ten$	$r\hat{i}tet$	$reit$	$riten$	$rite$	$geriten$

ГРУППА IB: др.-в.-нем. \bar{i} , $\bar{i} — \bar{e} — i — i$; ср.-в.-нем. \hat{i} , $\hat{i} — \hat{e} — i, i — i$

др.-в.-нем. $z\bar{i}han$, ср.-в.-нем. $z\hat{i}hen$ ‘уличать’

прагерм.	$*\bar{i}han$	$*\bar{i}hi\delta$	$*taih$	$*tigun$	$*tig\bar{i}$	$*(ga)tigan-$
др.-в.-нем.	$z\bar{i}han$	$z\bar{i}hit$	$z\bar{e}h$	$zigun$	$zigi$	$gizigan$
ср.-в.-нем.	$z\hat{i}hen$	$z\hat{i}het$	$z\hat{e}ch$	$zigen$	$zige$	$gizigen$

КЛАСС II

Прагерманское чередование: $eu — au — u — u$

В древневерхненемецком языке $*au$ переходит в \bar{o} перед h и зубными согласными и в ou в остальных позициях, из чего следует, что в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. формируются по крайней мере две парадигматические группы на месте старого класса II. Более того, весьма непрост и вопрос о рефлексации $*eu$ в др.-в.-

нем.: во франкских диалектах этот дифтонг перешел в *io* перед *a*, *e*, *o* следующего слога и в *iu* в остальных случаях; в южнонемецких диалектах условия перехода в *io* более строгие: необходимо не только наличие *a*, *e* или *o* в следующем слоге, но и наличие зубного согласного или *h* после дифтонга [Braune, Reiffenstein 2004: 47]. Соответственно, в южнонемецких диалектах глаголы, в которых после дифтонга следует губной или заднеязычный согласный, будут отличаться вокализмом 1-й основы от глаголов с переднеязычным согласным или *h*. Как бы то ни было, набор условий в этом случае такой же, что и в основе ед. ч. претерита, из чего следует, что два этих изменения ведут к формированию только двух групп на месте старого класса II.

ГРУППА IIa: др.-в.-нем. *io* (ю.-нем. *iu*), *iu* — *ou* — *u* — *o*; ср.-в.-нем. *ie*, *iu* — *ou* — *u*, *ï* — *o*

др.-в.-нем. *biogan*, ср.-в.-нем. *biegen* ‘гнуть’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>beugan</i>	* <i>beugið</i>	* <i>baug</i>	* <i>bugun</i>	* <i>bugī</i>	*(<i>ga</i>) <i>bugan-</i>
др.-в.-нем.	<i>biogan</i>	<i>biugit</i>	<i>boug</i>	<i>bugun</i>	<i>bugi</i>	<i>gibogan</i>
ср.-в.-нем.	<i>biegen</i>	<i>biuget</i>	<i>bouc</i>	<i>bugen</i>	<i>büge</i>	<i>gebogen</i>

ГРУППА IIb: др.-в.-нем. *io*, *iu* — *ō* — *u* — *o*; ср.-в.-нем. *ie*, *iu* — *ô* — *u*, *ï* — *o*

др.-в.-нем. *biotan*, ср.-в.-нем. *bieten* ‘предлагать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>beuðan</i>	* <i>beuðið</i>	* <i>bauð</i>	* <i>buðun</i>	* <i>buðī</i>	*(<i>ga</i>) <i>buðan-</i>
др.-в.-нем.	<i>biotan</i>	<i>biutit</i>	<i>bōt</i>	<i>butun</i>	<i>buti</i>	<i>gibotan</i>
ср.-в.-нем.	<i>bieten</i>	<i>biutet</i>	<i>bôt</i>	<i>buten</i>	<i>büte</i>	<i>gebotten</i>

Отдельную разновидность класса II составляют так называемые аористо-презентные глаголы с огласовкой *ī* в настоящем времени; все такие глаголы за исключением глагола (*h*)*rūzan* [Riecke 1996: 153, Braune, Reiffenstein 2004: 279–280] относятся к группе без дифтонгизации:

ГРУППА ПА-АОР: др.-в.-нем. $\bar{u}, \bar{u} — ou — u — o$; ср.-в.-нем. $\hat{u}, iu — ou — u, \ddot{u} — o$

др.-в.-нем. *sūfan*, ср.-в.-нем. *sūfen* ‘хлебать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>sūpan</i>	* <i>sūpið</i>	* <i>saup</i>	* <i>supun</i>	* <i>supī</i>	*(<i>ga</i>) <i>supan-</i>
др.-в.-нем.	<i>sūfan</i>	<i>sūfit</i>	<i>souf</i>	<i>suffun</i>	<i>suffi</i>	<i>gisoffan</i>
ср.-в.-нем.	<i>sūfen</i>	<i>siufet</i>	<i>souf</i>	<i>sufen</i>	<i>süfe</i>	<i>gesofen</i>

ГРУППА ПВ-АОР: др.-в.-нем. $\bar{u}, \bar{u} — \bar{o} — u — o$

др.-в.-нем. (*h*)*rūzan* ‘храпеть’ (в ср.-в.-нем. данный глагол не относится к сильному спряжению)

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>hrūtan</i>	* <i>hrūtið</i>	* <i>hraut</i>	* <i>hrutun</i>	* <i>hrutī</i>	*(<i>ga</i>) <i>hrutan-</i>
др.-в.-нем.	<i>rūzan</i>	<i>rūzit</i>	<i>rōz</i>	<i>ruzzun</i>	<i>ruzzi</i>	<i>girozzan</i>

КЛАСС III

Прагерманское чередование: $e — a — u — u$

Поскольку в этом классе чередующийся элемент предшествует сочетанию согласных, начинающихся с сонорного, он распался на два типа еще в общегерманский период, так как перед сочетаниями вида «носовой + согласный» произошел переход $e > i$, а перед сочетаниями вида «плавный + согласный» — нет. Таким образом, в древневерхненемецком и средневерхненемецком имеется две группы на месте старого класса III.

ГРУППА IIIА: др.-в.-нем. $i, i — a — u — u$; ср.-в.-нем. $i, i — a — u, \ddot{u} — u$

др.-в.-нем. *bintan*, ср.-в.-нем. *binden* ‘связывать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>bindan</i>	* <i>bindið</i>	* <i>band</i>	* <i>bundun</i>	* <i>bundī</i>	*(<i>ga</i>) <i>bundan-</i>

др.-в.-нем.	<i>bintan</i>	<i>bintit</i>	<i>bant</i>	<i>buntun</i>	<i>bunti</i>	<i>gibuntan</i>
ср.-в.-нем.	<i>binden</i>	<i>bindet</i>	<i>bant</i>	<i>bunden</i>	<i>bünde</i>	<i>gebunden</i>

ГРУППА IIIВ: др.-в.-нем. *e, i* — *a* — *u* — *o*; ср.-в.-нем. *e, i* — *a* — *u, ü* — *o*
др.-в.-нем. *helfan*, ср.-в.-нем. *helfen* ‘помогать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>helpan</i>	* <i>helpið</i>	* <i>halp</i>	* <i>hulpun</i>	* <i>hulpī</i>	* <i>(ga)hulpan-</i>
др.-в.-нем.	<i>helfan</i>	<i>hilfit</i>	<i>half</i>	<i>hulfun</i>	<i>hulfi</i>	<i>giholfan</i>
ср.-в.-нем.	<i>helfen</i>	<i>hilfet</i>	<i>half</i>	<i>hulfen</i>	<i>hülfe</i>	<i>geholfen</i>

КЛАСС IV

Прагерманское чередование: *e* — *a* — *ē* — *u*

Этот класс не претерпел расщепления на пути от прагерманского языкового состояния к древне- и средневерхненемецкому языку.

ГРУППА IV: др.-в.-нем. *e, i* — *a* — *ā* — *o*; ср.-в.-нем. *e, i* — *a* — *â, æ* — *o*
др.-в.-нем. *neman*, ср.-в.-нем. *nemen* ‘брат’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>neman</i>	* <i>nemið</i>	* <i>nam</i>	* <i>nēmun</i>	* <i>nēmī</i>	* <i>(ga)numan-</i>
др.-в.-нем.	<i>neman</i>	<i>nimit</i>	<i>nam</i>	<i>nāmun</i>	<i>nāmi</i>	<i>ginoman</i>
ср.-в.-нем.	<i>nemen</i>	<i>nimet</i>	<i>nam</i>	<i>nāmen</i>	<i>næme</i>	<i>genomen</i>

Особое положение в этом классе занимает глагол *queman*: в др.-в.-нем. он имеет нерегулярную форму причастия II *queman* вместо ожидаемого **quoman*, **koman*; формы с огласовкой *o* появляются только у Ноткера; однако начиная с поздневерхненемецкого периода он приобретает нерегулярность в презенсе: вместо *queman* начинает преобладать форма *koman*; в претерите в баварском диалекте XI века появляются формы *kom*, *kōmen*, которые употребительны и в ср.-в.-нем. эпоху [Braune & Reiffenstein 2004: 283].

КЛАСС V

Прагерманское чередование: $e — a — \bar{e} — e$

Некоторые глаголы, относившиеся к этому классу, имели j после корня в формах от 1-й основы. Соответственно, это привело к появлению двух типов вокализма в глаголах этого класса, поскольку j вызывал повышение корневого $e > i$.

ГРУППА VDEF¹: др.-в.-нем. $e, i — a — \bar{a} — e$; ср.-в.-нем. $e, i — a — \hat{a}, \ae — e$
др.-в.-нем. *geban*, ср.-в.-нем. *geben* ‘давать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>geban</i>	* <i>gebīð</i>	* <i>gaþ</i>	* <i>gēbun</i>	* <i>gēbī</i>	*(<i>ga</i>) <i>geban-</i>
др.-в.-нем.	<i>geban</i>	<i>gibit</i>	<i>gab</i>	<i>gābun</i>	<i>gābi</i>	<i>gigeban</i>
ср.-в.-нем.	<i>geben</i>	<i>gibet</i>	<i>gap</i>	<i>gāben</i>	<i>gæbe</i>	<i>gegeben</i>

ГРУППА VJ: др.-в.-нем. $i, i — a — \bar{a} — e$; ср.-в.-нем. $i, i — a — \hat{a}, \ae — e$
др.-в.-нем. *bitten*, ср.-в.-нем. *bitten* ‘просить’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>beðjan</i>	* <i>beðið</i>	* <i>bað</i>	* <i>bēðun</i>	* <i>bēði</i>	*(<i>ga</i>) <i>beðan-</i>
др.-в.-нем.	<i>bitten</i>	<i>bittit</i>	<i>bat</i>	<i>bātun</i>	<i>bāti</i>	<i>gibetan</i>
ср.-в.-нем.	<i>bitten</i>	<i>bittet</i>	<i>bat</i>	<i>bâten</i>	<i>bæte</i>	<i>gebeten</i>

КЛАСС VI

Прагерманское чередование: $a — \bar{o} — \bar{o} — a$

Как и в классе V, некоторые глаголы, относившиеся к этому классу, имели j после корня в формах от 1-й основы. Это привело к появлению двух типов чередования в глаголах этого класса, поскольку j вызывал умлаут корневого $a > e$.

¹ Для группы, которая соответствует основному варианту старого класса, мы используем сокращение DEF от английского *default* ‘по умолчанию’.

ГРУППА VIDEF: др.-в.-нем. *a, e — uo — uo — a*; ср.-в.-нем. *a, e — uo — uo, üe — a*

др.-в.-нем. *graban*, ср.-в.-нем. *graben* ‘рыть’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>graban</i>	* <i>grabið</i>	* <i>grōb</i>	* <i>grōbun</i>	* <i>grōbī</i>	*(<i>ga</i>) <i>graban-</i>
др.-в.-нем.	<i>graban</i>	<i>grebit</i>	<i>gruob</i>	<i>gruobun</i>	<i>gruobi</i>	<i>gigraban</i>
ср.-в.-нем.	<i>graben</i>	<i>grebet</i>	<i>group</i>	<i>gruoben</i>	<i>grüebe</i>	<i>gegraben</i>

ГРУППА VII: др.-в.-нем. *e, e — uo — uo — a*; ср.-в.-нем. *e, e — uo — uo, üe — a*

др.-в.-нем. *swerren* ‘клясться’, ср.-в.-нем. *sweren* ‘поднимать’

	1	2	3	4	5	6
прагерм.	* <i>swarjan</i>	* <i>swarið</i>	* <i>swōr</i>	* <i>swōrun</i>	* <i>swōrī</i>	*(<i>ga</i>) <i>swaran-</i>
др.-в.-нем.	<i>swerren</i>	<i>swerit</i>	<i>swuor</i>	<i>swuorun</i>	<i>swuori</i>	<i>giswaran</i>
ср.-в.-нем.	<i>swern</i>	<i>sweret</i>	<i>swuor</i>	<i>swuoren</i>	<i>swüere</i>	<i>geswarn</i>

КЛАСС VII

В этот класс входили глаголы, образовывавшие прошедшее время в прагерманском при помощи редупликации, которая сохранились в готском языке [Гухман 1958; Braune & Heidermanns 2004]:

гот. *haitan* ‘называть(ся)’

	1	2	3	4	5	6
гот.	<i>haitan</i>	<i>haitip</i>	<i>haihait</i>	<i>haihaitun</i>	<i>haihaiti*</i>	<i>haitans</i>

В готском языке этот класс сохранял свою гомогенность и выделимость за счет использования редупликации: более того, в готском языке это самый многочисленный из семи классов сильных глаголов. Подсчет, выполненный по электронной базе <http://www.wulfila.be/gothic>, показывает, что в готском языке засвидетельствовано 86 лексем VII класса; на втором месте — III класс с 82 лексемами, а на третьем месте — V класс с 60 лексемами (приставочные глаголы при этом подсчете учитывались нами отдельно).

Однако в северо- и западногерманских языках редупликация была устранена: от нее остались лишь незначительные реликты [СГГЯ 1962–1966: IV, 329–330]. Существует противоположное мнение, что формы VII класса без редупликации восходят к индоевропейским нередуплицированным формам прошедших времен (ср., напр., [Brugmann 1895]), однако этому противоречит наличие реликтов редупликации у некоторых западно- и северогерманских глаголов [Braune, Reiffenstein 2004: 288]. В др.-в.-нем. след редупликации проявляется в формах претерита, которые имеют в своем составе *-r-*, занимающее положение инфикса: предполагается, что это *-r-* восходит к $*s > *z$ (по закону Вернера), которое распространилось по аналогии из глаголов с начальным *s* [Vennemann 1994; Vennemann 1997]. В др.-в.-нем. фиксируются формы редуплицирующего претерита от четырех глаголов: *bluozan* ‘приносить жертвы; чтить’ — 3 л. мн. ч. прет. *pleruzzun*, 3 л. ед. ч. сосл. накл. прет. *capleruzzi*; *skrōtan* ‘измельчать’ — 3 л. ед. ч. прет. *kiscrerot*; *stōzan* ‘толкать’ — 3 л. ед. ч. прет. *steroz*, 3 л. мн. ч. прет. *sterozun* и др.; $*būan$ ‘жить’ — 3 л. мн. ч. прет. *biruun*, 2 л. ед. ч. сосл. накл. прет. *biruuis*¹. Впрочем, эти формы являются лишь реликтами, поскольку от глаголов *skrōtan* и *stōzan* преобладают нередуплицированные формы, от глагола *bluozan* нередуплицированных форм претерита в др.-в.-нем. не засвидетельствовано, но в ср.-в.-нем. он переходит в слабое спряжение, а глагол $*būan$ * не является сильным уже в др.-в.-нем. и изменяется по 1-му классу слабых глаголов.

Вместо редупликации глаголы данного класса стали образовывать прошедшее время с помощью гласного $*ē_2$ или дифтонга $*eu$. Соответственно, для древневерхненемецкого языка уже нельзя говорить о едином VII классе, поскольку мы имеем не единообразную модель с сохранением корневого гласного и редупликацией, а рефлексy $*ē_2$ и $*eu$, которые вступают в парадигматические отношения с различными корневыми гласными презентной основы. В глаголах старого VII класса может быть шесть различных корневых гласных, при этом

¹ Глагол $*būan$ не включен в перечень др.-в.-нем. сильных глаголов в главе 2, поскольку приводимые формы с реликтами редупликации — единственное указание на его сильное спряжение в др.-в.-нем.; они встречаются только у Отфрида, и этого явно недостаточно для постулирования сильного глагола.

глаголы с лабиализованными гласными образуют прошедшее время с помощью рефлексов дифтонга **eu*, а глаголы с нелабиализованными гласными — с помощью рефлексов **ē₂*; кроме этого, следует упомянуть *j*-презентный глагол VII класса **arjan* ‘пахать’, который имеет уникальную схему чередования. Все это дает основания выделять на месте старого VII класса семь групп сильных глаголов в зависимости от корневого гласного в основе инфинитива. Фактически, мы возвращаемся к модели Я. Гримма [Grimm 1822: 837], который выделял на месте нынешнего седьмого класса 6 подклассов (правда, он больше ориентировался на готский язык, чем на древневерхненемецкий, из-за чего эти 6 подклассов не совпадают с нашими: он выделяет только четыре типа корневых гласных, а еще два ряда — это редулицирующие глаголы с аблаутом типа гот. *letan* ‘позволять’ — *lailot* ‘он позволил’).

Далее приводятся примеры семи групп, возникших в древневерхненемецком языке на месте старого VII класса. Поскольку прагерманская модель образования форм претерита подверглась коренной перестройке, прагерманские реконструкции в таблицах не приводятся.

ГРУППА VIIa: др.-в.-нем. *a, e* — *ia* — *ia* — *a*; ср.-в.-нем. *a, e* — *ie* — *ie, ie* — *a*
др.-в.-нем. *haltan*, ср.-в.-нем. *halten* ‘держать’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>haltan</i>	<i>heltit</i>	<i>hialt</i>	<i>hialtun</i>	<i>hialti</i>	<i>gihaltan</i>
ср.-в.-нем.	<i>halten</i>	<i>heltet</i>	<i>hielt</i>	<i>hielten</i>	<i>hielte</i>	<i>gehalten</i>

ГРУППА VIIā: др.-в.-нем. *ā, ā* — *ia* — *ia* — *ā*; ср.-в.-нем. *â, æ* — *ie* — *ie, ie* — *â*

др.-в.-нем. *slāfan*, ср.-в.-нем. *slâfen* ‘спать’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>slāfan</i>	<i>slāfit</i>	<i>sliaf</i>	<i>sliafun</i>	<i>sliafi</i>	<i>gislāfan</i>
ср.-в.-нем.	<i>slâfen</i>	<i>slæfet</i>	<i>sliief</i>	<i>sliiefen</i>	<i>sliiefe</i>	<i>geslâfen</i>

ГРУППА VIIЕ: др.-в.-нем. *e, e — ia — ia — a*; ср.-в.-нем. *e, e — ie — ie, ie — a*

К этой группе относится уникальный *j*-презентный глагол VII класса с корневым **a*: др.-в.-нем. *erren*, ср.-в.-нем. *ern* ‘пахать’. Его классная принадлежность спорна (см. о ней подробнее в разделе 2.2); можно было бы также отнести его к группе VII или назвать его исключением, однако мы придерживаемся трактовки, принятой в [Braune & Reiffenstein 2004: 289]:

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>erren</i>	<i>erit</i>	<i>iar</i>	<i>iarun</i>	<i>iari</i>	<i>giaran</i>
ср.-в.-нем.	<i>ern</i>	<i>eret</i>	<i>ier</i>	<i>ieren</i>	<i>iere</i>	<i>gearn</i>

ГРУППА VIIЕI: др.-в.-нем. *ei, ei — ia — ia — ei*; ср.-в.-нем. *ei, ei — ie — ie, ie — ei*

др.-в.-нем. *heizan*, ср.-в.-нем. *heizen* ‘называть(ся)’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>heizan</i>	<i>heizit</i>	<i>hiaz</i>	<i>hiazun</i>	<i>hiazī</i>	<i>giheizan</i>
ср.-в.-нем.	<i>heizen</i>	<i>heizet</i>	<i>hiez</i>	<i>hiezen</i>	<i>hieze</i>	<i>geheizen</i>

ГРУППА VIIÖ: др.-в.-нем. *ō, ō — io — io — ō*; ср.-в.-нем. *ô, œ — ie — ie, ie — ô*

др.-в.-нем. *stōzan*, ср.-в.-нем. *stōzen* ‘толкать’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>stōzan</i>	<i>stōzit</i>	<i>stioz</i>	<i>stiozun</i>	<i>stiozi</i>	<i>gistōzan</i>
ср.-в.-нем.	<i>stōzen</i>	<i>stæzet</i>	<i>stiez</i>	<i>stiezen</i>	<i>stieze</i>	<i>gestōzen</i>

ГРУППА VIIOU: др.-в.-нем. *ou, ou — io — io — ou*; ср.-в.-нем. *ou, öu — ie — ie, ie — ou*

др.-в.-нем. *loufan*, ср.-в.-нем. *loufen* ‘бежать’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>loufan</i>	<i>loufit</i>	<i>liof</i>	<i>liofun</i>	<i>liofi</i>	<i>giloufan</i>
ср.-в.-нем.	<i>loufen</i>	<i>löufet</i>	<i>lief</i>	<i>liefen</i>	<i>liefe</i>	<i>geloufen</i>

ГРУППА VIIUO: др.-в.-нем. *uo, uo* — *io* — *io* — *uo*; ср.-в.-нем. *uo, üe (uo)* — *ie* — *ie, ie* — *uo*

др.-в.-нем. *ruofan*, ср.-в.-нем. *ruofen* ‘кричать, звать’

	1	2	3	4	5	6
др.-в.-нем.	<i>ruofan</i>	<i>ruofit</i>	<i>riof</i>	<i>riofun</i>	<i>riofi</i>	<i>giruofan</i>
ср.-в.-нем.	<i>ruofen</i>	<i>rüefet</i>	<i>rief</i>	<i>riefen</i>	<i>riefe</i>	<i>geruofen</i>
		(<i>ruofet</i>)				

Таким образом, для древневерхненемецкого синхронного среза и для средневерхненемецкого синхронного среза можно постулировать систему не с 7 классами, а с $2 + 4 + 2 + 1 + 2 + 2 + 7 = 20$ группами сильных глаголов (IA, IB, IIa, IIb, IIa-AOR, IIb-AOR, IIIa, IIIb, IV, VDEF, VI, VIDEF, VII, VIIa, VIIā, VIIe, VIIei, VIIō, VIIou, VIIuo). Кроме того, имеется незначительное число глаголов-исключений, которые не вписываются в эту схему, напр. глагол *ezzan* ‘есть’ (и производный от него *f(i)rezzan* ‘жрать’), который отличается от остальных глаголов группы VDEF наличием долгого гласного *ā* в единственном числе претерита (*er āz*, а не **āz*) и т. д. С учетом этого каждый глагол в сводной таблице в разделе 3.3 снабжается пометой по обоснованной выше схеме, включающей в себя 20 групп.

3.3. Сводная таблица данных об истории сильных глаголов

Сводная таблица содержит в унифицированной форме данные по всем глаголам, представленным в главе 2. Для каждого глагола указывается:

1) номер в разделе 2.2;

2) начальная форма в др.-в.-нем.;

3–6) тип спряжения в др.-в.-нем., в ср.-в.-нем., в р.-н.-в.-нем. и в современном немецком языке; каждая клетка таблицы может быть заполнена одним из пяти способов:

s: сильное спряжение (*strong*);

w: слабое спряжение (*weak*);

sw: вариативность в спряжении;

NA: тип спряжения надежно не определяется;

—: глагол отсутствует в данную эпоху;

7–9) сдвиг спряжения в сторону слабого типа при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем., от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. и от р.-н.-в.-нем. к современному немецкому языку; под сдвигом подразумевается переход от s к w, от s к sw или от sw к w. Наличие сдвига обозначается стрелочкой (→), а его отсутствие — нулем (∅);

10) группа глагола; в случае, если группа может быть вариативной (напр., *skepfen* / *skaffan* VIJ или VIDEF, *klenan* IV или VDEF), выбирается помета, соответствующая более распространенной форме.

1 №	2 Глагол	3 Ahd.	4 Mhd.	5 Fnhd.	6 Nhd.	7 A > M	8 M > FN	9 FN > N	10 Группа
1	<i>bahhan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	VIDEF
2	<i>bāgan</i>	sw	sw	—	—	∅	NA	NA	VIIĀ
3	<i>bannan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VIIA
4	<i>belgan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IIIb
5	<i>bellan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IIIb
6	<i>beran</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	IV
7	<i>bergan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIb
8	<i>bintan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
9	<i>biogan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIA
10	<i>biotan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIb
11	<i>bītan</i>	s	sw	w	—	→	→	NA	IA
12	<i>bitten</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VJ
13	<i>bīzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
14	<i>blantan</i>	s	s	w	w	∅	→	∅	VIIA
15	<i>blāsan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VIIĀ
16	<i>blīhhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
17	<i>bliuwan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IIA
18	<i>bluozan</i>	s	w	—	—	→	NA	NA	VIIUO

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
19	<i>bōzan</i>	NA	sw	—	—	NA	NA	NA	VII \bar{O}
20	<i>brātan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII \bar{A}
21	<i>brehhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
22	<i>breman</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IV
23	<i>brestan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
24	<i>brettan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IV
25	<i>brinnan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IV
26	<i>briodan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	II \bar{B}
27	<i>brūhhan</i>	s	w	w	w	→	∅	∅	IIA-AOR
28	<i>dīhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IB
29	<i>dinsan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	III \bar{A}
30	<i>diozan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	II \bar{B}
31	<i>dreskan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
32	<i>dringan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{A}
33	<i>driozan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II \bar{B}
34	<i>drīzan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IA
35	<i>dwahan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	VI \bar{D} EF
36	<i>dweran</i>	s	s	—	s	∅	NA	NA	IV
37	<i>dwingan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{A}
38	<i>erren</i>	s	sw	w	w	→	→	∅	VII \bar{E}
39	<i>eihhan</i>	s	w	—	—	→	NA	NA	VII \bar{E} I
40	<i>ezzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	УНИК
41	<i>fāhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII \bar{A}
42	<i>faldan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VII \bar{A}
43	<i>fallan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII \bar{A}
44	<i>faran</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VI \bar{D} EF
45	<i>fehan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	V \bar{D} EF
46	<i>fehtan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
47	<i>felahan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III _B
48	<i>fezzan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	VDEF
49	<i>findan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III _A
50	<i>flehtan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
51	<i>fliogan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _A
52	<i>fliohan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _A
53	<i>fliozan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _B
54	<i>flīzan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IA
55	<i>fluohhan</i>	s	w	w	w	→	∅	∅	VII _{UO}
56	<i>fnehan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	VDEF
57	<i>friosan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _B
58	<i>galan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	VI _{DEF}
59	<i>geban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VDEF
60	<i>gellan</i>	s	s	NA	w	∅	NA	NA	III _B
61	<i>geltan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III _B
62	<i>gesan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VDEF
63	<i>gezzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VDEF
64	<i>ginnan</i>	sw	sw	sw	s	∅	∅	∅	III _A
65	<i>giozan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _B
66	<i>glīzan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IA
67	<i>gnagan</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	VI _{DEF}
68	<i>gnītan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IA
69	<i>graban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VI _{DEF}
70	<i>grīfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
71	<i>grīnan</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	IA
72	<i>hāhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII _Ā
73	<i>haltan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII _A
74	<i>heffen</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VI _I

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
75	<i>heizan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII EI
76	<i>helan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IV
77	<i>helfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III B
78	<i>hellan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	III B
79	<i>hinkan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	III A
80	<i>houwwan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	VII OU
81	<i>jehan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	V DEF
82	<i>jetan</i>	s	sw	sw	w	→	∅	→	V DEF
83	<i>kerran</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	III B
84	<i>kīnan</i>	NA	NA	—	—	NA	NA	NA	(IA)
85	<i>kiosan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IA
86	<i>kiuwan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	II A
87	<i>klenan</i>	s	w	—	—	→	NA	NA	V DEF
88	<i>klīban</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IA
89	<i>klimban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III A
90	<i>klingan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III A
91	<i>klioban</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	II A
92	<i>knetan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	V DEF
93	<i>kresan</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	V DEF
94	<i>krimman</i>	s	s	NA	—	∅	NA	NA	III A
95	<i>krimpfan</i>	NA	s	—	—	NA	NA	NA	III A
96	<i>kriochan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II A
97	<i>quedan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	V DEF
98	<i>quelan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IV
99	<i>quellan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III B
100	<i>queman</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	УНИК
101	<i>queran</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IV
102	<i>(h)ladan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VI DEF

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
103	<i>laffan</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	V _{DEF}
104	<i>lahan</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	V _{DEF}
105	<i>(h)lahhen</i>	s	w	w	w	→	∅	∅	VI _J
106	<i>lāzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII _A
107	<i>lehhan</i>	s	w	—	—	→	NA	NA	V _{DEF}
108	<i>lesan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	V _{DEF}
109	<i>leskan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
110	<i>līban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
111	<i>līdan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
112	<i>liggen</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	V _J
113	<i>līhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IB
114	<i>(h)limman</i>	NA	s	—	—	NA	NA	NA	III _A
115	<i>limpfan</i>	s	NA	NA	—	NA	NA	NA	III _A
116	<i>lingan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III _A
117	<i>linnan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	III _A
118	<i>liogan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _A
119	<i>liohhan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	II _A
120	<i>liosan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II _A
121	<i>liotan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	II _B
122	<i>(h)liozan</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	II _B
123	<i>(h)loufan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII _{OU}
124	<i>lūhhan</i>	s	sw	—	—	→	NA	NA	II _A -AOR
125	<i>malan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	V _{DEF}
126	<i>melchan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	III _B
127	<i>meizzan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	VII _{EI}
128	<i>mezzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	V _{DEF}
129	<i>mīdan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
130	<i>neman</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
131	<i>nesan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VDEF
132	<i>(h)nīgan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IA
133	<i>(h)niosan</i>	NA	s	w	w	NA	→	∅	IIb
134	<i>niozan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIb
135	<i>niuwan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IIa
136	<i>ouhhan</i>	NA	w	—	—	NA	NA	NA	(VIIou)
137	<i>pflegan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IV
138	<i>rātan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VIIā
139	<i>(h)redan</i>	s	s	w	—	∅	→	NA	VDEF
140	<i>rehhan 1</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	IV
141	<i>rehhan 2</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IV
142	<i>(h)respan</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	IV
143	<i>rīban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
144	<i>rīdan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IA
145	<i>rīhan</i>	s	NA	NA	NA	NA	NA	NA	IA
146	<i>rīhhan</i>	sw	w	w	w	→	∅	∅	IA
147	<i>rimpfan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IIIa
148	<i>hrīnan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IA
149	<i>ringan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIa
150	<i>rinnan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIa
151	<i>riohhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIa
152	<i>(h)riosan</i>	NA	—	—	—	NA	NA	NA	(IIb)
153	<i>riozan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IIb
154	<i>rīsan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IA
155	<i>rītan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
156	<i>(h)riuwan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IIa
157	<i>(w)rīzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
158	<i>(h)ruofan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VIIuo

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
159	<i>(h)rūzan</i>	s	w	w	—	→	∅	NA	IIБ-AOR
160	<i>sahhan</i>	s	w	w	—	→	∅	NA	VIDEF
161	<i>salzan</i>	s	s	sw	sw	∅	→	∅	VIDEF
162	<i>sebhen</i>	s	sw	—	—	→	NA	NA	VIJ
163	<i>sīgan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IA
164	<i>sīhan</i>	s	s	w	w	∅	→	∅	IB
165	<i>singan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
166	<i>sinkan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
167	<i>sinnan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
168	<i>siodan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	IIБ
169	<i>sizzen</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VJ
170	<i>skaban</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VIDEF
171	<i>skaltan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VIIA
172	<i>skehan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VDEF
173	<i>skepfen</i>	s	s	sw	sw	∅	→	∅	VIJ
174	<i>skeidan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII EI
175	<i>skellan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IIIB
176	<i>skeltan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIB
177	<i>skeran</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
178	<i>skerran</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIIB
179	<i>skīnan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
180	<i>skioban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIA
181	<i>skiotan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIБ
182	<i>skītan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
183	<i>skrīan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
184	<i>skrīban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
185	<i>skrintan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIIA
186	<i>skrītan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
187	<i>skrōtan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VII \bar{O}
188	<i>slāfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII \bar{A}
189	<i>slahan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VI \bar{D} EF
190	<i>slīfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
191	<i>slīhhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
192	<i>slingan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{A}
193	<i>slintan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	III \bar{A}
194	<i>sliofan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	II \bar{A}
195	<i>sliozan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	II \bar{B}
196	<i>slīzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
197	<i>smelzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{B}
198	<i>smerzan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	III \bar{B}
199	<i>smiogan</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	II \bar{A}
200	<i>smīzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
201	<i>snahhan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	VI \bar{D} EF
202	<i>snerahan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	III \bar{B}
203	<i>snerfen</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	III \bar{B}
204	<i>snīdan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
205	<i>spaltan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	VII \bar{A}
206	<i>spanan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	VI \bar{D} EF
207	<i>spannan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VII \bar{A}
208	<i>spinnan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{A}
209	<i>spīwan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IB
210	<i>sprehhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
211	<i>springan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{A}
212	<i>stehhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
213	<i>stelan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
214	<i>sterban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	III \bar{B}

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
215	<i>stīgan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
216	<i>stinkan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
217	<i>stioban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIA
218	<i>stōzan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VII \bar{O}
219	<i>stredan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	VDEF
220	<i>strītan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
221	<i>strīhhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
222	<i>sūfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIA-AOR
223	<i>sūgan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIA-AOR
224	<i>sweifan</i>	s	s	w	w	∅	→	∅	VII \bar{E} I
225	<i>swelan</i>	NA	—	—	—	NA	NA	NA	(IV)
226	<i>swelgan</i>	s	s	w	—	∅	→	NA	IIIB
227	<i>swellan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIB
228	<i>sweran</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	IV
229	<i>swerban</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	IIIB
230	<i>swerren</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VIJ
231	<i>swīhhan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IA
232	<i>swimman</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
233	<i>swīnan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IA
234	<i>swintan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
235	<i>swingan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIA
236	<i>telpan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIIB
237	<i>tragan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VIDEF
238	<i>trātan</i>	s	s	NA	—	∅	NA	NA	VII \bar{A}
239	<i>treffan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
240	<i>trehhan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	IV
241	<i>tretan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	VDEF
242	<i>trīban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
243	<i>trinkan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIa
244	<i>triofan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIa
245	<i>triogan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIa
246	<i>tūhhan</i>	s	w	w	w	→	∅	∅	IIa-AOR
247	<i>twelan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	IV
248	<i>wahsan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	V _{DEF}
249	<i>walchan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	V _{DEF}
250	<i>wallan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VIIa
251	<i>waltan</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	VIIa
252	<i>waskan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	V _{DEF}
253	<i>watan</i>	s	s	s	w	∅	∅	→	V _{DEF}
254	<i>(h)wāzan</i>	s	s	—	—	∅	NA	NA	VIIā
255	<i>weban</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	V _{DEF}
256	<i>wegan</i>	s	s	s	sw	∅	∅	→	V _{DEF}
257	<i>wehan</i>	s	NA	—	—	NA	NA	NA	V _{DEF}
258	<i>wellan</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIIb
259	<i>(h)werban</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIb
260	<i>werdan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIb
261	<i>werfan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIb
262	<i>werran</i>	s	s	s	—	∅	∅	NA	IIIb
263	<i>wetan</i>	s	s	sw	—	∅	→	NA	V _{DEF}
264	<i>wīhhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
265	<i>winnan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIa
266	<i>wintan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IIIa
267	<i>wīsan</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IA
268	<i>wīzan 1</i>	s	—	—	—	NA	NA	NA	IA
269	<i>wīzan 2</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IA
270	<i>wuofen</i>	s	sw	—	—	→	NA	NA	VII _{UO}

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Глагол	Ahd.	Mhd.	Fnhd.	Nhd.	A > M	M > FN	FN > N	Группа
271	<i>zeman</i>	s	s	sw	w	∅	→	→	IV
272	<i>zeisan</i>	s	sw	w	w	→	→	∅	VII _{EI}
273	<i>zeran</i>	s	s	w	w	∅	→	∅	IV
274	<i>zīhan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV
275	<i>ziohan</i>	s	s	s	s	∅	∅	∅	IV

Табл. 3. Сводная таблица данных об истории немецких сильных глаголов

3.4. Размеры глагольных групп в истории немецкого языка

Данные, представленные в разделе 3.3, позволяют сделать выводы о количестве глаголов, входящих в каждый из групп на том или ином этапе развития немецкого языка; эта информация представлена ниже в табл. 4. Как отмечалось в разделе 3.2, деление на 20 групп глаголов плохо применимо к р.-н.-в.-нем. и современному немецкому языку, однако для наглядности для этих периодов указывается, какое количество сильных глаголов, ранее относившихся к этим группам, сохраняется в эти эпохи. Для табл. 4 глагол считается сильным, если он имеет сильные формы хотя бы в качестве вариантов: тем самым, здесь для каждой группы суммируется количество помет s и sw в сводной таблице в разделе 3.3.

Кроме количества глаголов, указывается также ранг — место группы в общем списке для данного периода: например, из табл. 4 видно, что группа II_A занимает 7-е место по распространенности в др.-в.-нем., 5–6-е место — в ср.-в.-нем., 5-е место — в р.-н.-в.-нем. и 5–7-е место в современном немецком языке.

Группа	Ahd.	Ранг	Mhd.	Ранг	Fnhd.	Ранг	Nhd.	Ранг
IA	44	1	38	1	35	1	25	1
IV	5	12–14	5	11–12	4	11	4	10
II _A	19	7	18	5–6	18	5	10	5–7
II _A -AOR	5	12–14	3	14–16	2	14–17	2	14–16
II _B -AOR	1	19–20	0	—	0	—	0	—
II _B	15	8	13	8	11	8	10	5–7

IIIА	31	2	31	2	27	2	23	2
IIIВ	28	4	26	4	22	3–4	13	4
IV	30	3	27	3	22	3–4	15	3
VDEF	24	5	18	5–6	16	6	9	8
VJ	3	16	3	14–16	3	12–13	3	11–13
VIDEF	21	6	16	7	15	7	10	5–7
VIJ	5	12–14	4	13	3	12–13	3	11–13
VIIА	10	9–10	10	9–10	9	9	3	11–13
VIIА̄	10	9–10	10	9–10	7	10	7	9
VIIЕ	1	19–20	1	19	0	—	0	—
VIIЕI	6	11	5	11–12	2	14–17	2	14–16
VIIUO	4	15	2	17–18	1	18	1	17–18
VIIÖ ¹	2	17–18	3	14–16	2	14–17	1	17–18
VIIOU	2	17–18	2	17–18	2	14–17	2	14–16

Табл. 4. Количество сильных глаголов различных групп в разные периоды истории немецкого языка

Табл. 4 наглядно демонстрирует, что ранги групп по количеству глаголов остаются стабильными на всем протяжении истории немецкого языка: ни одна из групп не поднимается или не опускается в рейтинге сколько-нибудь заметно. Однако если посмотреть, как меняются не ранги, а размеры групп, можно обратить внимание, что крупные группы, включающие в себя несколько десятков глаголов, на пути от др.-в.-нем. до современного немецкого языка уменьшились в 1,5–2 раза, а некоторые средние и малые группы понесли более существенные потери: так, группа VIIUO сократилась в 4 раза, группа VIIА — в 3,33 раза, группа VIIЕI — ровно в 3 раза, группа IIА-AOR — в 2,5 раза². Это свидетельствует о том, что средние и малые группы оказываются менее устойчивыми в ходе истории немецкого языка,

¹ Количество сильных глаголов этой группы для др.-в.-нем. меньше, чем для ср.-в.-нем., поскольку в др.-в.-нем. не вполне ясен статус глагола *bōzan* (см. выше, раздел II.2).

² Разумеется, необходимо отметить, что в абсолютных числах потери крупных групп оказались более существенными, чем потери малых групп.

чем крупные группы. То же самое можно продемонстрировать и более точными способами, что будет сделано в разделе 3.5.

3.5. Размер группы и сохранность сильного спряжения

Исходя из теоретических предпосылок, изложенных в главе I, кажется вероятной гипотеза, что сохранность сильного спряжения или, наоборот, переход в слабое спряжение, напрямую связаны с регулярностью словоизменительного типа, которая соответствует размеру группы, определяемой чередованием гласных. Можно предположить, что глаголы, относящиеся к меньшим группам, более склонны переходить в слабое спряжение, чем глаголы, относящиеся к более крупным группам, поскольку нет достаточного аналогического воздействия, которое удерживало бы их в сильном спряжении.

Проверим две гипотезы:

1) склонность сильных глаголов к переходу в слабое спряжение связана с размером группы, в которую они входят, при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. языковому состоянию;

2) склонность сильных глаголов к переходу в слабое спряжение связана с размером группы, в которую они входят, при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. языковому состоянию.

Для сравнения можно также дополнительно проверить третью гипотезу:

3) склонность сильных глаголов к переходу в слабое спряжение связана с размером группы, в которую они входят, при переходе от р.-н.-в.-нем. к совр. нем. языковому состоянию.

Впрочем, проверка этой гипотезы является лишь данью логике, поскольку, как было отмечено выше, система групп глаголов в р.-н.-в.-нем. уже подверглась распаду, так что применимость старой классификации на группы к р.-н.-в.-нем. материалу вызывает сомнения.

Для того, чтобы проверить гипотезы такого рода, можно применить так называемый тест Уилкоксона–Манна–Уитни [Meindl 2011: 178; Hollander, Wolfe 1973: 68–75], при помощи которого можно установить, есть ли значимое отличие

между двумя множествами элементов по некоторому количественному параметру (разумеется, этот тест применим не только к лингвистическому материалу, но и к любому другому). В нашем случае выделяется множество глаголов, переживших сдвиг в сторону слабого спряжения, и множество глаголов, не переживших такой сдвиг, а в качестве количественного параметра, различие по которому мы будем пытаться найти, мы используем размер группы, к которой принадлежит каждый отдельно взятый глагол. Следует произвести следующие операции:

1) каждому глаголу приписать размер его группы — количество глаголов такого спряжения, существующих в языке исходного периода;

2) разделить все глаголы на два множества: в одно множество войдут глаголы, пережившие сдвиг типа спряжения в сторону слабого, а в другую — не пережившие такой сдвиг, т. е. имеющие в таблице помету *s* (сильный) или *sw* (сильный / слабый) для обоих периодов;

3) отсортировать все глаголы по частотности, отмечая при этом, какие глаголы находились в первом множестве, а какие — во втором;

4) проверить, насколько равномерно два множества распределились по отсортированному списку: верно ли, что то или иное множество тяготеет к одному из его концов, и с какой вероятностью такое же или еще более неравномерное распределение могло получиться, если бы множества были приписаны глаголам случайно.

Проиллюстрируем, как функционирует этот тест, на примере выборки из 10 др.-в.-нем. глаголов, часть из которых перешла в слабое спряжение в ср.-в.-нем (→), а часть — нет (∅)¹. Возьмем для анализа глаголы *bīzan*, *dīhan*, *diozan*, *dreskan*, *eihhan*, *erren*, *farān*, *felahan*, *fliogan*, *gezzan*.

1) Припишем каждому глаголу размер его группы в др.-в.-нем.:

bīzan 44, *dīhan* 5, *diozan* 15, *dreskan* 31, *eihhan* 6, *erren* 1, *farān* 21, *felahan* 28, *fliogan* 19, *gezzan* 24.

¹ В данном случае выборка не является случайной: глаголы отобраны вручную для удобства иллюстрации принципов работы теста.

2) Разделим все глаголы на два множества в зависимости от их судьбы в ср.-в.-нем. (\rightarrow или \emptyset):

bīzan (\emptyset) 44, *dīhan* (\emptyset) 5, *diozan* (\emptyset) 15, *dreskan* (\emptyset) 31, *eihhan* (\rightarrow) 6, *erren* (\rightarrow) 1, *faran* (\emptyset) 21, *felahan* (\emptyset) 28, *fliogan* (\emptyset) 19, *gezzan* (\emptyset) 24.

3) Отсортируем глаголы по частотности:

erren (\rightarrow) 1, *dīhan* (\emptyset) 5, *eihhan* (\rightarrow) 6, *diozan* (\emptyset) 15, *fliogan* (\emptyset) 19, *faran* (\emptyset) 21, *gezzan* (\emptyset) 24, *felahan* (\emptyset) 28, *dringan* (\emptyset) 31, *bīzan* (\emptyset) 44.

4) Проверим размещение множеств в списке, отсортированном по частотности:

Видно, что множества разместились в списке следующим образом: $\rightarrow\emptyset\rightarrow\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset$. На взгляд кажется вполне очевидным, что знак « \rightarrow » тяготеет к левому краю списка, однако это можно проверить и более точными методами.

Предположим, что мы бы располагали в ряд 2 стрелочки и 8 нулей случайным образом. Всего это можно сделать $10! / (8! \times 2!) = 45$ способами. Из этих 45 способов только в 4 случаях стрелочки так же или еще более выраженно тяготеют к одному из краев:

$\rightarrow\rightarrow\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset$ $\rightarrow\emptyset\rightarrow\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset$
 $\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\rightarrow\emptyset\rightarrow$ $\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\emptyset\rightarrow\rightarrow$

Таким образом, вероятность при случайном распределении стрелочек и нулей по частотности получить такой же результат, как реальный, или еще более радикальный результат составляет $4 / 45 \approx 0,09$. Именно это значение вероятности и является результатом применения теста Уилкоксона–Манна–Уитни к выборке из 10 глаголов, взятой в качестве примера.

Достаточно ли мало такое значение, чтобы отвергнуть нулевую гипотезу («стрелочки и нули распределены по частотности случайно») — это вопрос условности. В большинстве наук стандартный порог значимости составляет 0,05: если при принятии нулевой гипотезы вероятность получить наблюдаемый или еще более странный результат составляет меньше 5%, нулевая гипотеза может быть отвергнута как не соответствующая материалу [Fisher 1925: 43]. Таким образом, в нашем условном примере порог значимости не достигнут: мы не имеем оснований

отвергнуть нулевую гипотезу и считать, что переход глагола в слабое спряжение связан с размером группы, к которой он принадлежит.

Разумеется, выполнять вручную такие вычисления на реальном материале, а не на иллюстративной выборке из 10 объектов было бы затруднительно. Для того, чтобы обработать сводную таблицу из раздела 3.3, мы использовали статистический пакет R (<http://www.r-project.org>), и получили следующие результаты:

1) для перехода от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. вероятность получить реально наблюдаемое распределение в предположении, что между размером групп и склонностью глагола к сдвигу в сторону слабого спряжения нет связи, составляет 0,00015;

2) для перехода от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. вероятность получить реально наблюдаемое распределение в предположении, что между размером групп и склонностью глагола к сдвигу в сторону слабого спряжения нет связи, составляет 0,14;

3) для перехода от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. вероятность получить реально наблюдаемое распределение в предположении, что между размером групп и склонностью глагола к сдвигу в сторону слабого спряжения нет связи, составляет 0,33.

Другими словами, при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. глаголы из небольших групп обнаруживают явную склонность переходить в слабое спряжение, а при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. и от р.-н.-в.-нем. к совр. нем. такая закономерность не обнаруживается, поскольку порог значимости не достигнут.

Переводя все вышесказанное на привычный язык германистики, можно сделать следующие выводы. При переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. сдвигу в сторону слабого спряжения подверглись следующие 17 глаголов из полного перечня, представленно в разделе 2.2 и в таблице в разделе 3.3:

IA: *bītan*, *rīhhan*;

IIA-AOR: *brūhhan*, *lūhhan*, *tūhhan*;

IIБ-AOR: *(h)rūzan*;
 VDEF: *lehhan, jetan, klenan*;
 VIDEF: *sahhan*;
 VIJ: *(h)lahhen, sebben*;
 VIIЕI: *eihhan, zeisan*;
 VIIUO: *bluozan, fluohhan, wuofen*;
 VIIЕ: *erren*.

Видно, что значительная часть этих глаголов входит в очень небольшие группы: глаголы *(h)rūzan* и *erren* спрягаются по уникальным моделям; группа VIIUO представлен всего 4 глаголами; в группу IIА-AOR входит лишь 5 лексем, равно как и в группа VIJ; в группе VIIЕI имеется только 6 глаголов. Хотя единичные представители групп IA, VDEF и VIDEF тоже попали в этот список, следует особо подчеркнуть, что это лишь незначительная доля глаголов, входящих в эти группы, а многие обширные группы и вовсе не представлены в этом списке.

Для наглядности ту же информацию можно представить и иначе, как это сделано в табл. 5:

Группа	Число сильных глаголов (Ahd.)	Переход в слабое спряжение Ahd. > Mhd.	Переход в слабое спряжение Ahd. > Mhd. (%)
IA	44	2	5%
IB	5	0	0%
IIA	19	0	0%
IIA-AOR	5	3	60%
IIБ-AOR	1	1	100%
IIВ	15	0	0%
IIIA	31	0	0%
IIIB	28	0	0%
IV	30	0	0%
VDEF	24	3	13%
VJ	3	0	0%
VIDEF	21	1	5%

Группа	Число сильных глаголов (Ahd.)	Переход в слабое спряжение Ahd. > Mhd.	Переход в слабое спряжение Ahd. > Mhd. (%)
VIJ	5	2	40%
VIIA	10	0	0%
VIIĀ	10	0	0%
VIIĒ	1	1	100%
VIIĒI	6	2	33%
VIIUO	4	3	75%
VIIŌ	2	0	0%
VIIŌU	2	0	0%

Табл. 5. Доля сдвига в сторону слабого спряжения у различных групп др.-в.-нем. глаголов

Из этой таблицы наглядно видно, что некоторые малые группы сильных глаголов теряют от 33% до 100% своего состава, в то время как с крупными группами этого не происходит. Таким образом, подтверждается теоретическое предположение, что вхождение в крупную группу должно удерживать глагол от изменения спряжения, поскольку такой глагол испытывает сильную аналогическую поддержку со стороны других членов той же группы.

Что интересно, подобная закономерность на материале всей совокупности сильных глаголов наблюдается только при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем., но не при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем и от р.-н.-в.-нем. к совр. нем. Это является важным аргументом в пользу утверждения, что уже к концу ср.-в.-нем. периода система классов сильных глаголов перестала представлять собой психолингвистическую реальность; другими словами, сильные глаголы примерно в этот период получили статус лексикализованных исключений из общего правила образования глагольных форм, а на место общего правила выдвинулось слабое спряжение. Однако необходимо отметить, что в результате сокращения количества групп сильных глаголов за счет утраты малых групп четко очерчиваются две группы, которые конституируются как достаточно регулярные модели: это группы IA + IB (т. е. фактически старый I класс, который возвратил свое единство в р.-н.-в.-

нем. после унификации числовых форм претерита, так как у всех глаголов группы IV: (*ge*)*deihen* ‘процветать’, *leihen* ‘одалживать’, *speien* ‘плевать’, *zeihen* ‘уличать’ — возобладала старая основа мн. ч., как и у глаголов группы IA, при том что различие между ними имелось только в ед. ч. претерита) и IIIA (т. е. старый III класс с носовым согласным после чередующегося гласного). Хотя сохранность сильного спряжения перестает зависеть от размера группы в целом, эти две группы выделяются на общем фоне. Это продемонстрировано в табл. 6, где показаны доли сдвига в слабое спряжение для наиболее крупных групп глаголов, упорядоченных по размеру (в отличие от табл. 5, сюда не включены малые группы, поскольку они в значительной мере утратили свою гомогенность к р.-н.-в.-нем. периоду):

Группа	Число сильных глаголов (Fnhd.)	Переход в слабое спряжение Fnhd. > Nhd.	Переход в слабое спряжение Fnhd. > Nhd. (%)
IA + IB	39	3	8%
IIIA	27	2	7%
IIIB	22	4	18%
IV	21	7	33%
IIA	18	4	22%
VDEF	16	6	38%
VIDEF	15	6	40%
IIIB	11	1	9%

Табл. 6. Доля сдвига в сторону слабого спряжения у различных групп р.-н.-в.-нем. глаголов

Из табл. 6 видно, что глаголы групп IA + IB и IIIA крайне редко переходят в слабое спряжение. По всей вероятности, это можно объяснить тем, что их модели словоизменения все-таки сохраняют достаточную регулярность (подробнее о понятии регулярности см. раздел 1.5), что позволяет глаголам этих групп удерживать сильное спряжение. Тем самым, вывод о полном распаде сильного спряжения как системы в р.-н.-в.-нем. необходимо слегка модифицировать: сильное спряжение в целом утрачивает свой сильный характер, за исключением

старого I класса (группы IA + IB) и старого III класса с носовым согласным после чередующегося гласного (группа IIIA).

3.6. Чередования в парадигме и сохранность сильного спряжения

Еще один вопрос, связанный с сохранностью сильных глаголов — это структура парадигмы. В свете механизма перехода сильных глаголов в слабое спряжение, описанного в разделе 1.5, кажется вполне естественным, что более устойчивыми будут те сильные глаголы, которые более маркированы как сильные — то есть те, которые имеют больше характерных признаков сильного спряжения, чем другие сильные глаголы. В качестве конститутивных признаков сильного спряжения во Введении были выделены два — способ образования претерита и способ образования причастия II. В этих формах сильные глаголы надежно отличаются от слабых, и если у носителей языка хранятся в памяти такие формы, у них нет оснований для аналогической переинтерпретации глагола как слабого. Однако есть еще один набор форм, который может отличать сильные глаголы от слабых — это формы 2–3 л. ед. ч. наст. вр., а также форма ед. ч. императива (в др.-в.-нем. и ср.-в.-нем. к числу таких форм относится также 1 л. ед. ч. наст. вр.): эти формы указывают на сильное спряжение не сами по себе, а в сопоставлении с другими лично-числовыми формами настоящего времени и инфинитивом, поскольку они могут маркироваться умлаутом или повышением корневого гласного. Если говорящий сталкивается с парой форм типа *er läuft* ‘он бежит’ — *wir laufen* ‘мы бежим’, он может однозначно идентифицировать глагол как сильный. Известно, что в детской речи формы 2–3 л. ед. ч. наст. вр. сильных глаголов часто достраиваются по аналогии с другими формами (напр., *er lauft* вместо *er läuft*), вследствие чего происходит сближение их парадигмы с парадигмой слабых глаголов [Bybee 1991: 75]; вероятно, подобные процессы и привели к тому, что некоторые глаголы утратили или постепенно утрачивают чередование в настоящем времени: напр., глагол *gebären* ‘рождать’, от которого в современном живом языке употребительна как форма *sie gebiert* ‘она рождает’, так и форма *sie gebärt* без чередования.

Как бы то ни было, можно предполагать, что наличие чередования в настоящем времени повышает шанс глагола остаться сильным, поскольку чередование делает возможным существование противопоставлений типа *er läuft* — *wir laufen*, которые указывают на сильное спряжение.

Для того, чтобы проанализировать, как наличие чередования влияло на сохранность сильного спряжения, следует сперва определить, в каких группах чередование в презенсе было, а в каких — нет. Для разных этапов развития немецкого языка это разные наборы групп, поскольку в ср.-в.-нем. умлаут зашел заметно дальше, чем в др.-в.-нем.

Табл. 7 показывает, в каких группах сильных глаголов в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем. может присутствовать чередование в презенсе, а в каких — нет. Разумеется, эта таблица является лишь приближением: так, некоторые глаголы могли утратить чередование, в некоторых могут встречаться сочетания согласных, блокирующие умлаут и т. п.:

	Ahd.	Mhd.
может быть чередование	IIA, IIB, IIIB, IV, VDEF, VIDEF, VIIA	IIA, IIB, IIA-AOR, IIB-AOR, IIIB, IV, VDEF, VIDEF, VIIA, VIIĀ, VIIou, VIIuo, VIIō
не может быть чередования	IA, IB, IIA-AOR, IIB-AOR, IIIA, VI, VII, VIIĀ, VIIe, VIIei, VIIuo, VIIō, VIIou	IA, IB, IIIA, VI, VII, VIIe, VIIei

Табл. 7. Возможность чередования в презенсе у сильных глаголов различных групп

Оценим, какая доля глаголов, могущих и не могущих иметь чередование в презенсе, подвергается переходу в слабое спряжение при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. и от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем.:

	Нет перехода в слабое спряжение Ahd. > Mhd.	Есть переход в слабое спряжение Ahd. > Mhd.
может быть чередование	127 (97%)	4 (3%)
не может быть чередования	98 (88%)	14 (12%)

Табл. 8. Переход в слабое спряжение от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. и возможность чередования в презенсе

Для того, чтобы оценить, есть ли связь между двумя переменными — возможностью чередования и наличием/отсутствием перехода в слабое спряжение, к данной таблице может быть применен точный тест Фишера [Fisher 1925; Agresti 2002: 91–101]. Суть этого теста сводится к тому, чтобы определить, какова вероятность получить наблюдаемую таблицу распределения значения двух переменных в предположении, что эти переменные не связаны между собой. Вероятность получить таблицу с таким распределением значений в предположении, что переменные не связаны между собой, составляет 0,0062 — из чего следует, что гипотезу об отсутствии взаимосвязи между переменными можно с достаточным основанием отвергнуть. Собственно говоря, процентные соотношения вполне наглядно показывают, что сильные глаголы, имеющие чередование, более устойчивы: из них в слабое спряжение переходит только 3%, а из глаголов без чередования — 12%.

Иную картину мы наблюдаем при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем.:

	Нет перехода в слабое спряжение Mhd. > Fnhd.	Есть переход в слабое спряжение Mhd. > Fnhd.
может быть чередование	104 (76%)	33 (24%)
не может быть чередования	69 (84%)	13 (16%)

Табл. 9. Переход в слабое спряжение от ср.-в.-нем. к др.-в.-нем. и возможность чередования в презенсе

В данном случае различие между двумя категориями глаголов не столь велико, и вероятность получить такое распределение случайно составляет 0,17 — этого недостаточно для того, чтобы отвергнуть нулевую гипотезу о том, что чередование и склонность к переходу в слабое спряжение не связаны, поскольку, как говорилось выше (см. раздел 3.5), значимыми принято считать значения вероятности, которые составляют менее 0,05.

Можно было бы проверить и связь между наличием чередования в презенсе и склонностью к сдвигу в слабый тип спряжения и для перехода от р.-н.-в.-нем. периода к совр. нем.; однако результат такой проверки не будет достоверным, поскольку сдвиг в слабый тип, которые испытало значительное количество глаголов без чередования на пути от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем., привел к тому, что абсолютное большинство глаголов, не имеющих чередования в презенсе, в р.-н.-в.-нем. и совр. нем. относится к группам IA + IB и IIIA, то есть к тем крупным группам, устойчивость которых была показана в разделе 3.5.

3.7. Выводы

Таким образом, мы видим, что и в случае с размером группы, и в случае с наличием чередования в презенсе общетеоретические предположения подтверждаются при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем. и не подтверждаются при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. Это является статистическим доказательством вывода о распаде системы классов сильных глаголов к концу ср.-в.-нем. периода, предложенного, в частности, в работах [Зиндер, Строева 1968] и [Augst 1977]. Системный характер утрачивают все сильные глаголы за исключением старого I класса и старого III класса с носовым после чередующегося гласного. На сильные глаголы перестают действовать закономерности, связанные с парадигматикой, и отныне их судьбу определяют другие факторы, в первую очередь частотность (подробнее о роли частотности в судьбе сильных глаголов см. [Carroll, Svare, Salmons 2012]), а также межлексемные ассоциативные отношения (омонимическое отталкивание и взаимодействие с каузативными дериватами), о которых говорилось в разделе 1.5.

Заключение

В работе было исследовано основное направление изменений в истории немецких сильных глаголов — постепенный переход лексических единиц, входящих в этот словоизменительный тип, в слабое спряжение. Были поставлены три вопроса, касающихся этого процесса: почему, как и с какими именно сильными глаголами он происходит.

Во Введении была обоснована актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы цели и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту; указана степень разработанности темы; сообщается информация о степени достоверности полученных результатов и об апробации работы; кратко очерчена структура работы.

В главе 1 в разделе 1.1 дается основная информация о словоизменительных типах немецких глаголов и вводится строгое определение сильного и слабого спряжения, основывающееся на способе образования претерита и причастия II. В разделе 1.2 демонстрируется, что переход сильных глаголов в слабое спряжение является основным процессом в динамике системы немецкого сильного глагола, а в разделе 1.3 дается обзор литературы по этому вопросу. В разделе 1.4 предложено объяснение причин исследуемого процесса в рамках теории естественной морфологии, разработанной В. Дресслером и другими учеными: доказывається, что сильные глаголы являются менее эволюционно предпочтительным словоизменительным типом с точки зрения общей морфологии, что и обуславливает их постепенное вытеснение слабыми глаголами. В разделе 1.5 обсуждается механизм перехода сильных глаголов в слабое спряжение, вписывающийся в общую теорию языковых изменений.

В главе 2 подробно анализируется история всех сильных глаголов, зафиксированных в древневерхненемецком языке. Для каждой из 275 таких единиц указывается ее статус в др.-в.-нем., ср.-в.-нем., р.-н.-в.-нем. и современном немецком языке. Исследование выполнено с использованием трех различных типов источников: корпусов (конкордансов), словарей и грамматик, что обеспечивает надежность полученных результатов.

Показано, что из примерно 270 др.-в.-нем. сильных глаголов как лексемы до современного немецкого языка дожили 190, т. е. около 70%. При этом лишь около 130 из них сохранили сильное спряжение: таким образом, число сильных глаголов в словаре немецкого языка за прошедшее тысячелетие снизилось примерно на 50%.

В главе 3 анализируются данные, собранные в главе 2. В разделе 3.2 обосновывается деление сильных глаголов древневерхненемецкого и средневерхненемецкого языка на группы, построенное на строго синхронном основании, а не транспонирующее традиционную 7-классную классификацию с прагерманского уровня на уровень немецкого языка. В результате предлагается выделять 20 групп сильных глаголов в др.-в.-нем. и в ср.-в.-нем.; разумеется, эти группы так или иначе описаны в любой грамматике др.-в.-нем. и ср.-в.-нем., однако обычно они занимают второстепенное положение на фоне деления на 7 классов, которое не имеет отношения к фактам истории собственно немецкого языка. Раздел 3.3 содержит сводную таблицу, обобщающую информацию о судьбе отдельных глаголов, представленную в главе 2; кроме того, в этой таблице каждый глагол снабжен информацией о принадлежности к группе. В разделе 3.4 демонстрируется, что средние и малые группы сильных глаголов несут бóльшие потери в относительных числах, чем крупные группы. В разделе 3.5 показано, что это в первую очередь связано с тем, что малые группы утратили значительное число глаголов при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем.: особенно большой урон понесли группы VII_{UO}, II_A-AOR, VI_I и VII_{IEI}, которые утратили треть или более своего состава, а также микрогруппы II_B-AOR и VII_E, которые состояли из одного глагола и в ср.-в.-нем. утратились полностью. В разделе 3.6 доказывается, что чередование в презенсе также является важным фактором, влияющим на судьбу сильных глаголов при переходе от др.-в.-нем. к ср.-в.-нем.: те группы, которые могут иметь чередование, более склонны удерживать в сильном спряжении относящиеся к ним глаголы, чем те группы, в которых чередования нет.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что в силу двух этих тенденций особенно сильный урон понесли аористо-презентные глаголы II класса (II_A-AOR, II_B-AOR), *j*-презентные глаголы VI класса (VI_I) и глаголы VII класса с

редким вокализмом (VШЕI, VШUO, VШE); к слабому спряжению их подталкивали одновременно две тенденции: и малочисленность групп, и отсутствие чередований в презенсе.

Те же самые явления не наблюдаются при переходе от ср.-в.-нем. к р.-н.-в.-нем. Это свидетельствует о том, что к концу ср.-в.-нем. периода сильные глаголы перестали составлять отдельный регулярный словоизменительный тип и фактически лексикализировались, то есть перестали существовать как стройная система, основанная на принципе распределения по группам. Таким образом, наша работа подтверждает при помощи статистических методов и полного анализа материала мнение о распаде системы сильных глаголов, которое уже высказывалось в германистической литературе ранее [Зиндер, Строева 1968: 239; Augst 1977]. Об этом же свидетельствует и появление многочисленных колебаний в образовании форм отдельных глаголов, которое наблюдается начиная с р.-н.-в.-нем. периода [GdFnhd 1970–1988: IV], но не в более ранние периоды развития немецкого языка. Начиная с этого момента в системе сильных глаголов более важную роль получают другие факторы, а именно частотность [Carroll, Svare, Salmons 2012], а также межлексемные ассоциативные связи (омонимическое отталкивание, взаимодействие с каузативными дериватами). Системный характер сохранило только чередование в старом I классе и в старом III классе с носовым согласным после чередующегося гласного.

Таки образом, основной вывод, который можно сделать, наблюдая за динамикой системы немецких сильных глаголов, состоит в том, что как система сильные глаголы существуют фактически только до конца ср.-в.-нем. периода, а в дальнейшем на месте этой системы остаются ее реликты, которые подчиняются принципиально другим закономерностям. Это утверждение доказывается в диссертации при помощи комплекса статистических методов, который в будущем может быть применен и к другим германским языкам.

Список литературы

- 1) Абрамов Б. А. 1999. *Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология русского и немецкого языков*. М.: Владос.
- 2) Абрамов Б. А. 2003. *Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания*. М.: Кругъ.
- 3) Адмони В. Г. 1986. *Теоретическая грамматика современного немецкого языка. Строй современного немецкого языка*. М.: Просвещение.
- 4) Адмони В. Г. 1964. *Основы теории грамматики*. М.–Л.: Наука.
- 5) Берков В. П. 2001. *Современные германские языки*. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Астрель.
- 6) Бурлак С. А., Старостин С. А. 2005. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Academia.
- 7) Гухман М. М. 1958. *Готский язык*. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- 8) Гухман М. М. (ред). 1977. *Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени*. М.: Наука.
- 9) Гухман М. М. (ред). 1978. *Историко-типологическая морфология германских языков. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия*. М.: Наука.
- 10) Ермолаева Л. С. 1977. Типология развития системы наклонений. В сб.: Ярцева (ред.) 1977: 212–282.
- 11) Ершова И. А. 1997. *Введение в германскую филологию. Выпуск I: Фонетика древнегерманских языков*. М.: Издательство Московского университета.
- 12) Ершова И. А. 2000. *Введение в германскую филологию. Выпуск II: Древнегерманский глагол*. М.: Издательство Московского университета.
- 13) Жирмунский В. М. 1948. *История немецкого языка*. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- 14) Жирмунский В. М. 1956. *Немецкая диалектология*. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР.

- 15) Зеленецкий А. Л. 1976. “К вопросу об архаичности системы сильного глагола в западногерманских литературных языках”. В сб.: Ярцева (ред.) 1976: 191–212.
- 16) Зеленецкий А. Л. 2004. *Сравнительная типология основных европейских языков*. М.: Издательский центр «Академия».
- 17) Зеленецкий А. Л. 2012. *Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного*. М.: ФЛИНТА: Наука.
- 18) Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1957. *Современный немецкий язык. Теоретический курс*. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- 19) Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1968. *Историческая морфология немецкого языка*. Л.: Просвещение.
- 20) Касевич В. Б. 2006. *Труды по языкознанию*. Т. 1. Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- 21) Князев С. В., Пожарицкая С. К. 2011. *Русская фонетика*. М.: Академический проект; Gaudeamus.
- 22) ЛЭС 1990 = Ярцева В. Н. (ред.). 1990. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- 23) Мейе А. 1952. *Основные особенности германской группы языков*. Пер. с франц. Н. А. Сигал; под ред., с предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- 24) Мельчук И. А. 1997–2006. *Курс общей морфологии*. Т. 1–5. М.: Языки славянской культуры.
- 25) Миронов С. А. 1969. *Язык африкаанс*. М.: Наука.
- 26) Миронов С. А. 1973. *Становление литературной нормы современного нидерландского языка*. М.: Наука.
- 27) Москальская О. И. 2004. *Теоретическая грамматика современного немецкого языка*. М.: Издательский центр «Академия».
- 28) Неद्याлков В. П. 1971. *Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив*. Л.: Наука.

- 29) Николаева Н. А. 2003. *Тематизация презенса сильного глагола в кельтских и германских языках (на материале древнеирландского и готского)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.
- 30) Прокош Э. 1954. *Сравнительная грамматика германских языков*. пер. с англ. Т. Н. Сергеевой; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева ; примеч. М. М. Гухман. М.: Издательство иностранной литературы.
- 31) Савченко А. Н. 1974. *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*. М.: Высшая школа.
- 32) СГГЯ 1962–1966 = *Сравнительная грамматика германских языков*. Т. 1–4. М.: Наука, 1962–1966.
- 33) Смирницкая О. А. 1977. Эволюция видо-временной системы в германских языках. В сб.: Ярцева (ред.) 1977: 5–127.
- 34) Смирницкая О. А. 2008. *Избранные статьи по германской филологии*. М.: МАКС-Пресс; Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- 35) Смирницкий А. И. 1959. *Морфология английского языка*. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- 36) Соссюр Ф. 1977. “Курс общей лингвистики”. В сб.: Соссюр Ф. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- 37) Филичева Н. И. 2003. *История немецкого языка*. М.: Издательский центр «Академия».
- 38) Ярцева В. Н. (ред.). 1976. *Типология германских литературных языков*. М.: Наука.
- 39) Ярцева В. Н. (ред.). 1977. *Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола*. М.: Наука.
- 40) Ярцева В. Н. (ред.). 1990: см. ЛЭС 1990.
- 41) Agresti, Alan. *Categorical data analysis*. 2nd ed. New York: Wiley, 2002.
- 42) Augst, Gerhard. 1975. “Wie stark sind die starken Verben? Überlegungen zur Subklassifizierung der neuhochdeutschen Verben”. In Augst, Gerhard.

- Untersuchungen zum Morpheminventar der deutschen Gegenwartssprache.*
Tübingen: Narr. S. 231–281.
- 43) Bammesberger, Alfred. 1986. *Der Aufbau des germanischen Verbalsystems.* Heidelberg: Winter.
- 44) Bammesberger, Alfred. 1991. “Das Präteritum der Verba Pura und ahd. *ier-/eor-/er-*”. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 113: 22–27.
- 45) Bauer, Laurie. 2001. *Morphological Productivity.* Cambridge: Cambridge University Press.
- 46) Belegarchiv des MWB. URL: <http://www.mhdwb-online.de>
- 47) Beuerle, Angela. 2010. *Sprachdenken im Mittelalter.* Berlin – New York: Walter de Gruyter.
- 48) Bittner, Andreas. 1985. “Wie schwach sind die starken Verben? Überlegungen und Vorschläge zu einer Klassifizierung der neuhochdeutschen Verben”. In Wurzel (hg.) 1985: 51–74.
- 49) Bittner, Andreas. 1996. *Starke ‘schwache’ Verben — schwache ‘starke’ Verben. Struktur des deutschen Verbsystems.* Tübingen: Stauffenburg.
- 50) BMZ = *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* Mit Benutzung des Nachlasses von G. F. Benecke ausgearbeitet von W. Müller und F. Zarncke. Leipzig: Hirzel, 1854–1866.
- 51) Booij, Gert, Christian Lehmann, Joachim Mugdan, Wolfgang Kesselheim & Stavros Skopeteas (eds.). 2000. *Morphologie / Morphology. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / An international handbook on inflection and word-formation.* 1. Halbband / Volume 1. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 52) Booij, Gert, Christian Lehmann, Joachim Mugdan, Wolfgang Kesselheim & Stavros Skopeteas (eds.). 2004. *Morphologie / Morphology. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / An international handbook on inflection and word-formation.* 2. Halbband / Volume 2. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 53) Bonner Frühneuhochdeutschkorpus. URL: <http://www.korpora.org/Fnhd>

- 54) de Boor, Helmut & Roswitha Wisniewski. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 10. Aufl. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 1998.
- 55) Braune Wilhelm & Ernst Ebbinghaus. 1970, *Abriß der althochdeutschen Grammatik*. 13. Aufl. Tübingen: Niemeyer.
- 56) Braune, Wilhelm & Ingo Reiffenstein. 2004. *Althochdeutsche Grammatik I*. 15. Aufl. Tübingen: Niemeyer.
- 57) Braune, Wilhelm & Frank Heidermanns. 2004. *Gotische Grammatik*. 20. Aufl. Tübingen: Niemeyer.
- 58) Brugmann, Karl. 1895. “Der präteritale Bildungstypus ahd. *hiaz* aisl. *hit* und ahd. *liof* aisl. *hlióp*”. *Indogermanische Forschungen* 6:89–100.
- 59) Bybee, Joan. 1991. “Natural Morphology: The Organization of Paradigms and Language Acquisition”. In Huebner, Ferguson (eds.) 1991: 67–92.
- 60) Campbell, Lyle. 2004. *Historical linguistics: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- 61) Carroll, Ryan, Ragnar Svare & Joseph C. Salmons. 2012. “Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs”. *Journal of Historical Linguistics* 2.2: 153–172.
- 62) Chambers, J.K., Peter Trudgill & Natalie Schilling-Estes (eds.). 2002. *The handbook of language variation and change*. Oxford: Blackwell.
- 63) Clark, Eve V. 2009. *First language acquisition*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
- 64) Coetsem, Frans van. 1990. *Ablaut and reduplication in the Germanic verb*. Heidelberg: Winter.
- 65) Dammel, Antje. 2010. *Konjugationsklassenwandel : Prinzipien des Ab-, Um- und Ausbaus verbalflexivischer Allomorphie in germanischen Sprachen*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 66) DDD = Deutsch Diachron Digital. URL: <http://www.deutschdiachrondigital.de>
- 67) DeReKo = Das Deutsche Referenzkorpus. URL: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>

- 68) Donaldson, Bruce. 1993. *A grammar of Afrikaans*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- 69) Dressler, Wolfgang U. 2000. "Naturalness". In Booij et al. (eds.) 2000: 288–296.
- 70) Dressler, Wolfgang U. 2003. "Naturalness and Morphological Change". In Joseph & Janda (eds.) 2003: 461–471.
- 71) Duden Grammatik = *Duden, Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. 1998. Hrsg. von der Dudenredaktion. Bearb. von Peter Eisenberg u. a. Mannheim, Leipzig, Wien & Zürich: Dudenverlag.
- 72) Duden Universalwörterbuch. URL: <http://www.duden.de/>
- 73) Durrell, Martin. 2001. "Strong verb ablaut in the West-Germanic languages". In Watts, West & Solms (eds.) 2001: 15–18.
- 74) DWB = *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. 1854–1961. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig: Hirzel.
- 75) Ebert, Robert Peter, Oskar Reichmann, Hans-Joachim Solms & Klaus-Peter Wegera. 1993. *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Niemeyer.
- 76) Eisenberg, Peter. 2006. *Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 1: Das Wort*. Stuttgart: Metzler.
- 77) Elsen, Hilke. 2011. *Grundzüge der Morphologie des Deutschen*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 78) Engel, Ulrich. 1996. *Deutsche Grammatik*. 3., korrigierte Aufl. Heidelberg: Julius Groos.
- 79) Even-Simkin, Elena & Yishai Tobin. 2013. *The Regularity of the 'Irregular' Verbs and Nouns in English*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- 80) Faust, Manfred. 1980. "Morphologische Regularisierung im Sprachwandel und Spracherwerb". *Folia Linguistica* 14. S. 387–411.
- 81) Fertig, David. 2000. *Morphological change up close: Two and a half centuries of verbal inflection in Nuremberg*. Tübingen: Niemeyer.
- 82) Fisher, Ronald A. 1925. *Statistical methods for research workers*. Edinburgh: Oliver and Boyd.

- 83) FnhdWb 1989– = Reichman, Oskar u. a. *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. 1989–. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
- 84) Fullerton, Gerald L. 1977. *Historical Germanic verb morphology*. Berlin & New York: de Gruyter.
- 85) GdFnhd 1970–1988 = *Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Beiträge zur Laut- und Formenlehre*. 1970–1988. Hg. von Hugo Moser, Hugo Stopp und Werner Besch. 7 Bde. Heidelberg: Winter.
- 86) GerManC. URL: <http://www.llc.manchester.ac.uk/research/projects/germanc/>
- 87) Gl = Steinmeyer, Elias & Eduard Sievers (hg.). 1879–1922. *Die althochdeutschen Glossen*. Berlin: Weidmann.
- 88) Graff, Eberhard Gottlieb. 1834–1846. *Althochdeutscher Sprachschatz*. 6 Bde. und Index. Berlin: Beim Verfasser und in Commission der Nikolaischen Buchhandlung.
- 89) Grimm, Jakob. 1822. *Deutsche Grammatik*. Bd. 1. Göttingen: Dieterich.
- 90) Halle, Morris. 1962. “Phonology in generative grammar”. *Word* 18. P. 54–72.
- 91) Harbert, Wayne. 2006. *The Germanic Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 92) Haspelmath, Martin & Andrea Sims. 2010. *Understanding morphology*. 2nd ed. London: Hodder Education.
- 93) Hempen, Ute. 1988. *Die starken Verben im Deutschen und im Niederländischen*. Tübingen: Niemeyer.
- 94) Hock, Hans Heinrich. 1991. *Principles of historical linguistics*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- 95) Hollander, Myles & Douglas A. Wolfe. 1973. *Nonparametric statistical methods*. New York: Wiley.
- 96) Huebner, Thom & Charles A. Ferguson (eds.). 1991. *Crosscurrents in second language acquisition and linguistic theories*. Amsterdam: John Benjamins.
- 97) Jarosch, Josef Johann. 1995–. *Rekonstruierendes und etymonomisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. Schuch: Weiden
- 98) Joseph, Brian D. & Richard D. Janda. 2003. *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Blackwell.

- 99) Jespersen, Otto. *Language, Its Nature, Development and Origin*. London: G. Allen & Unwin, 1922.
- 100) Klein, Thomas, Hans-Joachim Solms & Klaus-Peter Wegera. 2009. *Mittelhochdeutsche Grammatik. Teil 3: Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer.
- 101) Kluge, Friedrich. 2011. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 25. Aufl., bearb. v. Elmar Seebold. Berlin & New York: de Gruyter.
- 102) Köpcke, Michael. 1998. "Prototypisch starke und schwache Verben der deutschen Gegenwartssprache". *Germanistische Linguistik* 141–142: 45–59.
- 103) Krahe, Hans & Wolfgang Meid. *Germanische Sprachwissenschaft*. 7. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1969.
- 104) Kühne, Andreas. 1999. *Zur historischen Lexikostatistik der starken Verben im Deutschen*. Heidelberg: Winter.
- 105) Kuryłowicz, Jerzy. 1968. *Indogermanische Grammatik*. Bd. II. Heidelberg: Winter.
- 106) Lexer, Matthias. 1872–1878. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Leipzig: Hirzel.
- 107) Lieber, Rochelle. 2009. *Introducing morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 108) Lieberman, Erez, Jean-Baptiste Michel, Joe Jackson, Tina Tang & Martin A. Nowak. 2007. "Quantifying the evolutionary dynamics of language". *Nature* 449: 713–716.
- 109) Mailhammer, Robert. 2007a. *The Germanic strong verbs*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- 110) Mailhammer, Robert. 2007b. "Islands of Resilience: The History of the Verbs from a Systemic Point of View". *Morphology* 17: 77–108.
- 111) Makaev, Enver A. 1964. "The Morphological Structure of Common Germanic". *Linguistics* 10: 22–50.
- 112) Markus, Gary F., Ursula Brinkmann, Harald Clahsen, Richard Wiese & Steven Pinker. 1995. "German inflection: the exception that proves the rule". *Cognitive Psychology* 29.3: 189–256.

- 113) Matzel, Klaus. 1989. "Urgerm. *arja*, ahd. *erien*, *erren* 'pflügen' ". In Rosenfeld & Tauber (hg.) 1989: 455–468.
- 114) Mausser, Otto. 1932–1933. *Mittelhochdeutsche Grammatik auf vergleichender Grundlage*. München: Hueber.
- 115) Mayerthaler, Willi. 1981. *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden: Athenaion.
- 116) McEnery, Tony & Andrew Hardie. 2012. *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 117) McMahon, April. 1994. *Understanding language change*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
- 118) McMahon, April & Robert McMahon. 2005. *Language classification by numbers*. Oxford: Oxford University Press.
- 119) Meid, Wolfgang. 1971. *Das germanische Praeteritum: Indogermanische Grundlagen und Ausbreitung im Germanischen*. Innsbruck: Institut für Vergleichende Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- 120) Meier-Brügger, Michael. 2010. *Indogermanische Sprachwissenschaft*. 9. Aufl. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 121) Meillet, Antoine. 1917. *Caractères généraux des Langues Germaniques*. Paris: Librairie Hachette et Cie.
- 122) Meindl, Claudia. 2011. *Methodik für Linguisten: Eine Einführung in Statistik und Versuchsplanung*. Tübingen: Narr Francke Attempto.
- 123) MHDBDB = Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank. URL: <http://mhdbdb.sbg.ac.at/index.en.html>
- 124) MWB = Mittelhochdeutsches Wörterbuch. URL: <http://mhdwb-online.de>
- 125) Nedoma, Robert. 2010. *Kleine Grammatik des Altisländischen*. 3. Aufl. Heidelberg: Winter.
- 126) Nübling, Damaris, Antje Dammel, Janet Duke & Renate Szczepaniak. 2010. *Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels*. 3. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto.
- 127) Orel, Vladimir E. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill.

- 128) Paul, Hermann. 1873. *Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache? Vortrag gehalten zur Erlangung der Venia Legendi an der Universität Leipzig*. Halle a. d. Saale: Lippert.
- 129) Paul, Hermann. 1916–1922. *Deutsche Grammatik*. Halle/Saale: Niemeyer.
- 130) Paul, Hermann. 2007. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 27. Aufl. Tübingen: Niemeyer.
- 131) Pinker, Steven. 1999. *Words and rules: the ingredients of language*. New York: Basic Books.
- 132) Plank, Frans. 1979. “Ikonisierung und De-Ikonisierung als Prinzipien des Sprachwandels”. *Sprachwissenschaft* 4. 121–158.
- 133) Prokosch, Eduard. 1939. *A Comparative Germanic Grammar*. Pennsylvania: University of Pennsylvania.
- 134) Rauch, Irmengard. 1992. *The Old Saxon language: grammar, epic narrative, linguistic interference*. New York: Peter Lang.
- 135) Rauch, Irmengard & Gerald F. Carr (eds.). 1997. *Insights in Germanic linguistics II: Classic and contemporary*. Berlin: de Gruyter.
- 136) Reichmann, Oskar u. a. 1989–: см. FnhdWb 1989–.
- 137) Riecke, Jörg. 1996. *Die schwachen jan-Verben des Althochdeutschen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- 138) Ringe, Don. 2006. *A linguistic history of English. Vol. 1: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford: Oxford University Press.
- 139) Rosenfeld, Hans-Friedrich & Walter Tauber. 1989. *Aspekte der Germanistik: Festschrift für Hans-Friedrich Rosenfeld zum 90. Geburtstag*. Göppingen: Kümmerle.
- 140) Sackmann, Robin (ed.). 2008. *Explorations in integrational linguistics*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- 141) Salmons, Joseph. 2012. *A History of German: What the Past Reveals about Today's Language*. Oxford: Oxford University Press.
- 142) Saussure, Ferdinand de. 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris: Éditions Payot & Rivages.

- 143) Schirmunski, Viktor M. 2010. *Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- 144) Schmidt, Wilhelm. 2013. *Geschichte der deutschen Sprache*. 11. Aufl. Stuttgart: Hirzel.
- 145) Schützeichel, Rudolf. 2012. *Althochdeutsches Wörterbuch*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 146) Seebold, Elmar. 1970. *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. The Hague & Paris: Mouton.
- 147) Seebold, Elmar, Brigitte Bulitta u. a. 2001. *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes: der Wortschatz des 8. Jahrhunderts (und früherer Quellen)*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 148) Seebold, Elmar, Brigitte Bulitta u. a. 2008. *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes*. 2. Bd.: Der Wortschatz des 9. Jahrhunderts. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 149) Ségrál, Philippe & Tobias Scheer. 1997. “A Generalized Theory of Ablaut: the Case of Modern German Strong Verbs”. In Speras & Winford (eds.) 1997: 29–59.
- 150) Sievers, Eduard (hg.). 1892. *Tatian*. Paderborn: F. Schöningh.
- 151) Solms, Hans-Joachim. 2004. “Vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen”. In Booij et al. (eds) 2004: 1680–1698.
- 152) Sonderegger, Stefan. 2003. *Althochdeutsche Sprache und Literatur*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- 153) Spears, Arthur K. & Donald Winford (eds.). 1997. *Pidgins and creoles: structure and status*. Amsterdam: John Benjamins.
- 154) Stedje, Astrid. 1987. “Warum nur im Germanischen? Altes und Neues zum Ablaut der starken Verben”. *Studier i modern språkvetenskap (N.S.)* 8: 96–113.
- 155) Steinmeyer, Elias & Eduard Sievers (hg.). 1879–1922: cm. Gl.
- 156) Streitberg, Wilhelm. 1896. *Urgermanische Grammatik*. Heidelberg: Winter.
- 157) Streitberg, Wilhelm. 1920. *Gotisches Elementarbuch*. Heidelberg: Winter.
- 158) Strunk, Klaus. 1970. “Über tiefstufige set-Wurzeln im Griechischen”. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 28: 109–127.

- 159) Swadesh, Morris. 1951. "Diffusional Cumulation and Archaic Residue as Historical Explanations". *Southwestern Journal of Anthropology* 7: 1–21.
- 160) Tanz, Christine. 1971. "Sound symbolism in words relating to proximity and distance". *Language and speech* 14: 266–276.
- 161) Theobald, Elke. 1992. *Sprachwandel bei deutschen Verben: Flexionsklassenschwankungen starker und schwacher Verben*. Tübingen: Narr.
- 162) Ullman, Michael T. 1999. "Acceptability ratings of regular and irregular past-tense forms: Evidence for a dual-system model of language from word frequency and phonological neighborhood effects". *Language and Cognitive Processes* 14:47–67.
- 163) Vennemann, Theo. 1994. "Zur Entwicklung der reduplizierenden Verben im Germanischen". *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 116: 167–221.
- 164) Vennemann, Theo. 1997. "The development of reduplicating verbs in Germanic". In Rauch & Carr (eds.) 1997: 297–336.
- 165) Verner, Karl A. 1877. "Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung". In *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 23.2: 97–130.
- 166) Watkins, Calvert. 1969. *Indogermanische Grammatik III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg: Winter.
- 167) Watts, Sheila, Jonathan West & Hans-Joachim Solms (eds.). 2001. *Zur Verbmorphologie germanischer Sprachen*. Tübingen: Niemeyer.
- 168) Weddige, Hilbert. 2014. *Einführung in die germanistische Mediävistik*. München: C. H. Beck.
- 169) Wiese, Bernd. 2008. "Form and function of verbal ablaut in contemporary Standard German". In Sackmann (ed.) 2008: 97–153.
- 170) Wurzel, Wolfgang U. 1984. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*. Berlin: Akademie-Verlag.
- 171) Wurzel, Wolfgang U. (hg.). 1985. *Studien zur Morphologie und Phonologie I*. Berlin: Akademie-Verlag.

Список сокращений

англ. — английский

гот. — готский

др.-англ. — древнеанглийский

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий

др.-исл. — древнеисландский

др.-сакс. — древнесаксонский

ед. (ч.) — единственное число

изъяв. (накл.) — изъявительное наклонение

л. — лицо

мн. (ч.) — множественное число

наст. (вр.) — настоящее время

нем. — немецкий

повел. (накл.) — повелительное наклонение

прагерм. — прагерманский

прет. — претерит

прич. — причастие

прош. (вр.) — прошедшее время

р.-н.-в.-нем. — ранненововерхненемецкий

совр. — современный

сосл. (накл.) — сослагательное наклонение

ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий

уменьш. — уменьшительный

A, Ahd. — древневерхненемецкий (Althochdeutsch)

FN, Fnhd. — ранненововерхненемецкий (Frühneuhochdeutsch)

M, Mhd. — древневерхненемецкий (Mittelhochdeutsch)

N, Nhd. — современный немецкий (Neuhochdeutsch)